

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

А.С. ХРОМЫХ

ИСТОРИЯ СИБИРИ (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVIII ВЕКА)

Учебное пособие

Красноярск
2014

ББК 63.3(253)
X 943

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор

Г.Ф. Быконя

Доктор исторических наук, профессор

Ю.М. Гончаров

Хромых А.С.

X 943 История Сибири (конец XVI – начало XVIII века): учебное пособие / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2014. – 320 с.

ISBN 978-5-85981-727-6

В учебном пособии предпринята попытка дать всестороннюю картину первого этапа русского освоения Сибири. Подробно рассматриваются и систематизируются знания о хозяйственных, социально-экономических отношениях, управлении Сибирью, социальном сотрудничестве и конфликтах, культуре и деятельности Русской православной церкви в Сибири в конце XVI – начале XVIII века. Освещаются новые подходы к трактовке сути процесса освоения Сибири. В учебно-методический аппарат входят вопросы для самопроверки и список рекомендуемой литературы к каждой главе, словарь терминов, примерные темы рефератов и вопросы для зачета.

Предназначено для самостоятельной работы бакалавров на курсах по выбору по направлениям подготовки 050100.62 Педагогическое образование, 030200.62 Политология и 072300.65 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия и магистров. Может быть полезно для учащихся учебных заведений и студентов факультетов гуманитарного профиля.

ББК 63.3(253)

Издается при финансовой поддержке проекта № 06/12 «Исследования проблем развития человека на базе Гуманитарной технологической платформы “Инновационный человек”» Программы стратегического развития КГПУ им. В.П. Астафьева на 2012–2016 годы.

ISBN 978-5-85981-727-6

© Красноярский государственный педагогический университет

им. В.П. Астафьева, 2014

© Хромых А.С., 2014

Введение

История Сибири изучается в форме курса по выбору на ряде направлений подготовки студентов педагогических и классических университетов. В силу дефицита аудиторного времени многие вопросы курса фактически невозможно осветить в полной мере. Поэтому представляется необходимым систематизировать сложный и многогранный материал периода начального освоения Сибири русскими, представить его в максимально удобной и доступной форме. Именно с этой целью и создавалось данное пособие.

Хронологические рамки – конец XVI – начало XVIII вв. – выбраны не случайно. Первая дата – это время прихода Ермака в Сибирь, после которого началось вхождение земель за Уралом в состав Российского государства. В начале же XVIII в. произошли значимые изменения, обозначившие новые векторы развития Сибири. В частности, это рост населения, изменение структуры экономики Сибири, складывание новой системы управления регионом – учреждение губернии, зарождение культуры нового европеизированного типа.

Географический топоним «Сибирь» в конце XVI – начале XVIII вв. несколько отличался от его современного понимания. В указанный период в топоним Сибирь входили территории Западной и Восточной Сибири, Восточного Урала, Алтая и Дальнего Востока, поэтому в учебном пособии есть материал, связанный с историей этих регионов.

С введением за последние годы в научный оборот ранее неизвестных фактов и появлением новых теорий, объясняющих историю Сибири, помимо систематизации, назрела необходимость углубленно рассмотреть отдельные проблемы ее начальной истории и дать им подробное изложение.

Сибиреведение является одним из наиболее развитых направлений отечественной исторической науки. На данный момент существуют учебные пособия, посвященные исто-

рии Сибири. Среди них можно выделить несколько групп. К первой группе относятся пособия, предназначенные для учащихся общеобразовательных школ. Например, такими пособиями являются «История Сибири» Ф.С. Кузнецовой (Кузнецова Ф.С. История Сибири: учебное пособие для 7 класса общеобразовательных учреждений. 4-е изд. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2006. Ч. I: Присоединение к России. 256 с.) или «Сибирь: вехи истории (XVI–XIX вв.)» А.С. Зуева (Зуев А.С. Сибирь: вехи истории (XVI–XIX вв.): учебное пособие для старших классов общеобразовательных учреждений. 2-е изд. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1999). Вторую группу составляют учебные пособия, охватывающие весь период истории Сибири от древности до современности. Среди них можно выделить «Историю Сибири» Л.Г. Олеха (Олех Л.Г. История Сибири: учебное пособие. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2001. 314 с. (переиздано в 2013 г.)) и «Историю Сибири» В.Н. Гузарова (Гузаров В.Н. История Сибири. Томск: Изд-во Томск. политехнич. ун-та, 2012. 108 с.). Третья группа пособий написана достаточно давно, и ценный исторический материал, приводимый в них, нуждается в переработке и переосмыслении. Ярким примером является коллективное пособие «История Сибири» под редакцией З.Я. Бояршиновой (История Сибири: учебное пособие / ред. З.Я. Бояршинова. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. 472 с.). К четвертой группе относятся пособия, посвященные истории отдельных регионов Сибири: Красноярского края, Алтая, Новосибирской области и др. (Красноярье пять веков истории: учебное пособие по краеведению. Красноярск: Платина, 2005, 2006, 2008. Ч.1, 2, 3; История Алтая / под ред. А.П. Анашкина, В.А. Скубневского, Ю.В. Кирюшина, В.П. Лекомцева, Т.Н. Соболевой, Н.И. Шипулина. Барнаул: Изд-во Алтайск. гос.ун-та, 1995. Ч.1; История Алтая: древний Алтай: учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений. Барнаул: Позитив, 1997. Ч. 1; Миненко Н.А.

История Новосибирской области. Новосибирск, 1977). К пятой группе принадлежат вузовские пособия, охватывающие отдельные этапы истории Сибири. Например, относительно недавно вышло добротное учебное пособие В.С. Зубкова (История Сибири. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2010. Ч. 1. XVI–XVII вв. 251 с.) посвященное истории Сибири XVI–XVII вв. Однако в этом пособии, на наш взгляд, отсутствуют разделы, принципиально важные для понимания сибирской истории в данный период. В частности, фрагментарно упоминаются дискуссии о сути и характере присоединения Сибири и фактически не освещена роль Русской православной церкви в жизни русского населения.

Наше учебное пособие посвящено периоду конца XVI – начала XVIII вв., то есть первому этапу освоения русскими Сибири. Данный период является ключевым для понимания последующей истории огромного региона за Уралом. Именно в нем сформировались основные тенденции взаимодействия центра и периферии, определившие в последующие эпохи место Сибири в экономической, социальной, политической и культурной жизни страны. Немаловажным является тот факт, что в рассматриваемый в пособии период, благодаря подвигу первооткрывателей Сибири, сформировалась в общих чертах территориальная основа современной Российской Федерации.

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АРЕАЛЫ ПОНЯТИЯ «СИБИРЬ»

Сибирь – это огромный своеобразный мир на севере Азии, простирающийся с запада на восток от Урала до горных хребтов Охотского побережья, с севера на юг от Северного Ледовитого океана до казахских и монгольских степей. Сибирь занимает почти 60 % территории Российской Федерации и по площади немного превосходит Канаду – вторую по размерам страну в современном мире. В контексте социально-экономических и политических процессов, происходящих в современной России, стратегическая роль Сибири значительно возросла. На основе огромных запасов сибирских природных полезных ископаемых базируется экономическая мощь Российской Федерации. Доходы от продажи этих естественных ресурсов в перспективе могут стать основой для создания высокотехнологичной отечественной экономики. На территории Сибири проживает 26 миллионов человек, представляющих около 50 национальностей со своей уникальной самобытной культурой. Безусловно, для лучшего понимания основных тенденций современного развития Сибири нужно знать ее историю.

Откуда же произошел сам топоним «Сибирь»? Что он означал? Какие территории он в себя включал? В современном сибиреведении ученые не пришли к единому мнению о происхождении и первоначальном значении слова «Сибирь».

В XVIII в. русский историк и государственный деятель В.Н. Татищев (1686–1750) считал, что слово «Сибирь» татар-

ского происхождения и дословно переводится как «первый» или «главный». Так, татары называли свой главный город на р. Иртыше. Тем самым В.Н. Татищев положил начало тюркской версии происхождения слова «Сибирь».

Однако теорию В.Н. Татищева начал критиковать уже в XVIII в. первый профессиональный исследователь сибирской истории Г.Ф. Миллер (1705–1783), который не отождествлял топоним «Сибирь» с названием главного города сибирских татар и считал, что его происхождение относится к языку пермяков и зырян, которые принесли это наименование в Европейскую Россию. Причем первоначальное значение слова «Сибирь» он не объясняет.

В 1841 г. учитель тобольской гимназии Н.А. Абрамов (1812–1870) указал на то, что топоним «Сибирь» происходит от татарского глагола «сибирмак», который означает «очищать», «вычищать». По его мнению, когда какой-либо правитель завладевал этой землей, то заводил в ней новые порядки, таким образом, страна становилась выметенной, очищенной, благоустроенной.

Версию тюркского происхождения топонима «Сибирь» предложил в начале XX в. казанский историк-просветитель Х. Атласи (1876–1938). По его мнению, сведения Абульгази о двух близких к землям киргизов областях Абир и Сибир были неправильно истолкованы. Х. Атласи считает, что слова «абир» и «сабир» не названия областей, а заимствованное татарское слово «абил-сабил», которое означает безлюдье и пустынность. Следовательно, тюркские племена, проживавшие на юге Сибири, так называли относительно безлюдные земли, расположенные к северу от них.

В 40-е гг. XIX в. известный славист П.И. Шафарик (1795–1861) выдвинул теорию о гунно-славянском происхождении термина «Сибирь». Свои доказательства он строил на звуковом сходстве между названиями одной из групп гуннского объединения «сабир-себер» и славянским племенем «севе-

рян». Следовательно, по мнению П.И. Шафарика, слово «Сибирь» означало территорию, лежащую на севере.

В XIX в. краевед И.В. Щеглов (1855–1884) высказал версию о монгольском происхождении термина, которую впоследствии развил Г.Н. Потанин (1835–1920), а в советский период ее придерживались Н.И. Никитин (р.1946) и В.И. Сергеев. По их мнению, слово «Сибирь» произошло от монгольского «Шибир» («лесная чаща»). Действительно, в самом начале XIII в. в историческом источнике «Сокровенное сказание монголов» упоминается некий лесной народ «шибир», который обитал к северу от Алтая и к западу от р. Ангары. Главным минусом этой точки зрения является то, что этот термин закрепился первоначально в Западной Сибири, а не в лесистой Восточной.

Несколько иную версию происхождения в контексте монгольской теории происхождения топонима «Сибирь» выдвинул известный советский и российский археолог, специалист по истории Золотой орды Г.А. Федоров-Давыдов (1931–2000). Он, основываясь на сведениях монгольских и средневековых европейских авторов, определяет местоположение Сибири в пределах улуса Шибана, по имени которого и получила название данная местность. На основе сочинений Плано Карпини и «Анонима Искандера» (монгольского источника) ученый строит следующую логическую цепочку: Шибан – Сибан – Шибир – Сибирь.

Подтверждает точку зрения Г.А. Федорова-Давыдова тот факт, что еще в XIV в. существовало татарское потестарное образование Тюмень в среднем течении р. Тобола и между-речье его притоков рр. Туры и Тавды, во главе которого были ставленники ханов Золотой орды, а само оно входило в ее состав. Тюмень населяло множество этнических групп, поэтому с большей степенью вероятности можно предположить, что золотоордынским ханам сложно было распространить один этноним на всю его территорию, поэтому вполне вероятно, что эти районы просто именовались как «земли Шибана».

на». Сначала этот топоним распространялся на земли Прииртышья, а затем распространился на восток на огромную территорию до побережья Тихого океана.

В 1890-е гг. этнограф С.К. Патканов (1861–1918) на основе свидетельств византийского автора Прокопия Кессарийского о сабир-уграх, этнографических материалов и преданий коренных жителей впервые выдвинул теорию о местном западносибирском происхождении слова «Сибирь». Ее развил советский археолог В.Н. Чернецов (1905–1970). При анализе ханты-мансийского фольклора он обнаружил этноним «сипыр-сыпыр-тяпыр», распространенный в названиях родов и фамилий местной знати. Следовательно, «Сибирь» это название одного из ханты-мансийских родов.

Многие выводы В.Н. Чернецова поддержала З.Я. Бояршинова (1909–1986), выдвинув теорию, согласно которой «Сибирь» – это самоназвание этнической группы «сипыр», которая являлась предками древних угров. В подтверждение данной точки зрения она ссылается на свидетельства иранских авторов XIII в., Каталонский атлас 1375 г. и русские летописи XV в., где Сибирской землей назывался район в низовьях р. Тобола и по среднему течению р. Иртыша из-за самоназвания одной из этнических групп («саби́ров» или «сипы́ров»), населявших, по некоторым косвенным данным, лесостепное Прииртышье.

Все приведенные точки зрения на происхождение и значение топонима «Сибирь» имеют свои слабые и сильные стороны и носят дискуссионный характер. Решение данной научной проблемы осложнено тем, что, с одной стороны, отсутствуют прямые источники, подтверждающие или опровергающие какую-либо теорию, с другой – для ее решения необходимо использовать взаимосвязанные сведения из истории, филологии и этнологии. Все вышесказанное в последнее время обусловило появление псевдонаучных подходов к этой проблеме. Например, член Томского отделения русского географического общества Е.Г. Вертман (р.1946), в большей степени основываясь на

созвучии некоторых сибирских названий с санскритом, переводит слово «Сибирь» как «Сияющее Беловодье» и считает, что это название придумали жители исчезнувшей цивилизации – «Второй Индии».

В зависимости от исторической эпохи менялась и территория, на которую распространялся топоним «Сибирь». На протяжении всего XVI в. для русского населения существовало четкое деление земель, находящихся между Уральскими горами и р. Енисеем на Югорскую (Юсерскую) землю и Мангазею (Малгомзею). Югорская земля находилась между Уральскими горами и бассейном р. Оби. На севере естественной границей выступал Северный Ледовитый океан, а на юге низовья р. Иртыша. Между рр. Обью и Енисеем находилась Мангазея. Тунгусией называлась страна, расположенная за р. Енисеем. Местоположение же Сибири определялось в пределах Сибирского ханства. В течение XVII – начала XVIII вв. топоним Сибирь распространился на территории Западной и Восточной Сибири, а также Дальнего Востока.

Вопросы для закрепления

1. В чем заключаются основные особенности Сибири как региона в составе Российской Федерации?
2. Какие основные теории происхождения топонима «Сибирь» вы знаете?
3. Какую из трактовок значения слова «Сибирь» вы считаете верной и почему?
4. Почему появляются псевдонаучные теории для объяснения происхождения и значения топонима «Сибирь»? Приведите примеры таких теорий.
5. Как изменялся ареал распространения топонима «Сибирь» в конце XVI – начале XVIII вв.?
6. Почему важно изучать начальный период продвижения русских в Сибирь?

Список рекомендуемой литературы

1. Атласов Х.М. История Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С.15–18.
2. Бояршинова З.Я. Об историческом значении слова «Сибирь» // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Сибирь в эпоху феодализма и капитализма. Новосибирск, 1981. Вып.1. С. 5–8.
3. Вертман Е.Г. Палеотопонимика Сибири и три Индии гиперборейцев // География, история и геоэкология на службе науки и инновационного образования / Краснояр. гос. пед. ун-т. им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2011. Т.1. С. 223–226.
4. Воробьева И.А. Язык Земли. Почему Сибирь называли Сибирью и прочая топонимика. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1973. С. 3–25.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 1999. Т. I. С.166–196.
6. Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М.: Просвещение, 1990. С. 5–11.
7. Сергеев В.И. Происхождение и эволюция понятия «Сибирь» // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 145–152.
8. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. С. 52–59.
9. Хромых А.С. Происхождение и географические ареалы понятия «Сибирь» (вторая половина XVI – первая четверть XVII вв.) // География, история и геоэкология Сибири: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию образования Красноярского края / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2009. Вып. 4, т. 2. С. 276–283.

ГЛАВА II

ДИСКУССИИ О ХАРАКТЕРЕ И СУЩНОСТИ РУССКОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

Современный этап развития сибиреведения впитал в себя трехвековые достижения отечественной и зарубежной историографии. На протяжении всего этого периода неизменно ключевой проблемой являлся вопрос о характере, движущих силах и сути процесса включения Сибири в состав Российского государства. Сложность данного процесса обусловила его неоднозначность оценок в научных трудах и дискуссиях, поэтому для ответа на этот вопрос необходимо кратко проследить эволюцию взглядов ученых и общественных деятелей, в работах которых рассматривалась история Сибири.

Начало научному освещению процесса русского продвижения в Сибирь было положено трудом Г.Ф. Миллера (1705–1783) «Описание Сибирского царства». В нем весь процесс присоединения Сибири сводился к постепенному покорению местных народов военными командами, двигавшимися вслед за предприимчивыми «промышленниками» – торговцами. На присоединенной территории служилые люди возводили остроги, которые со временем превращались в города. Г.Ф. Миллер полагал, что благодаря деятельности правительства и инициативе служилых людей Сибирь вошла в состав Российского государства. Таким образом, весь процесс вхождения Сибири в Российское государство Г.Ф. Миллер определял как завоевание. Следовательно, взаимодействие европейской части страны с Сибирью рассматривалось как взаимоотношение метрополии и колонии, при котором

происходили насильственное подчинение коренных народов и эксплуатация природных богатств региона. Дальнейшее закрепление концепция Г.Ф. Миллера получила в трудах И.Э. Фишера (1697–1771).

В начале XIX в. продолжил развивать концепцию Г.Ф. Миллера Н.М. Карамзин (1766–1826). В его «Истории государства Российского» Сибири отводится одна глава, описывающая поход Ермака. Согласно его мнению, ведущую роль в продвижении русских в Сибирь играло государство, а Строгановы и казаки Ермака являлись лишь проводниками правительственной политики. Одним из первых историков он пытается провести параллели между присоединением Сибири к российскому государству и завоеванием Мексики и Перу (Ермак – «русский Пиззаро, конквистадор»).

В конце 30-х гг. XIX в. сибирский ученый-краевед П.А. Словцов (1767–1843) в своем «Историческом обозрении Сибири», приняв за основу миллеровскую схему движения русских и являясь сторонником понятия завоевания, впервые признал роль частной купеческой инициативы и крестьянских масс в деле включения земель за Уралом в состав Российского государства. В частности, он подчеркивал, что в ряде случаев способствовали установлению русской власти за Уралом отдельные представители коренных народов. В целом, он оценивал присоединение Сибири к России как прогрессивное явление для коренных сибиряков, так как была привнесена более развитая материальная и духовная культура.

Присоединение Сибири к России характеризовал как завоевание и П.И. Небольсин (1817–1893). Однако инициатором завоевания земель за Уралом у него являлось не государство, а казаки, которые рассматривали «дальнюю украйну» как место, где можно получить богатую добычу. П.И. Небольсин предложил более сложную, нежели его предшественники, схему завоевания Сибири. Первые «засельники» края – промышленные и служилые люди – «покорители»; затем правительство

начинает переводить за Урал хлебопашцев из европейской части страны, и одновременно сюда устремляются вольные переселенцы, которые пытались избавиться от крепостнического гнета.

П.Н. Буцинский (1854–1916) признавал ведущую роль государства в присоединении Сибири. Однако историк в своих трудах избегал использования термина «завоевание», подчеркивая мирный характер продвижения русских на восток. П.Н. Буцинский признавал значимую роль вольнонародной колонизации, объясняя переселение крестьян бегством от крепостной неволи из центра страны. При этом основная цель московского правительства заключалась не в эксплуатации сибирских ресурсов (получении пушнины), а в заселении края и улучшении быта как переселенцев, так и коренных жителей. Ученый во многом идеализировал деятельность государства, которое, согласно его мнению, покровительствовало беглым крестьянам при устройстве их в Сибири, поэтому его работы подверглись острой критике уже вскоре после выхода. У концепции П.Н. Буцинского были и видные сторонники в лице В.К. Андриевича (1838–1898) и А.М. Гневушева (1882–1920).

В противовес официальной историографии уже в XVIII в. начала формироваться демократическая традиция освещения продвижения русских за Урал. Она получила наиболее полное развитие в трудах А.Н. Радищева (1749–1802). Согласно его мнению, присоединение Сибири к Российскому государству было делом не правительства (ему оставалось лишь закрепить русское «владычество» за Уралом путем устройства укрепленных пунктов и постоянного сообщения с Европейской Россией), а народа, вдохновляемого «великим духом свободы». Начало положили новгородцы, их подвиг продолжили казаки, руководимые Ермаком. Также он выдвинул теорию о ведущей роли беглых крестьян из-за Урала в заселении Сибири в XVII в. По А.Н. Радищеву, Сибирь являлась не колонией, а органическим продолжением России, на территории которой

начала под влиянием природно-климатических условий формироваться специфическая система социально-экономических отношений. Таким образом, А.Н. Радищев попытался показать несостоятельность термина «завоевание», однако другой дефиниции взамен он не предложил.

Развил идеи А.И. Радищева в русле демократического направления в отечественной историографии А.П. Щапов (1831–1876). В его работе земледельческое освоение составляло главную особенность не только общерусской, но и сибирской истории. Тем самым А.П. Щапов считал, что ведущая роль в освоении Сибири принадлежала вольнонародной инициативе русского крестьянства и гулящих людей. Только с середины XVIII в. началось принудительное заселение края. Он впервые специально обратил внимание на формирование в Сибири особой этнической общности – «европейско-сибирского типа», или «великорусско-иностранческого типа». Однако во многом А.П. Щапов, специфически интерпретируя материалы предшественников, несправедливо игнорировал роль правительственной инициативы на начальном этапе освоения территорий за Уралом. Так же, как и А.Н. Радищев, он не обозначил стихийное продвижение крестьян в Сибирь каким-либо специальным термином. Близкой к взглядам А.П. Щапова была позиция С.С. Шашкова (1841–1882).

В это же время за рубежом впервые появляется понятие «колонизация», разработанное К. Марксом (1818–1883), под которым он понимал «захват рынков и дешевой рабочей силы, эксплуатацию метрополией колоний». Однако понятие К. Маркса в большей степени относилось к буржуазному капиталистическому обществу с оформившейся классовой структурой и развитыми производственными отношениями. До революции для объяснения процессов, происходивших в истории Сибири, где еще не сложились буржуазные отношения, понятие «колонизация» К. Маркса не применялось.

В России же несколько иное значение в понятие «колонизация» вкладывал В.О. Ключевский (1841–1911), применяя его

для характеристики в большей степени русского общества в Средние века. По В.О. Ключевскому, колонизация – «процесс хозяйственного освоения и заселения новых территорий». В ходе колонизации в состав Российского государства включались новые земли, но не формировалось взаимоотношение типа метрополия – колония. По В.О. Ключевскому, население не расселялось, а переселялось с места на место. Историк указывал на ведущую роль в колонизационных процессах экономических и политических составляющих, а другие стороны жизни общества являлись производными от них. При этом признавалась как стихийно-народное, так и организованное правительство освоение новых земель.

Более детально процесс колонизации Сибири в контексте работ В.О. Ключевского описал его ученик – историк, экономист и географ М.К. Любавский (1860–1936). Он особое внимание уделял ее вольнонародному освоению и подчеркивал его значимость в деле присоединения Сибири.

Работы А.П. Щапова повлияли на становление либерального направления сибирской историографии, принявшего форму областничества в трудах публициста Н.М. Ядринцева (1842–1894), этнографа-публициста Г.Н. Потанина (1835–1920) и П.М. Головачева (1861–1913). Основной целью их трудов являлось обоснование идеи об автономии Сибири. Они определяли вольнонародную колонизацию как решающий фактор присоединения Сибири, но отмечали, что государство потребительски воспользовалось народными успехами в деле освоения территорий за Уралом и с самого начала освоения воспринимало их как колонию, а следовательно, нещадно эксплуатировало как русское, так и коренное население, тем самым в своих взглядах приближаясь к содержанию понятия «колонизация» К. Маркса. В целом, слабыми сторонами концепции областников являлись однобокость и упрощенность восприятия начала освоения русскими Сибири, которые нашли свое выражение в полном отрицании положительных моментов для коренного

и русского населения самого факта присоединения земель за Уралом к Российскому государству.

В общем, дореволюционный этап историографии Сибири – это период становления исторического знания о землях за Уралом. В начале периода господствующим являлся тезис о ведущей роли государства в деле освоения Азиатской России, но потом в трудах исследователей стала преобладать мысль о вольнонародной колонизации Сибири, которая нашла оформление в концепции В.О. Ключевского и М.К. Любавского.

Все коренным образом изменилось после 1917 г. с приходом к власти большевиков и началом формирования новой научно-исторической парадигмы. Этот этап продлился до начала 50-х гг. XX в. и характеризовался синтезом понятия «колонизация» по К. Марксу и тезисом дореволюционных авторов о завоевании Сибири. Это приводило к одностороннему и упрощенному освещению процесса освоения Сибири.

Показательны в этом плане взгляды В.И. Огородникова (1889–1938), который начал работу над отдельными сюжетами колонизации Сибири еще до революции. Он, опираясь на тезис о насильственном характере присоединения Сибири и используя марксистское понятие колонизации, достаточно односторонне связывал присоединение земель за Уралом с деятельностью правительства и воеводской администрации, которые в своих интересах нещадно эксплуатировали русское и коренное население Сибири.

В этот период из общей канвы выбиваются труды С.В. Бахрушина (1882–1950). Его схема проникновения русских за Урал выглядела следующим образом: «промысловая масса» расчистила поле деятельности для частных предпринимателей, а те, в свою очередь, для государства. Таким образом, деятельность торгово-промышленных людей играла ведущую роль в деле вхождения Сибири в состав Российского государства. Ученый верно подметил, что с выходом русских на р. Енисей правительство утрачивало и способность, и возмож-

ность руководить ходом присоединения новых земель. Однако при этом С.В. Бахрушин, в целом, оценивал присоединение Сибири как «завоевание», «военную оккупацию». Но это «завоевание» не было колониального типа, так как, по С.В. Бахрушину, нельзя смешивать понятие «колонизация», означающее заселение иноземной территории, с термином «колонизатор». По мнению историка, присоединение Сибири способствовало не только обогащению феодального государства, но и имело прогрессивное значение для коренных народов Сибири.

Новый период начался в 1950-е гг. и был связан с подъемом исторической науки после XX съезда КПСС и созданием в Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Перед учеными-сибироведами остро встал вопрос о выборе точного термина при определении сути процесса «приобретения» Сибири. В.И. Шунков (1900–1967) предложил термин «присоединение», который включал в себя явления различного порядка – от прямого завоевания до добровольного вхождения. По В.И. Шункову, освоение земельных просторов русским крестьянином за Уралом занимало ведущее место в процессе включения Сибири в состав Российского государства. Тем самым В.И. Шунков намекал на прогрессивный характер процесса вхождения Сибири в состав Российского государства. Якутский же историк Г.П. Башарин (1912–1992) считал, что правильнее использовать термин «добровольное вхождение», поскольку продвижение русских за Урал, по его мнению, осуществлялось преимущественно мирным способом, а эпизодические вооруженные стычки были спровоцированы эксплуататорскими верхами и не отражали сути происшедших событий. По мнению ученого, продвижение русских за Урал, военные действия против местных феодалов носили не завоевательный, а освободительный характер для коренных народов Сибири. Во внешней форме был принят термин «присоединение». Но по сути, он трактовался в значении, на котором настаивал Г.П. Башарин, и породил теорию мирного и

добровольного вхождения коренных народов Сибири в состав России. Сам же В.И. Шунков, вводя термин «присоединение», оговаривал, что факты добровольного вхождения пока что установлены лишь по отношению к отдельным народностям, и отрицать наличие в этом процессе элементов прямого завоевания, сопровождавшегося грубым насилием, – значит игнорировать факты.

В это же время в работах историков-сибиреведов реанимируется содержание понятия «колонизация» по В.О. Ключевскому. Под «колонизацией» подразумевали заселение и хозяйственное освоение, но с обязательным указанием на ведущую роль народа в деле присоединения Сибири, реакционности политики правящих верхов и наличие классово-борьбы. Советскими историками А.А. Преображенским (1925–2002), П.Н. Павловым (1921–1974), З.Я. Бояршиновой (1909–1986), В.А. Александровым (1921–1994) была разработана четкая классификация колониционных процессов: по характеру – вольнонародная, правительственная и смешанная; по типам хозяйственного освоения – промысловая, горнорудная, земледельческая, служилая, церковно-монастырская и т.д. На данном этапе почти все крупные ученые-сибиреведы признавали тот факт, что включение бескрайних просторов Сибири было выгодно как государству, которое получало бездонный источник природных ресурсов, так и русскому и коренному населению. Для русского населения на новой территории формировался вариант феодализма, в котором не было крайностей крепостничества. Коренные же жители, с одной стороны, получали от переселенцев более передовые орудия труда, а с другой – в пользу Российского государства они платили посильный для них налог в форме ясака, а взамен получали гарантированную защиту жизни и имущества от посягательств соседей.

После распада СССР понятие «колонизация» снова эволюционировало. Помимо традиционного заселения и хозяйственного освоения, в него стали включать на равноправных началах

с экономическими и политическими составляющими этнополитические и культурные аспекты. Хотя существует точка зрения, выдвинутая еще в 1982 г. А.И. Алексеевым (1921–1993) и поддержанная П.Ю. Черносвитовым (р.1944), во многом близкая к марксистскому пониманию термина «колонизация». Они разделяют понятия «колонизация» и «освоение». Под «колонизацией» вышеназванные историки понимали процесс, в ходе которого территории (колонии) подчиняются интересам центра и используются для снабжения метрополии сырьевыми и людскими ресурсами, то есть, по сути, они реанимировали значение данного понятия, сформулированного К. Марксом. При «освоении» новых пространств пришлое население создает автономную, самодостаточную систему хозяйствования, направленную на удовлетворение потребностей заселяющих ее людей. «Освоение» – это открытие территории, ее исследование, формирование границ и хозяйственное использование. Следовательно, «освоение» предполагает сугубо стихийный вольнонародный характер продвижения на новые территории. Исходя из этого, Сибирь и Европейская Россия являлись самодостаточными и независимыми хозяйственными системами, однако это противоречит реальности исторического развития. В конце XVI – начале XVIII вв. существовали тесные экономические связи между этими регионами и первые переселенцы не могли построить острог или организовать свое хозяйство без помощи государства. При этом следует учитывать тот факт, что создание социохозяйственных систем, обладающих своей спецификой и некоторой степенью автономности, присутствует практически во всех примерах колонизации новых территорий и является ее составной частью.

Особо следует отметить концепцию А.С. Зюева (р.1962). Согласно взглядам ученого, присоединение Сибири происходило исключительно военным путем. Русские первопроходцы, отправлявшиеся в Сибирь по собственной инициативе или с санкции московского правительства, обманывали, эксплуатировали

ровали и истребляли местное население. В ответ они получали ожесточенный отпор со стороны «сибирских инородцев». В работах ученого довольно логично и аргументированно делается попытка теоретического опровержения концепции советских историков о мирном присоединении северо-востока Сибири. Но автор впадает в противоположную крайность, признавая ведущим насильственный характер подчинения аборигенов русским, А.С. Зувев упрощает сложный процесс вхождения Сибири в состав Российского государства, при этом необоснованно разделяя процесс присоединения и хозяйственного освоения территории. В исторической реальности на большей части территории Сибири хозяйственное освоение проходило параллельно с присоединением, а часто и опережало его. Очень часто взаимодействие русских с автохтонными жителями начиналось с меновой торговли, обучения их навыкам, необходимым для организации земледелия, ремесла и ряда промыслов. То есть не было односторонней эксплуатации природных ресурсов и коренных жителей Сибири со стороны Российского государства и первых русских переселенцев.

В постперестроечный период для объяснения процессов сибирской истории начинает применяться понятие «фронтир». Впервые идею фронта выдвинул Ф. Тернер (1861–1932) на собрании Американской исторической ассоциации в июле 1893 г. По Тернеру, фронтир – это подвижная граница, момент встречи дикости и цивилизации, приводивший к формированию нового общества. Важно отметить, что со времен Ф. Тернера присутствует многовариантность трактовки понятия «фронтир», изначально заложенной самим автором. Он считал, что данный термин достаточно эластичен и для целей исследования, не требует особо точного определения. Эта формулировка отца-основателя теории, с одной стороны, поставила перед российскими учеными сложную задачу – выявить точное содержание понятия «фронтир», а с другой – предоставило возможность адаптировать его к сибирским реалиям.

В работах отечественных ученых прослеживается два основных подхода к трактовке фронта. Первый подход концентрируется на территориальном аспекте, то есть фронт – это определенная линия укреплений, установленная зафиксированная граница между русскими и коренными жителями Сибири или соседними государствами. Данная интерпретация сужает содержание основных идей Ф. Тернера. В английском языке значением слов «a border» и «a frontier» различаются. Слово «a border» означает четко определенную границу (в значении линии) между государствами и географическими объектами (морями, океанами, горами, равнинами, континентами). Слово же «a frontier» – это «подвижная граница» (граница продвижения), которая предполагает динамику, а не статику. Следовательно, цепь пограничных укреплений – острогов, или граница распространения власти государства на какую-либо территорию, – это «a border», а не «a frontier».

Сущность второго подхода первоначально была выражена Н.Ю. Замятиной (р.1974), считавшей что фронт – это зона особых социальных условий, а не граница территории, находящейся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной ее жителями. Ее взгляды были конкретизированы Д.Я. Резуном (1945–2012) и М.В. Шиловским (р.1947), которые понимали под фронтом место и момент встречи двух культур разного уровня цивилизационного развития («подвижная граница»).

Для понимания сути теории сибирского фронта важны положения, выдвинутые М.В. Шиловским о его видах. Ученый считает, что необходимо говорить о трех видах фронта: внешнем, внутреннем и внутрицивилизационном. Впоследствии автор данного пособия доработал эту теорию и предлагал говорить не о видах, а о стадиях фронта, так как они последовательно сменяли друг друга. И тогда внешний фронт – это места и моменты первой встречи пришлых людей с автохтонным населением, которые предполагают начальные

и неустойчивые экономические, социальные, политические и культурные контакты. Внутренний фронтир – это сложившиеся контактные зоны, где постоянные русские поселения вкрапляются в места проживания местных народов внутри колонизируемой территории, а вся территория уже входит в административное и правовое поле государства. В условиях же внутрицивилизационного фронта формируется новое общество или особый вариант старой общности на основе различных типов взаимодействия.

Таким образом, фронтир принципиально отличается от понятия «колонизация» тем, что на территориях встречи различных разноуровневых цивилизаций в условиях особого климата и ландшафта происходит хозяйственное, этническое, политическое взаимодействие колонистов с местными жителями, которое обязательно приводит к появлению нового сообщества, основанного на синтезе материальной и духовной культуры автохтонного и пришлого населения. При этом встреча обусловлена как инициативой частных лиц, так и усилиями государства в целом. Важно понимать, что колонизация в зависимости от движущих сил, форм и методов ее проведения не обязательно завершается формированием нового общества, а в ряде моментов в ходе колонизации одно из сообществ может быть уничтожено или подвергаться крайней эксплуатации.

Также автор данного пособия впервые в отношении сибирских процессов ввел понятие «секция». По Ф. Тернеру, секция – это «физико-географическая область с определенным укладом хозяйства и особым психическим складом населения». В Сибири же на стадии внешнего фронта (в конце XVI – первой четверти XVII вв.) формировались направления его расширения, иными словами, секции – северо-восточная, восточная и юго-восточная. Они различались по скорости продвижения русских в глубь Сибири, видам контактов с местным населением, степени адаптации русского населения к новым гео-

климатическим и этносоциальным условиям, ведущим типам хозяйственной деятельности. Во многом направления фронта определили и формирование различных субэтнических русских групп в разных районах Сибири.

На современном этапе развития отечественной исторической науки для осмысления процесса и характера расширения территории России на Восток ученые используют такие понятия, как «завоевание», «колонизация», «добровольное вхождение», «включение», «освоение», «присоединение», «фронтир». На сегодняшний день наиболее распространенным термином среди большинства ученых-сибиреведов является «колонизация Сибири», под которым понимается совокупность процессов заселения и хозяйственного освоения, а во многих случаях и присоединения новых земель представителями не автохтонного (пришлого) для колонизируемой территории населения, в результате которого происходит формирование экономической, сословно-социальной и политической структуры, а также особой культуры.

Вопросы для закрепления

1. Подумайте, почему вопрос о сути, характере и основных движущих силах продвижения русских за Урал столь важен как для историков, так и для всех жителей Сибири?
2. Какие основные подходы к процессу присоединения Сибири существовали до 1917 года?
3. Почему в 50-е гг. XX в. остро встал вопрос о характере включения Сибири в состав Российского государства и как он решился?
4. Как поменялось содержание понятия «колонизация» в период с конца XIX до начала XXI вв.?
5. Какие основные понятия применялись для характеристики продвижения русских в Сибирь в XVIII–XXI вв.?

6. Какие сходства и различия есть у понятий «освоение», «колонизация» и «фронтир»?

Список рекомендуемой литературы

1. Башарин Г.П. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск: Книжное изд-во, 1971.
2. Быконя Г.Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII–XVIII вв.: материалы к спецкурсу и спецматериалы. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного педагогического института, 1979.
3. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. С.14–36.
4. Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М.: Мысль, 1970.
5. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005.
6. Хромых А.С. Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI – первая четверть XVII века): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2012. С. 3–57.
7. Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. С.198–222.

ГЛАВА III

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

§ 1. Проникновение русских в Сибирь до конца XVI в. Северный морской путь

Первые упоминания о походах русских в Сибирь встречаются в русских летописях XI в. Согласно их сведениям, из новгородских земель в течение XI–XV вв. совершались эпизодические походы за Урал силами отрядов «ушкуйников» («гулящих людей», разбойников). Возможно, какое-то время территория Югории была зависима от Новгородской республики. После падения Новгорода в 1478 г. инициативу организации походов в Югорскую землю взяло на себя формирующееся Российское государство. Уже в 1499–1502 гг. отряд С. Курбского и П. Ушатого появился в Югорской земле. Основным итогом похода С. Курбского и П. Ушатого явилось признание коренными народами на короткий период времени вассальной зависимости от Российского государства.

Полную силу русское продвижение на Восток набрало с конца 60 – начала 70-х гг. XVI в., когда появились первые постоянные поселения поморов за Уралом. Почему именно в этот период?

Во-первых, произошли климатические изменения. С середины XVI в. началось общее потепление климата на Земле. Эпоха низкого стояния Каспия соответствовала эпохе потепления в Арктике. Действительно, уровень Каспия во второй половине XVI – середине XVII вв. стоял очень низко, и именно в это время плавание русских на кочах, изобретенных в конце

XV в., распространились на восток до устья р. Енисея, а возможно, и далее. К этому времени (1583–1584) относится основание Архангельска. Следовательно, появилась возможность доставлять продовольствие в русские поселения и забирать из них мягкую рухлядь.

Во-вторых, сложилась благоприятная геополитическая ситуация в регионе. На восточных границах Российского государства не осталось противника, способного сопротивляться дальнейшему продвижению русских за Урал. После падения Казани (1552) заметно усилилось внутреннее экономическое развитие Российского государства, «охочие люди» получили гораздо более широкие возможности проникновения за Урал по р. Каме.

В-третьих, до XVI в. особо ценную пушнину Российскому государству в основном давали печорские и пермские земли, но к середине этого столетия они стали неуклонно «испромышляться». В то же время спрос на «мягкое золото» увеличился, особенно на внешнем рынке, где русская пушнина (главным образом соболь) издавна высоко ценилась. С середины XVI в. возможность выгодной реализации этого ценнейшего «валютного сырья» резко возросла в связи с установлением торговых отношений с Западной Европой через Белое море и включением в состав Российского государства волжско-каспийского пути, дававшего возможность прямого выхода на восточные рынки.

В-четвертых, в Российском государстве Иван IV начал проводить политику «опричнины». Многие подданные Ивана Грозного находились на территории «земщины», и их владения в любой момент могли разорить опричники. Выходом из этой ситуации являлся уход населения «земщины» за пределы Российского государства в Литву, Дикое Поле и в земли, расположенные за Уралом.

Благодаря этим четырем факторам, началось движение русских сначала в Югорскую землю, а затем и в Мангазею. Труд-

но определить дату начала массового проникновения русских в Сибирь. Более или менее достоверные документальные сведения, позволяющие судить о присутствии в Сибири русских, относятся к 1574 г. Так, в «платежнице» с пустозерских дозорных книг, которая была выдана из приказа Большого прихода пустозерскому данщику, записано, что он берет «на государя явки по две деньги с человека» с тех, которые «прихожие казаки... на морской промысел и в Югру с гостями ходят».

Русские первопроходцы недолго задержались в Югорской земле и на своих кочах по морям Северного Ледовитого океана практически сразу же проникли в Мангазею. В 1580 г., по сообщению Вычегодско-Вымской летописи, Иван IV «за службы великие государевы» пожаловал пермичей, промышленных и торговых людей, и разрешил им «торговати в Югре и в Мангазее и в сибирских городах беспошлинно 10 лет».

Существуют неопровержимые археологические доказательства существования поселений на р. Тазе в 1570-е гг. Во время раскопок города Мангазеи экспедиция под руководством М.И. Белова (1916–1981) в одном из раскопов обнаружила комплекс русских построек, среди которых самая ранняя датируется 1572 г., а самая поздняя – 1594 г. Эти даты были установлены по остаткам древесины при помощи метода дендрохронологии.

Более того, к началу XVII в. относятся сведения о регулярном посещении русскими полуострова Таймыр. В 1940 г. были обнаружены стоянка и зимовье русских мореходов на острове Фаддея и заливе Симса. В ходе раскопок, руководителем которых был будущий академик А.П. Окладников (1908–1981), археологи нашли оружие, предметы быта, украшения и коллекцию монет, датированных не позже 1617 г. Эта экспедиция прибыла с севера Европейской России из Поморья. На затейливо украшенной рукоятке ножа была вырезана короткая, но четкая надпись: «Акакий Мураг» (иначе говоря, Мурманец).

В конце XVI – первой четверти XVII вв. Северный морской ход играл огромную роль в освоении полярных территорий. По нему доставляли припасы в отдаленные уголки арктической Сибири и вывозили богатства, которые там добывали русские. Но неожиданно движение по Северному морскому ходу было приостановлено. Впервые идея о запрете русского арктического мореплавания приводится в отписке на имя государя тобольского воеводы И. Куракина от 16 февраля 1616 г., в которой он указывает на возможное иностранное вторжение по этому маршруту в Сибирь.

С 1616 по 1620 г. вокруг решения о запрете Северного морского пути развернулась настоящая борьба. Шла оживленная переписка между московскими властями, которые склонялись принять доводы поморского морехода К. Курочкина о возможности прохода иностранных судов из Карского моря в устье р. Енисея и приостановить движение по морю, и тобольскими воеводами. Противоположную позицию занимали мангазейские воеводы, которых поддерживала часть промышленных людей, ратовавших за сохранение морской дороги между Архангельском и Мангазеей. В итоге победила позиция центральных властей, которые в 1620 г. настояли на введении окончательного запрета на морское движение по Северному морскому пути.

О возможностях Северного морского пути свидетельствует существование поселения Русское Устье, находящегося в бассейне р. Индигирки. Согласно местным преданиям и этнографическим наблюдениям, собранным в начале XX в. ссыльным политическим деятелем эсером В.М. Зензиновым (1880–1953), первые русские прибыли сюда на судах по Северному Ледовитому океану во время правления Ивана Грозного. Более того, о проникновении русских землепроходцев XVI в. на острова Восточно-Сибирского моря и в Америку упоминается в исследованиях Л.С. Берга (1876–1950). Он ссылается на статью С. Фарелли о бородатых людях на Аляске. Л.С. Берг относит появление первых русских в этой стране к 1571 г., что вполне

согласуется со сведениями об освоении Северного морского пути поморскими землепроходцами, особенно если учитывать высокий уровень их мореходных знаний и навыков.

§ 2. Поход Ермака

Масштабное освоение Сибири началось после похода отряда казаков Ермака. Сокрушение Сибирского ханства сделало необратимым процесс присоединения земель за Уралом к России. Экспедиции Ермака предшествовал малоизвестный неудачный поход царского воеводы Афанасия Лыченицына против Кучума.

В силу противоречивости и субъективности малочисленных источников, содержащих информацию о походе Ермака, в сибиреведении велась активная дискуссия о хронологических рамках, движущих силах и личности покорителя Сибири.

В конце 50-х гг. XX в. своеобразную точку зрения высказал В.И. Сергеев. Согласно его мнению, поход в Сибирь был организован Строгановыми, а государство до 1593 г. не ставило своей целью продвижение за Урал и завоевание Сибири. Рассуждения историк строит на основе Строгановской летописи, признавая ее как первоисточник. В.И. Сергеев также попытался пересмотреть дату начала экспедиции Ермака, определив ее 1 сентября 1578 г. Однако его точка зрения находится в вопиющем противоречии с текстологическими наблюдениями и фактами, накопленными предыдущими исследователями. В противовес ему А.А. Преображенский (1925–2002), привлекая для освещения событий сибирской истории последней трети XVI в. официальную дипломатическую документацию второй половины XVI – начала XVII вв., считал, что русское правительство играло самую активную роль на начальном этапе присоединения Сибири. Ссылаясь на Есиповскую летопись и поздние отписки служилых людей о начале своей службы в Сибири, ученый аргументированно относит начало похода Ермака к 1 сентября 1581 г.

К 400-летию вхождения Сибири в состав России дискуссии, связанные с походом Ермака, возобновились. Во многом это было вызвано выходом работы Р.Г. Скрынникова (1931–2009), в которой приведены дополнительные факты, которые, по его мнению, позволяют утверждать, что Ермак выступил в поход за Урал 1 сентября 1582 г. Но, несмотря на разночтения в разных редакциях летописных источников, одна дата, связанная с походом Ермака, встречается во всех летописях: 26 октября 1582 г. – падение столицы Кучума. Следовательно, представляется маловероятным, что казаки смогли совершить свой успешный военный поход по неизвестной для них территории, закончившийся свержением Кучума, в течение двух месяцев. Поэтому большинство историков признает 1581–1585 гг. хронологическими рамками похода Ермака.

Открытым остается вопрос о личности Ермака. Согласно одной из версий, Ермак Тимофеевич – это Василий Тимофеевич Аленин, судовой работник в пермских владениях Строгановых, позже ставший казаком, род которого происходил из посада г. Суздаля. По более распространенной версии Ермак – это предводитель вольных людей, казаковавших в низовьях рр. Дона и Волги. В контексте данного предположения интерес вызывает происхождение прозвища прославленного атамана. Есть предположение Р.Г. Скрынникова, что прозвище Ермак является производным от одного из христианских имен (Ермолай, Ермил, Герман). Однако тот же Р.Г. Скрынников поддерживает мнение Е.И. Дергачевой-Скоп (р. 1931) об отождествлении прозвища Ермак со словом «токмак». Слово же «токмак» означало «голочь», «бить», «колотить», а производное слово «токмач» – это пест, «баба» для трамбовки земли и пр. Следовательно, такое прозвище мог получить человек, обладающий недюжей физической силой.

Наиболее оригинальную версию идентификации Ермака выдвинул современный тобольский писатель, историк-любитель В.Ю. Софронов. Опираясь на косвенные данные (татар-

ские корни прозвища атамана, быстрое продвижение казаков за Уралом и т.д.), автор предполагает, что Ермак был сибирским ханом из рода Тайбугинов. Сами же события «сибирского взятия» представляются как борьба династии Шейбанидов и Тайбугинов за ханский престол.

Скорее всего, до прихода в Сибирь Ермак и его соратники воевали против ногайцев на Волге. Однако в 1581 г. ситуация в Поволжье изменилась вследствие восстания черемисов. Для подавления этого восстания были отправлены значительные военные силы во главе с царскими воеводами. В такой ситуации казаки могли оказаться в любой момент между молотом и наковальней. К тому же в условиях тяжелейшей Ливонской войны Иван IV не хотел давать лишний повод для начала ведения военных действий на южном направлении, которые могли последовать в случае нападения казаков на турецкие и персидские владения. На собравшемся войсковом круге казаки, опасаясь преследования царских воевод, решили изменить традиционное направление своих походов и двинуться в пределы Сибири. Это решение во многом носило компромиссный характер, так как служилые казаки не желали ссориться с московскими властями, «воровские» же казаки стремились подальше уйти от мест, все больше подпадавших под контроль государства.

Путь в Сибирь казаков лежал через вотчины Строгановых, где их отряд был доукомплектован, снабжен боеприпасами и продовольствием. Скорее всего, Ермак и Строгановы заключили некоторое соглашение, согласно которому последние брали на себя затраты на подготовку к экспедиции, а казаки обязывались совершить нападение на территорию Сибирского ханства с целью упреждения активных попыток Кучума распространить свое влияние на пермские земли.

1 сентября 1581 г. отряд Ермака выступил в поход. Казаки поднялись вверх по р. Чусовой, перевалили через Уральский хребет и двинулись вниз по течению р. Тагила, а затем

р. Туры. После зимовки первое крупное сражение с сибирскими татарами во главе с мурзой Епанчей состоялось у Епанчиных юрт. После победы в нем казаки заняли бывшую ставку тюменского хана Чимги-Туру. Следующий ожесточенный бой на берегу р. Тобола в 30 верстах ниже устья р. Тавды между отрядом татар во главе с племянником Кучума Маметкулом и казаками закончился победой последних. Завершились осенние военные действия битвой русских у устья р. Тавды с отрядами мурзы Карачи. Здесь, в городке Карачи, после одержанной победы воинство Ермака остановилось на зимовку.

Активное дальнейшее продвижение в глубь Сибирского юрта казаки начали в сентябре 1582 г., после прибытия Ивана Кольцо с новыми запасами продовольствия и подкреплением в 300 человек из владений Строгановых. После захвата укреплений Атика-мурзы в 20-х числах октября начались бои на Чувашском мысу с основными силами Кучума под предводительством Маметкула. Успех в этой битве позволил войску Ермака в ночь с 25 на 26 октября 1582 г. занять оставленный Кучумом Кашлык.

После разгрома сил Кучума представители родоплеменной знати сибирских коренных народов и большинство татарских мурз выразили желание принять русское подданство. Однако находившийся в казахских степях Кучум не сложил оружие. В ноябре 1582 г. его полководец Маметкул неожиданно напал и разбил небольшую группу казаков у Абалацкого озера. В ответ Ермак организовал за ним погоню и нанес ему поражение на Шаншинском урочище. Окончательно силы Маметкула были уничтожены весной 1583 г. на берегу р. Вагай.

Ермак прекрасно понимал непрочность своей власти в Сибири, и поэтому с наступлением лета из Кашлыка в Москву выехали 25 человек во главе с Черкасом Александровым. На двух стругах казаки повезли царю собранный в его пользу ясак – пушнину, а вместе с ней донесение о «сибирском взятии». Получив это известие, Иван IV не позднее осени 1583 г. от-

дал приказ о подготовке «зимнего похода» в Сибирь. Однако после более детального изучения вопроса царь посчитал, что уральские перевалы непроходимы в зимнее время, и известил Строгановых, обязанных выставить отряд, об отмене намечавшегося похода. За зиму 1583 г. в Прикамье собрали отряд из 300 служилых людей под начальством С.Д. Болховского и И. Глухова.

Тем временем в Сибири после разгрома Маметкула положение Кучума осложнилось тем, что против него начал борьбу уцелевший сын Бекбулата, брата Едигера – правителя Сибирского ханства, свергнутого Кучумом, тайбугин Сейдяк. В это же время от Кучума отложился еще один его союзник – мурза Карача. Он попросил у Ермака людей для борьбы с Кучумом. Отправленные осенью 1583 г. в ставку к Караче 40 казаков во главе с Иваном Кольцо были вероломно убиты по приказу татарского мурзы. В марте 1584 г. Карача, объединив значительные силы татарских пеших и конных воинов, осадил Кашлык, занятый казаками Ермака. С большим трудом путем дерзкой неожиданной ночной вылазки, завершившейся разгромом татар, казакам удалось снять осаду.

Весной 1584 г. в поход выступил из строгановских вотчин отряд С.Д. Болховского и И. Глухова, который только осенью 1584 г., израсходовав все взятые с собой запасы продовольствия, смог достигнуть столицы Сибирского ханства. Вследствие этого зимой 1584–1585 гг. в Кашлыке среди казаков и служилых людей начался сильный голод. Много людей из гарнизона крепости, в том числе и С.Д. Болховский, умерли.

В это время Кучум, кочевавший в степях, собирал силы, объединял татарских мурз. Летом 1585 г. он распространил слух, что им задержан торговый караван бухарцев, направлявшийся в Кашлык. Казаки Ермака нуждались в продовольствии и товарах повседневного потребления, поэтому прославленный атаман и 150 человек спешно двинулись вверх по р. Иртышу до местечка Шиш-тамах. Не найдя здесь бухарцев, казаки дви-

нулись к месту впадения р. Вагая в р. Иртыш. Не обнаружив в этом месте торгового каравана, дружина Ермака повернула обратно. На обратном пути в ночь с 5 на 6 августа 1585 г. во время ночевки на берегу р. Вагая на отряд неожиданно напал Кучум со всем своим войском. Большая часть казаков погибла в ночном бою. Ермак же был ранен, пробился к берегу, но неудачно прыгнул на край струга, который перевернулся. В тяжелом панцире Ермак не смог выплыть и утонул.

Когда сведения о смерти Ермака дошли до Кашлыка, Матвей Мещеряк, ставший во главе казаков, и Иван Глухов покинули крепость и отправились в Европейскую Россию. На р. Туре они встретили отряд воеводы И. Мансурова. Объединенный отряд вернулся на р. Иртыш и в ее устье поставил укрепленный лагерь – Обский городок, в котором зазимовал. Обский же городок в течение девяти лет играл функции защитной крепости для русских людей от Пегой Орды (объединения племен селькупов и кетов в бассейнах рр. Нарыма и Томи).

Основным результатом экспедиции казаков Ермака 1581–1585 гг. явилось сокрушение Сибирского ханства и открытие сравнительно дешевой дороги на восток для представителей разных сословий Российского государства. Активная же колонизация Сибири началась с появления регулярных отрядов служилых людей, со строительством первых острогов, заселением и хозяйственным использованием новых территорий.

§ 3. Присоединение Западной Сибири к Российскому государству

После смерти Ермака Кучум и его дети остались живы и причиняли много беспокойств русским отрядам, поэтому в основе выбора мест для строительства острогов лежали военно-тактические соображения.

Вслед за служилыми людьми И. Мансурова по царскому указу отправили отряд В. Сукина и И. Мясного, которые в 1586 г. основали Тюмень.

Затем в 1587 г. русский отряд во главе с Даниилом Чулковым основал главный город Сибири Тобольск. Основной целью постройки города, по всей видимости, было желание закрепить русское присутствие на новой территории среди коренных жителей.

В Сибири, помимо хана Кучума, одним из противников Российского государства являлся кондинский князь Аблегерим. Необходимо было ликвидировать опасность для русского господства в Сибири со стороны его княжества. Князь П. Горчаков и воевода Н. Траханиотов с отрядом служилых людей и воинов из пермских вотчин Строгановых были посланы в Кондинскую землю в конце 1592 г. Между русскими и силами кондинских князей произошло несколько сражений. В них победу одержали русские служилые люди, но главные князья бежали в глубь Кондинской земли. Князь П. Горчаков разбил отряд на две части. Вместе с одной частью своего отряда он начал постройку Пелымского острога, а другая часть во главе с Н. Траханиотовым начала преследование кондинских князей. На краю Кондинской земли около селения Сумгут-ваш предводители местных жителей были захвачены. До Пелыма было достаточно далеко, и Н. Траханиотов в 1593 г. решил основать в этом месте укрепленное поселение – Березовский острог.

После строительства Тобольска московское правительство стремилось обезопасить город и оттеснить кочевья хана Кучума подальше на юго-восток. В результате в 1594 г. появился русский город Тара.

Одновременно русские попытались подчинить себе территории среднего течения р. Оби. В 1594 г. здесь основали Сургут. По соседству с местом постройки Сургута кочевала Пегая Орда – нарымские остяки под предводительством князя Вони, которые иногда совершали набеги на русские владения в Сибири. Русское правительство для ликвидации угрозы со стороны воинственного князя направило воевод Ф. Борятинского и В. Аничкова. Они прибыли в Обский городок, где дождались

подкрепления от березовского воеводы и остяцкого князя Игичея. После этого их отряд разрушил Обский городок, а на новом месте основал Сургут.

В 1595 г. в устье р. Оби бывший поморский Носовской городок был превращен в Обдорский острог, который сразу же начал функционировать как таможенная застава на Северном морском пути.

В 1596 г. вверх по течению р. Оби сургутский атаман Тугарин Федоров основал Нарымский острог, а на ее правом притоке – р. Кети – Кетский острог. Исключительно военная специализация явилась отличительной чертой этих острогов на начальном этапе освоения Сибири.

Несколько иная роль отводилась Туринску и Верхотурью. В 1590 г. на месте слияния рр. Лозьвы и Тавды основали Лозьвинский городок. Он являлся своеобразным перевалочным пунктом из Европейской России в Сибирь. В нем же располагалась таможня. Но в 1597 г. Артемий Бабинов открыл более удобную дорогу в Сибирь из Соликамска, по которой двинулся основной поток русских. На ней правительству необходимо было создать новый таможенный центр. В 1598 г. воеводы В. Головин и И. Воейков заложили Верхотурье. Это поселение стало центром сбора пошлин и налогов с русских людей, идущих из Сибири. Московское правительство запрещало возить товары старым путем через Лозьвинский городок. За ненадобностью его в 1597 г. разрушили.

Для улучшения сообщения между Верхотурьем и Тюменью в 1600 г. письменный голова Ф. Янов основал Туринск. Строительство Верхотурья и Туринска положило начало созданию инфраструктуры внутри новых территорий.

На рубеже XVI–XVII вв. Российское государство обратило свое внимание на земли Мангазеи. В 1598 г. туда была отправлена из Тобольска экспедиция Федора Дьякова, которая произвела разведку этой территории и обложила ясаком местное население.

В 1600 г. на р. Таз для основания государева острога отправили воевод М. Шаховского и Д. Хрипунова с отрядом 150 человек. Однако экспедиция не смогла выполнить возложенную на нее задачу: суда были затерты льдами в Обской губе, а двинувшиеся далее «сухим путем» служилые люди подверглись нападению со стороны «самояди». Сильно поредевшему «войску» М. Шаховского, правда, удалось достичь р. Таза и укрепиться в одном из построенных промышленниками городков, но полностью овладел положением в крае лишь новый правительственный отряд. Скорее всего, отряд М. Шаховского расположился в Пантуевом городке. Главным поселением поморов в данном районе – Мангазеей они не овладели. Согласно мнению С.В. Бахрушина (1882–1950), нападение самоедов организовали поморские и пермские торговые люди, стремившиеся избежать контроля за их промыслами со стороны центральной власти. Лишь второй экспедиции В. Масальского и С. Пушкина удалось основать правительственное поселение в Мангазее.

В 1604 г. Г.И. Писемский и В.Ф. Тырков основали Томский острог. Основанию острога предшествовало обращение местного зуштинского князя Тояна к правительству Бориса Годунова с просьбой для защиты своих подданных от енисейских киргизов, телеутов и чатских татар поставить в его землях русскую крепость. Таким образом, русские утвердились в землях, расположенных в нижнем течении р. Томи.

§ 4. Распространение русской власти на территорию Центральной Сибири

С постройкой на севере Мангазеи ускорился процесс колонизации бассейна р. Енисея. Мангазейцы поднялись по притокам р. Таза и через волок перешли на р. Волочанку, а затем по р. Турухану устремились на юг к р. Енисею. Продвинувшись на юг по р. Енисею в 1605 г., неподалеку от р. Сыма они по-

строили зимовье, ныне село Ярцево. В 1607 г. было основано Туруханское зимовье. Это зимовье располагалось в наиболее удобной точке (на месте сближения рр. Волочанки и Турухана находился Енисейский волок), на пути проникновения мангазейских торговых людей на р. Енисей, ведущем дальше на просторы Восточной Сибири.

В том же году, что и Туруханск, появляется зимовье Инбацкое (ныне село Верхнеимбатское), а годом позже в устье одноименной речки возникло русское зимовье на месте современного села Бахта.

В 1608 г. по велению мангазейского воеводы Д. Жеребцова на восток «встречь солнцу» отправился отряд крещеного пушторского самоеда Игнатия Хапентика. Он дошел до кочевий тунгусского племени буляши на среднем течении р. Нижней Тунгуски и объясачил его. В 1610 г. из Мангазеи была отправлена экспедиция к устью р. Енисея. Через р. Турухан казаки попали в р. Енисей, а из нее в р. Пясино и наложили ясак на кочевавших здесь самоедов («пясичкая самоедь»), там же были заложены русские зимовья. В 1610 г. мангазеец К. Курочкин поставил зимовье в устье р. Дудинки, в котором несли службу несколько казаков. В 1614 г. мангазейские казаки поставили в устье р. Дубчес одноименное зимовье, располагавшееся между Туруханском и Ярцево. Они начали собирать ясак с местных племен кетов и селькупов (остяков и инбаков). В том же 1614 г. мангазейцы уже переходят на р. Нижнюю Тунгуску, и, поднявшись вверх по течению реки, они подчинили себе 18 родов тунгусов.

К 1618–1619 гг. относятся сообщения о выходе русских к р. Лене под предводительством Пенды. Пенда – это казак из Мангазеи, собравший отряд в 40 человек, с которым он двинулся на восток искать новые земли. В течение трех лет он искал проход на р. Лену, пока не попал на Чечуйский волок. Экспедиции Пенды встретили ожесточенное противодействие тунгусов, которые противились проникновению русских на

территорию бассейна р. Лены. В четвертый год пребывания в Центральной Сибири Пенда совершил путешествие вверх по р. Лене. Он дошел до р. Ангары, по ней спустился на р. Енисей и по ней вернулся в Мангазею. На основе рассказов предводителя экспедиции сложили устное предание, которое передавалось в течение ста лет. Аналогичные сведения предоставляет якутский исторический фольклор. В некоторых вариантах преданий о знаменитом кангаласском вожде Тыгыне говорится о том, что в его владениях появились никому не ведомые пришельцы – первые русские, с которыми у якутов сложились мирные взаимоотношения.

Для укрепления русского влияния в среднем течении р. Енисея после тщательной разведки решено было построить острог в месте впадения р. Верхней Тунгуски (Ангары). П. Албычев и Ч. Рукин со своими людьми прибыли в то место на р. Кети, где обычно оставляют суда, и продолжили далее путь к р. Енисею волоком. П. Албычеву и Ч. Рукину необходимо было создать опорную базу, чтобы успешно выполнить их задачи на р. Енисее. В этом-то и заключались причина и непосредственный повод постройки Маковского острога в 1618 г., который был основан не по приказу из Москвы, а по усмотрению будущих строителей Енисейска.

По каким-то причинам сведения о постройке Енисейского острога в 1619 г. не дошли до Москвы, хотя они были известны в Тобольске. Для завершения постройки острога на р. Енисее отправили экспедицию М. Трубчанинова. Но уже в наказной памяти тобольского воеводы И. Куракина М. Трубчанинову, которая датируется 16 декабря 1619 г., говорится о существовании острога на р. Енисее, который назывался Тунгусским.

Для защиты Енисейска, крупного перевалочного пункта на пути из Западной в Восточную Сибирь, от постоянных набегов енисейских киргизов в августе 1628 г. отряд Андрея Дубенского основал крепость Красноярск. С этого момента в течение десятилетий Красноярск постоянно подвергался набегам ени-

сейских киргизов, пытавшихся вернуть полное господство над своими бывшими киштымами.

§ 5. Противостояние русских и кочевников на юге Центральной Сибири

В период Смутного времени после завершения правления Годуновых основной задачей для Российского государства было сохранение его целостности и независимости, поэтому быстро меняющиеся правительства не предпринимали попыток расширить на юг сибирские владения силами служилых людей. Здесь за период с 1604 по 1618 г. не было построено ни одного крупного острога.

После долгого перерыва на юго-востоке Западной Сибири был построен Кузнецкий острог. Более десяти лет томские казаки пытались привести к покорности кузнецких татар, но не хватало опорной базы, чтобы осуществить данный замысел. Наконец, в 1618 г. после ряда неудачных попыток экспедиция О. Харламова, О. Кокорева и М. Лаврова основала Кузнецкий острог, который на протяжении ста лет оставался самым южным форпостом русской колонизации.

В 1621 г. для укрепления русского влияния среди чулымских татар и предотвращения набегов на их территории со стороны киргизских племен поставили Мелесский острог.

Дальнейшему распространению русского влияния на юг Сибири помешало противодействие кочевников – енисейских киргизов и ойратов. Здесь находилась «Кыргызская земля». Под «Кыргызской землей» в русских источниках первоначально подразумевается заселенная тюркоязычными енисейскими киргизами и их самодийскими, кетскими, остяцкими киштымами территория в бассейне Среднего и Верхнего Енисея, входившая в Красноярский и Томский уезды. Соседство с севера с Российским государством, а с юга государством северо-западных монголов алтын-хана и Джунгарским ханством предподре-

делило для енисейских киргизов политику лавирования между интересами более сильных соседей.

Впервые енисейские киргизы упоминаются в наказе Г. Писемскому и В. Тыркову о строительстве Томского острога. В 1608 г. русские власти собрали первый ясак с енисейских киргизов и их киштымов. Правда, здесь русские натолкнулись на противодействие со стороны государства алтын-хана, созданного в 1588 г. Основатель и первый алтын-хан Шолой Убаши в конце первого десятилетия XVII в. включил земли енисейских киргизов в состав своих киштымных урочищ. В 1616 г. Шолой Убаши формально признал себя московским вассалом. Его сын Омбо Эрдени тоже приносил «шерть» на верность Москве в 1634 и 1636 гг. Но в реальности алтын-ханы проводили независимую, а зачастую и враждебную политику в отношении Российского государства посредством своих киштымов – енисейских киргизов. Русским же с большим трудом удалось основать в 1628 г. малый Канский острожек, в 1636/37 г. перенесенный на новое место отрядом Милослава Кольцова. В 1630 г. енисейские киргизы совершили поход на Красноярск и разорили его окрестности. С 1640 г. в бассейн р. Кана вторглись подвластные племена бурятского князца Оилана, которого русские одолели только в 1645 г. В 1641 г. отряд Я. Тухачевского с боем пробился в глубь «Кыргызской земли» и поставил Ачинский острог.

Помимо потестарного образования алтын-ханов, Батур-хунтайджи (1635–1653) в 1635 г. на основе союза кочевых племен, которые называли себя «ойратами», основал Джунгарское ханство. В ходе борьбы алтын-ханов и джунгарских правителей верх начали одерживать последние, поэтому многие рода-сеоки енисейских киргизов в 1648–1652 гг. готовы были принять русское подданство при условии того, что русские защитят их от набегов алтын-хана. Но, по мнению хакасского историка В.К. Чертыкова (р. 1962), корыстные интересы и недалководность сибирских воевод, оттолкнули енисейских киргизов от

Российского государства. Также немаловажную роль сыграло естественное противостояние «мы» и «они», то есть земледельческих и неземледельческих племен. В ответ на это алтын-хан Лауцзан (Лоджан), пытаясь удержать власть над енисейскими киштымами, совершает два разорительных набега на их территорию в 1652 и 1657/58 гг. В 1661 г. начинается война между Джунгарией и ханом Лоджаном, в которой алтын-хан терпит поражение. Лоджан пытается получить помощь от Российского государства в борьбе против ойратов. Весной 1667 г. на юге Приенисейского края появился джунгарский Сенге-тайджа, вместе с киргизами он разгромил Лоджана. После победы джунгар над алтын-ханом киргизы полностью взяли политическую ориентацию на Джунгарию.

В это время среди енисейских киргизов появляется Еренак – талантливый правитель, поставивший задачу объединить вокруг себя все другие киргизские рода-сеоки под флагом борьбы с экспансией русских на их земли. Еще до разгрома Лоджан-хана в 1667 г. Еренак организовал военный поход против Удинского острожка и разорил земли тубинских князцов. Уже в мае 1667 г., сразу же после разгрома Лоджан-Тайши киргизы Еренака и ойраты безуспешно осаждали Красноярск.

Для укрепления русской власти на юге Приенисейского края в 1668–1675 гг. за счет перевода служилых и присылок годовальщиков из Западной Сибири гарнизон Красноярска вырос до 622 человек. В Енисейском уезде продолжали спешно укреплять южные острожки и села, а для сторожевой службы расселили 149 беломестных казаков. Следующий крупный набег енисейских киргизов состоялся в сентябре 1673 г. Они под руководством Шанды Сенчикенева вторглись в Красноярский и Енисейский уезды, дошли до Бельского острога на р. Кемь, где их остановил отряд казаков во главе с А. Клеопиным. 11 октября 1673 г., на обратном пути Шанды осадил Ачинский острог и сжег его. В 1674 г. томские казаки восстановили Ачинский острог. В 1674/75 г. пятидесятник Осип Мезенин

на краю «Кыргызской земли» поставил Караульный острог. В 1675 г. русские организовали экспедицию к р. Абакану и построили острог в ее устье на острове Карагас, который простоял с 1675/76 по 1678 г. Также в 1675/76 г. сын боярский Тит Соломатов на Кемчике поставил небольшой Ломовский острог. Он простоял до 1680 г. В 1677–1678 гг. тубинцы захватили Канский острог, а затем осадили Тасеевский острог.

Енисейские киргизы, собрав все свои силы, летом 1678 г. напали на Красноярск, но, не взяв штурмом острога, ушли, отогнав у жителей скот. 15 июля 1679 г. Еренак снова совершает набег на Красноярск, но острог опять не удалось захватить, и он ограничился грабежом окрестностей. Следующий набег, также закончившийся разорением окрестностей города Красноярска, Еренак совершил через два месяца 14 сентября 1680 г. В ответ на набеги киргизов из Красноярска был организован поход казаков на р. Июс в январе 1680 г. Фактически одновременно с этим походом князь Шанды Сенчикенев вместе с сыном Еренака Шапом и своим зятем Алтынаком Кашкой совершил набег на Томский уезд. Набег был отбит боярским сыном Романом Старковым с отрядом из 417 человек. В это время другие сеокороды енисейских киргизов сначала разорили окрестности Красноярска, а затем сожгли Ачинский острог. После этого набега правительство в 1682 г. выслало из Тобольска в «Кыргызскую землю» отряд в 630 человек письменного головы И. Суворова с целью поставить острог, но эта попытка завершилась неудачей. После этого с киргизами в 1683 г. был подписан мирный договор, устанавливавший четкие границы «Кыргызской земли» и закреплявший двоеданство некоторых киштымов. После подписания мира с р. Белого Июса на р. Чулым в месте впадения в нее р. Ачинки был перенесен Ачинский острог. Внутренние распри в Джунгарском ханстве, его затяжные войны с Циньским Китаем и казаками предопределили сокращение военной помощи енисейским киргизам в борьбе с русскими, что привело к снижению их внешнеполитической активности.

В силу возросших потребностей государства в пушнине и в связи с открытием месторождения серебряных руд на севере «Кыргызской земли» у р. Каштака правительство активизирует усилия, направленные на присоединение территории юга Приенисейского края к России. В 1692 г. красноярский отряд численностью в 750 человек под командованием В. Многогрешного разгромил тубинских князцов, вторгшихся в Канскую землю. Более успешными были русские экспедиции в глубь их земель. Например, поход К. Самсонова в 1701 г., который со своим отрядом разгромил наиболее сильных и послушных Джунгарии киргизских князцов.

Событием, завершившим противостояние Российского государства и енисейских киргизов, явился увод джунгарским ханом Цэван-Раптаном в 1703 г. части енисейских киргизов из Абаканской степи. В 1707 г. появился Абаканский острог, а в 1717–1718 гг. – Саянский острог. Юг Центральной Сибири прочно вошел в состав Российского государства.

§ 6. Включение юга Западной Сибири в состав Российского государства

Закрепившись в Притомье, русские земледельцы начали осваивать район к западу от р. Томи. Летом 1684 г. на высоком берегу р. Оби в устье р. Уртамы был построен Уртамский острог, а за ним выросла одноименная слобода.

В начале XVIII в. русские расселились на притоках р. Оби – рр. Ояше, Умреве, Чаусе. В 1703 г. для защиты русских поселений от набегов ойратов появился Умревинский острог, а за ним одноименная слобода. В 1709 г. у истоков р. Оби основали Бикатунскую крепость, вскоре уничтоженную кочевниками и восстановленную в 1718 г. несколько выше у устья р. Бии. Чуть позже, в 1713 г. выше Умревинского острога поставили Чаусский острог (позднее Колывань), а в 1716 г. около устья притока р. Оби – р. Берди возник Бердский острог.

Эта активность русских, направленная на заселение края и создание системы укреплений, встретила противодействие со стороны Джунгарии. В августе ойраты осадили Кузнецк, сожгли ближайшие к нему русские деревни. В 1710 г. они захватили и разгромили Бикатунскую крепость. Ясачные волости Кузнецкого уезда тоже были разорены, а Цэван-Раптан предъявил претензии на территорию и коренное население Красноярского, Кузнецкого, Томского уездов и Барабинской степи.

Одновременно сибирский губернатор М. Гагарин сообщил о наличии во владениях Джунгарии значительных золотых россыпей в районе города Яркенд. Петр I велел из Тобольска отправить в эту местность отряд почти в три тысячи человек во главе с Я. Бухолцем. В 1715 г. он заложил Ямышевскую крепость, через год разрушенную ойратами, но восстановленную в 1717 г. полковником Ступиным. Под натиском ойратов Я. Бухольц вынужден был отступить вниз по р. Иртышу до р. Оми, где в 1716 г. основал Омскую крепость. Сменивший его Ступин построил на р. Иртыше в 1717 г. Железинскую крепость и в 1718 г. Семипалатинскую крепость. В 1720 г. майор Лихарев из Тобольска с отрядом в 440 человек дошел до озера Зайсан, а на обратном пути основал Усть-Каменогорскую крепость.

Таким образом, к 1720 г. правобережье р. Иртыша от устья р. Оми до устья р. Ульбы было укреплено за Российским государством. Появившиеся крепости соединили форпостами, в результате чего появилась оборонительная линия, надежно защитившая русские владения в Барабинской степи, Верхнем Приобье и части Алтая от набегов джунгар.

§ 7. Присоединение Восточной Сибири к Российскому государству

В 1620-е гг. постепенно начали истощаться запасы «мягкой рухляди» в Мангазее и внимание сибирских промышленных людей и представителей официальных властей было обращено на богатую пушниной «Ленскую землю». В 1628 г. на

р. Илим отправился десятник Василий Бугор. Ему с притока р. Илима – р. Идирмы удалось попасть в верховья р. Лены и наложить на местные племена ясак. Весной 1631 г. отряд, возглавляемый И. Галкиным, открыл более удобный путь с р. Илима на р. Лену, спустился вниз по Лене и собрал ясак с местного населения. Сменивший в 1631 г. И. Галкина П. Бекетов объясачил еще несколько якутских, тунгусских и бурятских родов и основал в центре Якутской земли Ленский острог.

Меньшим успехом завершились попытки русских служилых людей, продвигавшихся северными путями, подчинить земли в бассейне р. Лены. В 1629 г. на р. Нижнюю Тунгуску был послан отряд во главе с Самсоном Навацким. От этого отряда отделилась группа из 30 человек во главе с Антоном Добрынским и Мартыном Васильевым, которая проникла на р. Виллой, а по ней на рр. Лену и Алдан. В условиях нехватки продовольствия и постоянных стычек с коренным населением отряду Добрынского и Васильева в 1632 г. удалось вернуться в Тобольск и взять ясак у многих тунгусских и якутских родов.

В 1634 г. на р. Лену возвращается Иван Галкин с прежними полномочиями. Он отдает распоряжение перенести Ленский острог с низменного берега на менее затопляемое место. Однако эта мера не принесла желаемых результатов, поэтому в 1643 г. по распоряжению воеводы П. Головина острог перенесли на 70 верст выше и переименовали в Якутск.

В 1636 г. из Томска на р. Лену отправили отряд из 50 казаков во главе с атаманом Дмитрием Копыловым, который добрался до верховьев р. Алдана, где построил Бутальское зимовье. Из Бутальского зимовья с целью поиска новых неясачных земель отправились на восток 30 человек во главе с И. Москвиным. Они первыми из русских вышли на побережье Тихого океана.

После присоединения земель по р. Лене широкий размах приобрело полярное мореходство. В 1632 г. на р. Лене за полярным кругом было основано Жиганское зимовье. В 1633 г. отряд мангазейского служилого человека Ивана Реброва и

енисейца Максима Перфильева вышел из устья р. Лены в Ледовитый океан и, двигаясь на восток, достиг сначала устья р. Яны, а затем и р. Индигирки. На этих реках он основал три небольших острожка. И. Ребров являлся также первооткрывателем Юкагирской земли. В 1642 г. он морем достиг р. Оленека, где построил зимовье.

В 1636 г. енисейский десятник Елисей Буза из устья р. Лены с отрядом из 6 служилых и 40 промышленных людей добрался до р. Оленека, затем после зимовки по суше добрался до р. Лены и, построив на ее берегах два коча, отправился до р. Яны. Однако до своей цели Е. Буза не добрался, так как потерпел крушение у р. Омолоя. После крушения его отряд сухопутным путем добрался до р. Яны, где еще провел два года.

Одновременно с походами И. Реброва и Е. Бузы С. Харитонов и П. Иванов открыли сухопутную дорогу к верховьям р. Яны и р. Индигирки. Следствием вышеописанных походов стало основание Верхоянского (1638) и Нижнеянского (1642) зимовий на р. Яне; Подшиверского (1639), Уяндинского (1642) и Олюбенского (1641) на р. Индигирке, Алазейского (1642) на р. Алазее.

В 1640 г. Селиван Харитонов из р. Яны на самодельных судах первым из русских добрался до р. Колымы. Окончательно же русские закрепились на р. Колыме после экспедиции Михаила Стадухина 1641–1643 гг., в ходе которой было основано Среднеколымское зимовье. Затем в 1644 и 1647 гг. появились Нижнеколымское и Верхнеколымское зимовья.

В июне 1648 г. из устья р. Колымы на семи кочах на восток отправился отряд из 105 человек, возглавляемый Семеном Дежневым и Федотом Алексеевичем Поповым. В результате этого похода русские мореходы впервые обогнули крайнюю северо-восточную оконечность Евразии – «Большой каменный нос», открыли пролив, отделяющий ее от Америки, и прошли им в Тихий океан, тем самым совершив одно из величайших географических открытий XVII в. В Тихий океан из семи ко-

чей попали только два. Недалеко от р. Анадыря суда экспедиции С. Дежнева потерпели крушение. Выбравшись на берег, С.И. Дежнев и его товарищи основали в 1649 г. Анадырское зимовье. В 1650 г. на Анадырь сухопутным путем прошли М. Стадухин и С. Мотора.

§ 8. Приведение в российское подданство народов Бурятии и Забайкалья

После выхода русских на р. Енисей одновременно с присоединением Якутии, по которой первопроходцы перемещались преимущественно по водным путям, началось движение русских по сухопутным дорогам на территорию Бурятии и Забайкалья. В 1625–1627 гг. из Енисейска в Бурятию отправилась первая разведочная экспедиция из 40 человек во главе с Василием Тюменцем и Максимом Перфильевым. Русские спустились по р. Ангаре до р. Илима, где поставили зимовье и обложили ясаком местных бурят и эвенков. В следующем году Петр Бекетов совершил поход в Западную Бурятию, где собрал яsak с окинских, а затем с усть-удских бурят. Следующее же появление русских в землях «братских людей» в 1629 г. отряда Якова Хрипунова встретило ожесточенное сопротивление коренного населения. Для укрепления русской власти в регионе в 1630 г. енисейский атаман Иван Галкин на правом берегу р. Илима основал одноименный острог, в 1631 г. Максим Перфильев – Братский. В ответ на эти действия русских в 1634 г. объединенные силы бурятских князцов разгромили отряд Д. Васильева и сожгли Братский острог. Однако в следующем 1635 г. отряд в 100 человек Н. Радуковского восстановил острог в устье р. Оки и заново привел «под высокую государеву руку» бурятские роды. В 1646 г. после успешных военных действий против наиболее влиятельного бурятского князька Оилана для упрочнения позиций русских в Приангарье был построен Нижнеудинский острог.

В начале 1640-х гг. русские вошли в контакт с бурятскими родами, населявшими районы, непосредственно прилегавшие к озеру Байкал. Для закрепления русской власти здесь был основан в 1641 г. Верхоленский острог. В 1643 г. отряд, возглавляемый якутским пятидесятником Курбатом Ивановым, впервые достиг Байкала. Ему удалось обложить ясаком прибайкальских бурят-хоринцев и батулинцев. Но вскоре после многочисленных злоупотреблений и самоуправства русских служилых людей буряты осадили Верхоленский острог, и только отряд, посланный из Ленского острога, позволил отстоять укрепленный пункт и повторно подчинить коренное население. Завершили присоединения западного берега озера Байкал отряды служилых людей Д. Фирсова и Я. Похабова. В 1654 г. в устье р. Унги на Ангаре появился Балаганский острог, а в 1661 г. на правом берегу Ангары, недалеко от Иркутского ясачного зимовья, основанного еще в 1652 г., отряд Я. Похабова построил Иркутский острог, впоследствии ставший административным и торговым центром Восточной Сибири.

В 1638/39 г. Максим Перфильев совершил первую экспедицию в Забайкалье. Его отряд вышел из Енисейска, достиг Олекминского острожка, затем прошел по р. Лене до р. Витима и по нему поднялся до р. Ципы. В 1643 г. отряд промышленников и служилых людей под руководством С. Скороходова прошел вдоль берегов Байкала и вышел к р. Баргузину, где был уничтожен тунгусами. В дальнейшем русским удалось установить мирные контакты с коренным населением. В 1647 г. был построен Верхне-Ангарский острог. В 1648 г. Иван Галкин с севера обогнул Байкал и основал Баргузинский острог. В 1652 г. возникает Баунтовский острог. В 1653 г. появляются Иргенский и Нерчинский остроги, в 1658 г. – Телембинский, 1662 г. – Кучидский, 1666 г. – Удинский и Селенгинский. Эти остроги образовали сеть укреплений, которые защищали народы Забайкалья от набегов воинственных соседей. Во многом именно опасность разорительных набегов со стороны мон-

гольских ханов способствовала относительно быстрому признанию тунгусами и бурятами власти «белого царя».

§ 9. Присоединение территорий в бассейне р. Амура и Камчатки

Первые сведения о Приамурье появились после экспедиции 1643–1646 гг. на р. Амур, организованной русским землепроходцем Василием Поярковым. Он вышел из Якутска, спустился по р. Лене до р. Алдана, с р. Алдана прошел по рр. Учур, Гонном и далее через волок к рр. Брянде и Зее, а затем вниз по р. Амуру, где после зимовки совершил морское плавание вдоль Охотского побережья к устью р. Ульи; откуда он вернулся в Якутск. Несколько позже Семен Аверкиев Косой вместе с другими промышленными людьми разведал путь до устья р. Аргуни. В 1647–1648 гг. служилые люди Василий Юрьев и Алексей Олень открыли путь на р. Амур с р. Олекмы по Тугирскому волоку.

Самую масштабную экспедицию на р. Амур осуществил Е.П. Хабаров-Святицкий. Активную финансовую и административную поддержку ему оказал якутский воевода Д. Францбеков. Е.П. Хабаров в 1650 г. вышел из Якутска, поднялся вверх по р. Лене, а затем, спустившись по р. Олекме, достиг р. Амура, где находился до 1653 г. Отряд Е.П. Хабарова на всем протяжении похода вел активные военные действия против представителей коренного населения, оказывавших упорное сопротивление появлению русских в своих землях. Итогом похода Е.П. Хабарова стало присоединение к территории Российского государства Приамурья, административным центром которого в 1658 г. стал Нерченский острог.

Дальнейшему расширению территории Российского государства на юго-восток восприимчиво воспринимали маньчжуры. В конце 1650-х гг. они активно поддерживали антирусские выступления коренного населения в районе р. Шилки. В 1660-х гг. маньчжурские войска с р. Амура насильственно переселили в

долину р. Сунгари дауров и дючеров. Этим воспользовались русские, которые начали активно осваивать этот благоприятный для земледелия край.

В 1665 г. группа восставших жителей Илимского уезда во главе с казаком Никифором Черниговским бежала на р. Амур и основала вольную казацкую общину с центром в Албазине. В 1672 г. жителей Албазина помиловали, а в 1674 г. казацкая вольница была полностью подчинена центральной власти. Албазин стал центром нового уезда.

В конце 1670-х гг. маньчжурская династия китайских императоров Цинь снова обозначила свои претензии на земли по р. Амуру. Маньчжуры, сосредоточив здесь значительные вооруженные силы, начали активные военные действия против малочисленных русских отрядов. Особо следует отметить оборону Албазина, осажденного маньчжурами в 1686 г. Гарнизону крепости из 800 человек во главе с Афанасием Бейтоном удалось выстоять против 5 000 маньчжуров с 40 пушками. Итогом русско-маньчжурского противостояния стало подписание в 1689 г. Нерчинского мирного договора, согласно которому земли по левым берегам рр. Амура и Аргуни отходили к Российскому государству, а территории по правым берегам этих рек – маньчжурам. Крепость Албазин, находившуюся уже во владениях маньчжуров, русские должны были уничтожить, а Аргунский острог перенести на правый берег одноименной реки.

С середины XVII в. началось знакомство русских с территориями, прилегающими к Камчатке. Во второй половине XVII в. якутские казаки и промышленники неоднократно соприкасались с коренными народами крайнего северо-востока и Камчатки, но только в 1697–1699 гг. из Анадырского острога была отправлена первая экспедиция В.В. Атласова «для прииску новых неясачных людей». Результатом похода В.В. Атласова являлось составление описания неведомых русским земель и временное приведение под высокую «государеву руку» коренных жителей.

В 1700 г. на Камчатку прибыл отряд Тимофея Кобелева, которого назначили управляющим этой земли. С 1704 по 1706 г. были построены Нижне-Камчатский и Верхне-Камчатский остроги, укрепившие присутствие русских в этом крае.

В конце XVI – начале XVIII вв., благодаря присоединению Сибири, почти в три раза увеличилась территория Российского государства. Первые остроги, основанные русскими первопроходцами, находились за сотни километров друг от друга, между ними отсутствовали безопасные и надежные пути сообщения, на территориях между русскими поселениями проживали автохтонные жители, принадлежавшие к разным племенам. Однако присоединение не означало завершения процесса колонизации, а оформило лишь формальный акт перехода данных территорий под юрисдикцию государства. В Сибири колонизационные процессы затянулись не на десятки, а на сотни лет.

Вопросы для закрепления

1. Почему традиционно присоединение Сибири к России связывают с походом казацкой дружины Ермака?
2. Сформулируйте основные позиции ученых-сибиреведов по вопросам хронологии и основных движущих сил похода Ермака. Подумайте, почему возникли данные дискуссии?
3. В чем заключается значение похода Ермака для Сибири?
4. Когда и какие основные остроги возникли в Западной Сибири?
5. Какие основные направления продвижения русских землепроходцев можно выделить при освоении Восточной Сибири?
6. В чем заключалось значение экспедиции Семена Дежнева?
7. Подумайте, выгодно ли было для Российского государства заключение Нерчинского мира?
8. Почему нельзя сказать, что колонизация Сибири завершилась в начале XVIII в.?

Список рекомендуемой литературы

1. Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути: в 4 т. М.: Мортранспорт, 1956. Т.1: Арктические плавания с древнейших времён до середины XIX века. С. 38–224.
2. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазея: Мангазейский морской ход: в 2 ч. Л.: Гидрометеиздат, Ч.1. 1980.
3. Берг Л.С. История русских географических открытий. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 62–78.
4. Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2007. С. 58–139.
5. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981.
6. Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002.
7. История Сибири с древнейших времён и до наших дней: в 5 т. / отв. ред. тома А.П. Окладников, В.И. Шунков. Л.: Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в эпоху феодализма. С. 25–55.
8. История Сибири: учебное пособие / ред. З.Я. Бояршинова. Томск: Изд.-во Томск. ун.-та, 1987. С.108–120.
9. Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времён и до 1917 года. М.: Мысль, 1971. С. 51–187.
10. Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М.: Просвещение, 1990. С. 11–46.
11. Олех Л.Г. История Сибири: учебное пособие. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2001. С. 45–51, 56–67.
12. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука, 1972. С. 15–56.

13. Скалон В.Н. Русские землепроходцы и исследователи Сибири XVII века. М.: Изд-во Московского общества испытателей природы, 1951.

14. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982. С. 61–221.

15. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. С.11–168.

16. Хромых А.С. Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI – первая четверть XVII века): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2012. С. 58–115.

17. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 22–127.

18. Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан: Хакас. книж. изд-во, 2007. С. 36–232.

19. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII – XVIII вв. М.: Наука, 1978. С. 12–107.

ГЛАВА IV

ЗАСЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Русское хозяйственное освоение Сибири началось еще до появления на ее просторах постоянного оседлого населения из Европейской России. Комплексное же освоение земель за Уралом началось в XVII в. вследствие вхождения Сибири в состав Российского государства и его активного участия в ее хозяйственной колонизации. Во многом облик хозяйственной специализации Сибири определили природно-климатические условия и состав первых переселенцев из-за Урала.

§ 1. Места выхода первых переселенцев

Из Европейской России в Сибирь переселенцы попадали разными путями, подробное описание которым дал С.В. Бахрушин (1882–1950). Первый из них – «черезкаменный», известный еще новгородцам, проходил по р. Печоре и ее восточным притокам, берущим начало в Уральских горах. Далее русские переправлялись через «Камень» и по притокам р. Оби выходили в ее низовья. По притокам р. Оби они попали в бассейн р. Таза в Мангазею и далее в бассейн р. Енисея. Ликвидация в середине XVI в. Казанского ханства открыла второй, более удобный и короткий путь в Сибирь по р. Каме и ее притокам. Он начинался от Соли Камской, проходил через Чердынь, Уральские горы, рр. Лозьву, Тавду и Тобол. В 1597 г. соликамский посадский человек А. Бабинов открыл новую сухопутную дорогу, которая вела прямо на верховья р. Туры. Наряду с Верхотурской дорогой продолжала существовать «старая Ка-

занская дорога» через Уфимские степи на Тюмень. Часть переселенцев попадали в Сибирь по Северному морскому ходу.

Пути проникновения в Сибирь определили основные места выхода первых сибиряков – Поморье, Пермский край и Поволжье.

Согласно данным, приведенным в современных работах, посвященных истории Сибири, представители Поморья значительно преобладали над выходцами из других районов Российского государства. По подсчетам П.Н. Павлова (1921–1974), из учтенных за 20–80-е гг. XVII в. в промысловых уездах Сибири промышленных людей с обозначенным территориальным происхождением (13 113 явок в таможи) 57,4 % приходилось на Центральное (и Южное) Поморье, 33,3 % – на Северное Поморье, и лишь 9,3 % промышленных людей были выходцами из всех остальных районов. Жители Поморья преобладали в сибирском земледелии в конце XVI – начале XVIII вв. В первые годы организации сибирской государственной пашни Борис Годунов обязал сибирскую администрацию «пашенных и посадских людей призывать и с Вятки, и с Солей на льготу охочих людей». Если следовать сведениям из более поздних материалов, то в Камышенской и Арамилской слободах, в Колчеданском и Катайском острогах в 1695 г. и в деревнях Далматовского монастыря в 1669 г. из 872 человек более 550 человек являлись выходцами из Поморья. Доминирование поморского населения было характерно не только для густонаселенных сельскохозяйственных полос в центре Западной Сибири. Так, например, в Томском уезде в 1705–1707 гг. большая часть новопереселенцев происходила из Поморья и прилегающих к нему областей. В соседнем Енисейском уезде в 1630/31 г. из 526 промышленников Енисейского уезда было 429 выходцев из Двинского, Кеврольского, Важского, Устюжского, Сольвычегодского, Яренского и др. уездов севера Европейской России. В Восточной Сибири в низовьях р. Лены, на рр. Оленек, Индигирка, Колыма ос-

новную массу переселенцев составляли устюжане, усольцы, мезенцы, колмогорцы, белозерцы. В Прибайкалье, по подсчетам авторитетного историка В.Н. Шерстобоева (1900–1963), среди промышленников из 585 человек 372 человека являлись уроженцами Поморья.

Преобладанию поморов в Сибири способствовал ряд факторов. Во-первых, это была географическая близость Поморья к Сибири. Поморы перенесли в Сибирь общинную организацию, приемы ловли пушного зверя, стиль постройки деревянных домов и основные приемы ведения земледелия. Им было проще адаптироваться к тяжелым сибирским климатическим условиям. Во-вторых, поморские земли были населены преимущественно государственными чернососными крестьянами. Сибирь также являлась государевой вотчиной. Подобные сходные условия, несомненно, облегчали переход поморских крестьян в Сибирь. В-третьих, поморские крестьяне были достаточно зажиточными, поэтому могли себе позволить расходы по переезду в Сибирь или организацию экспедиции за мягкой рухлядью.

Правда, следует заметить, что в конце XVI – первой четверти XVII вв. не все представители торговых и промышленных людей постоянно проживали на территории Сибири. На ее бескрайние просторы они отправлялись на определенное время, при этом их семьи и хозяйство находились на территории Европейской России. Следовательно, в это время совершались сезонные миграции населения как из Поморья в Сибирь, так и в обратном направлении. Со второй половины XVII в. промышленные люди, приходившие из Европейской России, в большинстве случаев оседали в Сибири.

Помимо поморов, со времени похода Ермака в освоении Сибири видную роль играли представители Поволжья. Согласно сибирским летописям, именно оттуда пришел Ермак со своими людьми, а затем они входили в состав почти всех сибирских городов.

Активно участвовали в колонизации сибирской земли представители Пермской земли – коми, зыряне, вымичи. Первоначальное население Пелымского острога состояло как из поморских выходцев, так и из переселенцев Пермской земли. Так, согласно записным таможенным книгам Уткинской и Чусовской слободы Верхотурского уезда, из 405 «гулящих» людей, с декабря 1698 г. до середины августа 1699 г. направлявшихся в Сибирь, 127 отмечены как кунгурцы. Подобную картину можно было наблюдать в Томском уезде, где в 1705–1707 гг. среди переселенцев активно фигурировали выходцы из Кунгура.

Из других областей Европейской части России, как правило, переселялись ярославцы, костромичи, галичане, ветлужане, унжаки.

Особую, но не ведущую роль в заселении Сибири играли ссылки и правительственные переводы служилых людей и крестьян. Благодаря этим мерам в Сибирь попадали не только жители Европейской России, но и ссыльные – «литва», «черкасы» и «немцы». Их число значительно увеличилось после Смутного времени и Смоленской войны. В 1635 г. только из Нижнего Новгорода на Тару перевели около сотни иноземцев. Всего же, по приблизительным сведениям П.Н. Будицкого (1854–1916), за 1593–1645 гг. из 1500 человек, сосланных в Западную Сибирь, 650 являлись военнопленными (поляками, литовцами, немцами и украинцами). Следует отметить, что основная часть военнопленных литовцев и поляков после подписания Поляновского мира и Андрусовского перемирия стремились уехать на родину.

Таким образом, в специфической геоклиматической среде Сибири в результате взаимодействия представителей Поморья, Поволжья, Пермского края, Речи Посполитой и коренного населения сложились условия для формирования нового варианта этнического сообщества с некоторыми чертами, отличавшими его от традиционной русской этнической общности.

§ 2. Особенности половозрастной структуры сибирского общества

В конце XVI – первой четверти XVII вв. особенностью половозрастной структуры сибирского общества являлось преобладание мужского населения средних лет. Хотя статистических данных по изучаемому периоду не сохранилось, но такой вывод можно сделать, основываясь на факте активной роли в процессе освоения Сибири служилых и промышленных людей. Их занятия требовали физической крепости и сил, а также отсутствия привязанности к одному месту жительства. Следовательно, наличие большого количества одиноких мужчин значительно тормозило хозяйственное освоение края. Специфика многих сельскохозяйственных и бытовых работ предполагала наличие женского труда. В свою очередь, создание семей способствовало оседанию выходцев из центра Российского государства на сибирской земле. Малочисленность русского населения в первые десятилетия освоения Сибири объясняется небольшим количеством семей, в которых осуществлялась репродуктивная функция. Нередко семьи служилых и промышленных людей оставались в Европейской России, пока мужья и отцы находились в Сибири.

Однако с того момента, как только переселенцы окончательно оседали на просторах Сибири, становились крестьянами, служилыми или посадскими людьми, они начинали перевозить свои семьи на постоянное место жительства. В среднем этот процесс до 1620–1630-х гг. занимал 30–40 лет, после сократился до 15–20 лет. Неоднократно отмечены случаи, когда правительство предоставляло транспорт служилым людям для перевозки семей из европейской части России в Сибирь. Вследствие постоянных переездов и длительного пребывания на промыслах значительно медленнее проходил процесс формирования семей в среде охотничье-промыслового русского населения. В это время в сторону омоложения изменялась и

возрастная структура общества. По переписной книге 1669 г. города Енисейска, на 1 594 взрослых приходилось 425 детей, а по крестоприводной книге 1676 г. города Красноярска, у 861 взрослого было 272 ребенка. Таким образом, удельный вес детей составлял примерно 1/5 часть от русского населения в Сибири, а по данным о составе населения города Енисейска от 1719 г., количество детей почти сравнялось со взрослыми.

К концу XVII в. в большинстве районов Сибири численность бессемейных мужчин снижалась. В это время ясно обозначилась тенденция к образованию больших неразделенных семей. В экстремальных условиях Сибири во многом успех организации пашни напрямую зависел от наличия большего числа рабочих рук и коллективной взаимопомощи. Так, по данным В.А. Александрова (1921–1994), если в 1680 г. у енисейского крестьянства неразделенные семьи составляли четвертую часть от общего числа, то к 1719 г. их число увеличилось до 54 %. Аналогичные процессы происходили в Якутском и Илимском уездах Восточной Сибири. Однако следует отметить, что в Восточной Сибири выравнивание в соотношении полов шло быстрее в более освоенных уездах (Енисейском, Илимском), а в уездах, специализировавшихся на охоте с более сложными климатическими условиями (Мангазейском, Якутском), – медленнее.

Выравнивание числа мужского и женского населения Сибири в XVII – начале XVIII вв. происходило несколькими путями. Во-первых, путем переезда за Урал из Европейской России уже сложившихся семей. Во-вторых, путем женитьбы русских мужчин на ссыльных гулящих женках. Например, в челобитной, присланной царю из Енисейска в 1630 г., содержалась просьба: «...вели, государь, нам прислать из Тобольска гулящих женочек, на ком жениться ... а без женишек, государь, нам бытии никак не мочно». В-третьих, путем создания семей между русскими мужчинами и представительницами коренных народов. Но здесь важно понимать,

что процесс метисации происходил с разной степенью интенсивности в различных районах Сибири. Женщина в аграрных обществах, помимо воспроизводства рода, выполняла в семье и комплекс хозяйственных функций, которые требовали наличия специфических трудовых навыков, отсутствовавших у представительниц коренного населения. На основании относительно неполных сведений исторических источников смешанные браки чаще всего появлялись на Крайнем Севере у русского промыслового населения. Так, согласно сведениям, приводимым Б.О. Долгих (1904–1971), в 70–80-х гг. XVII в. не менее 10 % юкагирских женщин находились вне своих племен и родов. В более же южных районах оседлое земледельческое население селилось в «пустых» местах, удобных для сельского хозяйства. И здесь, наоборот, наблюдалось преобладание русского населения над коренным. Например, в начале XVIII в. в Енисейском уезде соотношение между русскими и остяками было не менее 30:1, а русскими и аринцами – 15:1.

В целом, по подсчетам В.А. Александрова, всего к 1710 г. русское население Сибири равнялось 313 685 человекам, из которых 157 880 мужчин, 155 805 женщин. В Западной Сибири проживало 247 485 человек, из которых 122 359 мужчин, 125 124 женщины. В Восточной же Сибири мужчин, как и женщин, было значительно меньше – 35 521 и 30 681 соответственно.

Многообразие хозяйственной деятельности приводило к частым переходам из одного сословия в другое. За свою жизнь в Сибири человек мог побывать и промышленным человеком, и торговцем, и крестьянином. В зависимости от характера занятий жители Сибири несли различные повинности в пользу государства. Ясачные люди платили ясак, а крестьяне, ремесленники, промышленные и торговые люди – разного рода налоги и пошлины. Служилые люди обеспечивали защиту и порядок на сибирских территориях.

§ 3. Сибирские промыслы

Первоначально ведущее место среди хозяйственных занятий русского населения играли промыслы. В Сибири были распространены пушной, рыбный, хмелевой, смолокурный промыслы, сбор кедровых орехов, ягод, грибов, съедобных корней (ревеня, черемши, кандыка, полевого лука, чеснока, луковиц сараны и т.д.), добыча слюды.

Среди вышеназванных промыслов наибольшее развитие получили пушной, основной составляющей которого являлась добыча соболя, и рыбный промыслы.

Несмотря на знакомство некоторых промышленников с просторами Восточной Сибири, в первой четверти XVII в. большую часть «мягкой рухляди» добывали на территории Западной Сибири. Промысел был сосредоточен в трех уездах: Пелымском, Сургутском и Мангазейском. С переходом промышленных людей на просторы Восточной Сибири в 1620-е гг. начинается период наивысшего подъема пушного промысла, пик которого пришелся на середину XVII столетия.

Только к началу 40-х гг. XVII в. в Западной Сибири начали истощаться запасы пушнины. Так, в Мангазейском уезде, например, наивысший уровень добычи соболя, согласно сведениям П.Н. Павлова, приходился на 1636 г., когда в среднем русские промышленные люди привозили с промысла 85–89 соболей на человека.

В XVII в. на территории Сибири формируется система взаимоотношений между государством и частными промышленниками. Появление государства и его влияние на развитие пушного промысла являлось новой чертой по сравнению с предыдущим периодом.

С одной стороны, государство пыталось контролировать пушной промысел. В отписке тобольского воеводы Ф. Шереметьева от 1601 г. говорится о запрете сибирским служилым людям заниматься промыслом пушнины и торговать мехами.

С другой стороны, сложилась уникальная ситуация, когда самому государству было невыгодно держать монополию на достаточно прибыльный вид деятельности. У государства не хватало сил для того, чтобы освоить пушные богатства Сибири, и оно полностью отдало на откуп частным промышленникам добычу соболя. Только тогда, когда запасы пушнины стали истощаться в конце XVII – начале XVIII вв., государство приняло некоторые попытки организовать пушной промысел своими силами.

В то же время государство в фискальных интересах пытается поставить под контроль добычу ценных мехов, обязав торговых и промышленных людей платить десятинную пошлину. В основном пошлина собиралась натурой. Правда, в редких случаях деньгами полагалось брать с неполных десятков шкурок по их оценке десятую же часть. Пошлину преимущественно платили торговые люди, перекупавшие соболя у промышленников в самой Сибири. Данная система взаимоотношений являлась достаточно прибыльной для государства. Также торговым и промышленным людям до 1630-х гг. можно было провозить только сорок (т.е. 40 соболей) стоимостью до 140 рублей, но если сорок стоил 141 рубль, то такой ценный товар нужно было отдавать в казну. Это правило способствовало множеству злоупотреблений со стороны местной администрации, но благодаря его действию государство получало сверхдоходы.

Несмотря на малочисленность коренного населения Сибири, на ее территории не было свободных земель, выгодных в промысловом отношении. Промышленные люди, как правило, охотились в угодьях, принадлежавших местному населению. Поэтому, с одной стороны, государство могло недополучать ясак и формально выступало за ограничение свободы русского промысла. С другой – оно получало значительные прибыли от промыслового налога и во многом поддерживало представление о наличии ничейных угодий в Сибири. В этой ситуации,

по справедливому мнению П.Н. Павлова, государство получало от одних угодий двойную выгоду, так как собирало ясак с коренного населения и промысловый налог с русских. Поэтому само правительство не спешило четко разграничить ясачные земли. Нередко четкие границы между этими угодьями не были известны сибирским воеводам, представлявшим центральную власть на местах.

Промышленникам зачастую приходилось преодолевать значительные расстояния до места промысла. Промысел продолжался шесть месяцев, с октября по март, так как с наступлением морозов качество меха соболя значительно улучшалось. В остальные месяцы промышленники устраивали зимовья, подготавливали снаряжение, пополняли запасы продукции. Очень часто в силу отдаленности угодий и специфики охоты на соболя промысловики объединялись в артели.

В таких условиях необходимым для обеспечения промысла становилась ужина, состоявшая из «хлебного запаса» и «промыслового завода», а также если промышленники объединялись в артель для промысла, они несли дополнительные артельные расходы и обычно брали одну пищаль на 2–3 человек.

В «хлебный запас» входили мука ржаная, овсяная, ячневая, толокно, рожь, мясо, иногда сушеная козлятина, масло коровье, рыбий жир, соль, мед, изредка конопляное семя, крупа, мука пшеничная, рожь пророщенная (солод), горох, сало говяжье, мясо свиное. Рыбу промышленники обычно заготавливали по пути своего следования.

В «промысловые заводы» входили орудия охоты и рыбной ловли, различные инструменты, одежда, обувь, предметы «домашнего» обихода, иногда судовые детали, лыжи и т.д. В числе непосредственных орудий и средств охоты обычны луки со стрелами, сети-обметы, обязательно присутствовали топоры и ножи для охоты на крупную дичь. Для самозащиты были пищали винтовые и гладкие, а также эвенкийские аткасы и якутские пальмы – ножи, насаженные на дровки. Для рыб-

ной ловли промышленники брали различные сети – неводные, пушальницы (специальные сети для ловли сиговых), мережи (рыболовная снасть конусообразной формы, состоящая из сети, натянутой на обручи), а также уды стерляжьих, блесны медные и оловянные. В промышленный завод входила отравляющая для крупных хищников – чилибуха (цилибуха) и сулема, а также рогатины, кукяки (своеобразные латы).

Существовало два основных способа охоты на соболя: первый – отыскание, преследование зверя (с собакой или без собаки) и поражение его из лука, ружья или поимка сетью-обметом, сеткой-рукавчиком; второй – добыча соболя различными самоловными орудиями, стационарными или переносными (кулемами, луками-самострелами, капканами и т.п.). До середины XVII в. среди русских охотников примерно в равной степени получили распространение оба способа, после преобладала охота самоловными орудиями.

Основным самоловным орудием являлась кулема, представлявшая собой ловушку в виде изгородки из сложной системы колышков, стоящих посередине двух бревен. Соболю, потянувшись к приманке, обрушивается на себя бревно, настороженное на входе в кулему. Кулема обычно изготавливалась на месте при помощи ножа и топора. При использовании кулем охота представляла собой проверку промышленником ловушек, расставленных на своем участке. Этот участок назывался ухожьем, и по норме на нем у промышленника должно было быть около 60 кулем. Два или три ухожья составляли стан. Таких станом промышленники делали около 25 за сезон. Все кулемы осматривались четыре раза, если не попадался зверек.

Несмотря на значительные объемы добычи пушнины, в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. меховая промышленность не получила развития. Русским промышленникам, продававшим практически всю добытую пушнину, не было смысла отдавать ее в переработку: выигрывая на продаже готовых изделий, они несли равные затраты, оплачивая труд скорняков.

Высококвалифицированные ремесленники также не желали ехать в Сибирь, так как единственное преимущество – возможность, сочетать промысел, торговлю и меховую промышленность – предоставлялось в ограниченных пределах досуга между промысловыми сезонами и подготовкой к ним.

Однако навыками первичной обработки, правки и разделки пушнины обладали практически все промысловики. В продажу собольи шкурки в большинстве случаев поступали разделанными – без пупков (брюшной части – неширокой полосы с мягким и более светлым волосом), иногда без хвостов. Соболем называлась как цельная соболья шкурка, так и шкурка без пупка с хвостом, без пупка и без хвоста или только без хвоста, с лапами и без лап. Хребтовая часть шкурки – без пупка, хвоста, лап и мордки – называлась собольей пластиной. Хребтовая часть лисьих, беличьих и некоторых других шкурок называлась хребтом, брюшная – черевом.

По мнению авторитетного специалиста П.Н. Павлова, исследовавшего пушной промысел, начало расцвета внутренней торговли пушниной относится примерно ко второй четверти XVII в., так как изменилась социально-экономическая жизнь страны, углубилось общественное разделение труда, началась специализация районов, увеличился спрос на пушнину на внешнем рынке. В Европейской России одним из центров пушной торговли являлась Сольвычегодская ярмарка, на которой пушнина преобладала над всеми другими товарами (в 1648 г., по таможенным книгам, на ней было явлено до 20 000 соболей). Кроме Сольвычегодска, активно торговали пушниной на ярмарках в Устюге Великом (в 1647 г. продали 11 551 соболей), Благовещенске на Ваге, Москве, под Брянском (Свенская) и Нижнем Новгородом (Макарьевская).

В Сибири до 40-х гг. XVII в. самым крупным пушным рынком в Сибири был Мангазейский (Туруханский) с ежегодным товарооборотом в 1620–1630-е гг. свыше 20 000 шкурок. Чуть позже лидирующее место занял Якутск. Например, в 1643 г.

на якутских торгах в продаже было свыше 38 000 соболей. По несколько тысяч соболей продавали и покупали в Нижне-Вилюйске, Жиганске, Илимске на рр. Оленеке, Индигирке и Колыме. В конце XVII в. значительными центрами пушной торговли стали Иркутск и Нерчинск.

Торговля пушниной со странами Европы преимущественно осуществлялась через Архангельск. Через Астрахань русские купцы вели оживленную торговлю пушниной с Ираном и Турцией. Необыкновенно емким рынком для русской пушнины стал Китай, поставлявший в обмен ходовые в России товары, главным образом различные ткани.

Вследствие активной деятельности русских промышленных людей происходило снижение количества соболя во всех промысловых районах Сибири. В Западной Сибири соболь начал исчезать в первой половине XVII в. В 1670-е гг. отмечается падение соболиных промыслов на р. Енисее, а в 1680-е гг. – на р. Лене.

Для сохранения поголовья соболя правительство вводило запреты на охоту в некоторых уездах или в пределах отдельно взятой речной системы. Так, в 1650 г. запретили русский соболиный промысел в Кетском уезде. В 1656 г. заповедными районами были объявлены притоки р. Ангара – рр. Рыбная, Чадобец, Ката и Кова. В 1678 г. в Якутии русский промысел запрещался в ясачных угодьях по рр. Лена, Витим, Пеледуй, Олекма, Мая, Алдан, Учур, Тонтора. В 1684 г. правительство запретило охоту на соболей в уездах, входивших в Енисейский разряд и в Якутию. Однако в силу отдаленности Сибири и относительной слабости местных властей указы правительства не всегда последовательно осуществлялись на местах.

Помимо соболей, с самого начала колонизации Сибири промысловики охотились на всех пушных зверей. В 20-е гг. XVII в. добыча бобров достигла максимального показателя, затем вследствие сокращения поголовья бобров в 1640-1670-е гг. она упала. Только в последние десятилетия XVII в. в связи с

падением соболиного промысла русские стали усиленно добывать бобров сверх их естественного прироста. С 1620-х гг. увеличился объем промысла лисиц в Западной Сибири, в Восточной же Сибири промысел лисиц был незначителен вплоть до 1680-х гг. Также в Западной и Восточной Сибири вплоть до начала XVIII в. не получил развитие промысел белок. Стоит особо отметить песцовый промысел, который в конце XVII в. быстро вышел на первое место и размещался преимущественно на севере Восточной Сибири. В конце XVII в. в ограниченных размерах получил распространение промысел горностаев, росомах, выдр, куниц, рысей, волков, зайцев, медведей.

Значимость сибирского пушного промысла для экономики России проявлялась в том, что в 1640–1650-х гг. не менее 20 %, а в 1660–1680-х гг. не менее 10 % доходной части государственного бюджета приносила продажа мягкой рухляди. Промысел пушнины играл большую роль в русской колонизации Сибири. В первой трети XVII в., по подсчетам П.Н. Павлова, каждый третий русский занимался пушным промыслом. Он способствовал основанию в некотором отдалении от первых острогов укрепленных зимовий. Промышленники первыми разведывали новые пути проникновения в Сибирь. В целом, пушной промысел способствовал хозяйственной интеграции Сибири в российскую экономику.

В силу специфических условий начала колонизации в Сибири наблюдались постоянные перебои с «сошными запасами», и нередко основным продуктом рациона русских людей становилась рыба. В Сибири были распространены следующие сорта рыбы: севрюга, осетр, стерлядь, сиг, семга, горбуша, нельма, таймень, форель, язь, омуль, налим, окунь, щука, карась, сазан и др. Наиболее благоприятные условия складывались для русских, проживавших по берегам р. Оби и ее притоков, в низовьях рр. Таза, Хеты, Хатанги, на Енисее, Вилюе, Яне, Колыме, Индигирке, Анадыре, Амуре, Байкале.

Рыбу ловили «про свой обиход» и на продажу. В первом случае всегда, а часто и во втором случае рыболовство для русского человека было дополнительным занятием. Стоит отметить, что товарность рыбного промысла в Западной Сибири была значительно выше, чем в Восточной. Наибольшее развитие рыбный промысел получил в районах, расположенных на путях передвижения промышленных людей, либо там, где собиралось много приезжего люда. Скопление значительного количества промышленных людей, отправляющихся на промыслы, резко повышало спрос на сушеную и соленую рыбу, являвшуюся источником питания самих промышленников и единственным кормом для их собак.

Центрами рыбного промысла стали Тобольск и Мангазея. В Тобольске существовало специальное «рыбное торжище», расположенное в нижнем городе около пристани. На тобольском рынке XVII в. продавалась свежая, соленая, прасольная, сушеная и мороженая рыба. В основном в Тобольске рыбной торговлей в период 1639–1703 гг. занимались посадские люди. Причем в 1698 г. 156 человек добывали средства к жизни исключительно рыболовством. По утверждению специалиста по сибирской торговле О.Н. Вилкова (1922–2005), по стоимости приобретенной на тобольском рынке рыбы на долю жителей Сибири приходилось 38 % (385 руб.), а на долю жителей Европейской России – 62 % (626 руб.). Следовательно, рыбная торговля в Тобольске имела общероссийские масштабы. В общем торговом обороте Тобольска на рыбный промысел в 1703 г. приходилось 3 % (766 руб.) от общего товарооборота.

До 1640-х гг. центром рыбной торговли являлась Мангазея. По данным 1631 г. мангазейской таможи, 3 200 пудов соленой рыбы и 871 беремя (связка) юколы были оценены в 811 рублей. Всего же вместе с рыбой, поступавшей на рынок Туруханского зимовья, таможенные власти зарегистрировали чуть более 5 000 пудов рыбы. В 1652–1657 гг. значительная часть промышленников, уходивших на промыслы из Туруханского

зимовья в низовья р. Енисея, указывала рыбную ловлю своим исключительным занятием.

Рыбу добывали на протяжении всего года, однако главными промысловыми сезонами считались весна и осень. Важно подчеркнуть, что уже в XVII в. получила широкое распространение уходящая своими корнями в древность практика закрепления специальными знаками или затесями рыболовных угодий за отдельными лицами, поэтому обычно при переписи угодий отмечалось, что они находятся в чьем-то владении.

В Сибири наблюдалось многообразие орудий и способов лова рыбы. Сети преимущественно использовались в поймах рек во время весеннего разлива, так называемого «сорового промысла». «Сора» – обширные надлуговые водные пространства, богатые кормами для рыб. При уходе воды после весеннего половодья рыбаки переключались на ловлю заграждениями и ловушками – «запорами», «чайдаулами», «рыболовными суганами», «мордами», чимгами и «ставными сетями». Затем до осени главным способом лова оставался неводный лов. Самой распространенной среди простых способов рыболовства являлась ловля удой, реже рыбу ловили с помощью остроги или лука. Зимой получал распространение промысел осетров и стерляди в «юровых» местах (ямы, быстрины). В лове участвовали от 7 до 15 человек, которые на определенном участке льда устраивали большие ряды прорубей и опускали туда самолосы (сети с крюками). Залегшая на дне рыба пугалась и, пытаясь уплыть, зацеплялась за крюки и запутывалась в сети, после чего ее вытаскивали на поверхность. Весной же таким способом добывали рыбу, которая выходила подышать к проруби.

В отличие от пушного промысла, рыбный не привел в XVII в. к оскудению рыбных запасов. Русский рыбный промысел не создавал угрозы давнему рыболовству местного населения. Более того, в ходе рыбного промысла зарождались тесные контакты с представителями автохтонного населения. Так, в Сиби-

ри широкое распространение получило сушение или вяление рыбы, сравнительно мало применяемое в европейской части России. У местного населения были заимствованы способы заготовки и названия рыбы: юкола – вяленая рыба с костями (цельную рыбу распластывали и вялили на солнце); юрок – рыба, вяленная без костей; порса – сушеная мелкая рыбка (сушили кусками вместе с икрой, употребляли в постные дни). У «сибирских инородцев» русские переняли такое кушанье, как «варка» – брюшки белой рыбы, сильно разваренные в котле с рыбьим жиром до образования коричневой хрустящей массы, которую можно было долго хранить в оленьих пузырях. У них же был заимствован и способ заквашивания рыбы – ее закладывали в яму без соли и квасили.

§ 4. Земледелие в Сибири

Особая роль в конце XVI – начале XVIII вв. в хозяйственной колонизации Сибири отводилась земледелию.

Первоначально большая часть хлеба завозилась в Сибирь в виде поставки черносошными крестьянами «сошных запасов» из районов Перми, Соли Камской, Кайгородка, Вятки, Устюга, Чердыни. Этот хлеб регулярно доставлялся в Сибирь вплоть до 80-х гг. XVII в.

Организация сибирской пашни являлась необходимым условием динамичного развития региона и его прочного включения в состав Российского государства. Правительство с самого начала колонизации нового края было заинтересовано в существовании хлебопроизводящих районов Сибири. Например, в наказе князю А. Елецкому о строительстве города Тары неперемennым условием выбора места является «где бы государю было впредь прибыльнее, чтоб пашню завести». Тем не менее до первой четверти XVII в. первые поселенцы в Сибири находились на грани голода.

Быстрой организации местной пашни способствовал ряд факторов. Первый фактор – это повышенный спрос на хлеб

из-за состава пришедших в Сибирь русских. В основном это были служилые и промышленные люди, которые изначально не являлись производителями хлеба, а только его потребляли. К тому же у коренного населения, за исключением некоторых районов Западной Сибири, земледелие было развито в тех размерах, в каких оно было доступно кочевникам. Слабое развитие коммуникаций являлось вторым фактором хозяйственного освоения Сибири. Хотя Западная и Восточная Сибирь в указанный период большей частью вошли в состав Российского государства, но многие районы оставались *terra incognita* даже для местных воевод. На протяжении всего XVII в. основными транспортными артериями оставались речные пути. Используя только речные пути, было невозможно эффективно решить проблему перевозки грузов на дальние расстояния, от районов сельскохозяйственного производства центральной части Российского государства до Сибири. Удаленность Сибири от территории Европейской России определяла дороговизну доставки хлеба за Урал. Следовательно, московское правительство хотело минимизировать расходы путем создания хлебопроизводящих районов в Сибири. Третий фактор заключался в том, что в основе пищевого рациона русских людей лежала хлебно-мучная основа, от которой они не хотели отказываться в новых сибирских условиях. Переход на другие виды продуктов сопровождался частыми болезнями среди русского населения Сибири. Правда, при взаимодействии с коренными сибирскими жителями русские начали употреблять в пищу лук-бодун, сарану, кипрей, колбу – черемшу.

С начала присоединения земель за Уралом государство стремилось завести в Сибири государеву десятинную пашню. Вся сибирская земля объявлялась собственностью правительства, но она предоставлялась для пользования крестьян при условии обработки государевой десятины. В наиболее чистом виде государева пашня выделялась особым полем, которое обрабатывали пашенные крестьяне, получавшие за это земли

«собинной» пашни. Очень часто государева десятина непосредственно присоединялась к «собинной» запашке.

Основной трудностью для государства в деле заведения сибирской пашни являлось отсутствие крестьянского населения. Вопрос о создании местной пашни представлялся настолько важным, что нарушалась общегосударственная практика прикрепления крестьянина, к месту жительства, и правительство уже в XVI в. предлагало местной администрации призывать в Сибирь «охочих людей от отца сына, и от брата брата, и от сусед суседов». Основную массу крестьян, работавших на сибирской государственной пашне, составляли переселенцы, пришедшие в Сибирь по собственной инициативе. Попытки в конце XVI – начале XVII вв. сформировать крестьянское население в Сибири путем ссылки и перевода его из европейской части страны не имели успеха.

Стоит отметить, что центральное правительство и местные администраторы «сажали» «ясачных инородцев», в основном татар, на десятинную пашню. В грамоте от 1596 г. в Пелым пишется следующее: «Били нам челом Пелымского города Тоборинские волости пашенные татарове Баюраско князь Ларииков и во всех тоборинских мурз, и татар, и вогулич место, а сказали: пашут де они на нас пашню в Тоборех, и положена де на них наша пашня не в силу». Данный способ возделывания государственной пашни оказался на практике крайне неэффективным, так как коренные жители Сибири плохо представляли себе основы русского земледелия и не справлялись с теми объемами, которые определялись царскими наказами. Нередко в их ранних челобитных звучали просьбы отменить пашенную повинность.

В 1618 г. с просьбой освободить их от государственной пашни обратились вогулы таборинской волости. В их просьбе проявляются интересные особенности организации государственной десятинной пашни среди автохтонного населения. Например, к работе по возделыванию десятинной пашни уже привлекали

вогулов, имевших опыт подобных занятий: «и поймали у нас сирот твоих наши особенные пашнишки в твою государеву пашню, которые пашнишки пахали мы сироты твои на себя до Пельмского города лет за 40 и за 50, и нас сироты твоих тех пашен заставил пахать на тебя на государя». Вторым интересным замечанием является упоминание о приходе русских людей для работы на десятинной пашне: «по твоему государеву указу на твою государеву пашню в Таборех поселились русские люди пашенные крестьяне; и которые, государь, в Таборех были наши пашенные угодишки и сенные покосы, и всякие угодишка отошли от нас сирот твоих русским людям». Исходя из данного сообщения, можно заключить, что постепенно наблюдается замена на государевой пашне инородцев русскими крестьянами, которые владели более передовыми приемами и навыками ведения сельского хозяйства.

Большинство челобитных, описывающих тяжесть ведения десятинной пашни, исходит от инородцев Пельмского уезда. Скорее всего, именно по его территории проходила северная граница сибирского земледелия. На пельмском подгородном участке урожая были крайне низкие – сам-2, сам-3. Ведение сельского хозяйства в экстремальных условиях определило появление значительного числа просьб местного населения о сложении с себя обязанностей, связанных с работами на государевой десятинной пашне. Фактически отсутствуют жалобы от местного населения, занимающегося сельскохозяйственными работами, из сибирских уездов, которые находились южнее Пельмского уезда. Еще до появления здесь русских местные татары занимались земледелием, у некоторых групп были распространены сохи и серпы, они пахали преимущественно «наездом» и выращивали скороспелые культуры – ячмень, полбу, овес. В отписке тарского воеводы А. Воейкова в Москву от 4 сентября 1598 г. говорится: «... пошел Кучюм царь с Черных вод на Обь реку... где у него хлеб сеян». Поэтому татары смогли более быстро перенять земледельческие навыки русских, и

работы на государевой пашне не являлись для них настолько тяжелыми, как для коренных жителей Пелымского уезда.

В дальнейшем на протяжении всего XVII в. ввиду принудительных мер правительства, повседневных контактов с русскими крестьянами, развития торговли и постепенного разорения скотоводческого хозяйства набирала силу тенденция к распространению земледелия среди «сибирских инородцев». Уже в 20-х гг. XVII в. в Пелымском уезде насчитывалось 70–75 «пашенных вогуличей», а к концу XVII в. в Пелымском уезде запашка татар и вогулов составляла 1 354 десятины, что являлось 5 % от общей площади обрабатываемых земель в уезде. К концу XVII в. в Западной Сибири среди коренных народов земледелие получило наибольшее распространение у тюменских, тобольских и тарских татар, туринских «вогулов». Тем не менее основными занятиями коренного населения были скотоводство, охота и собирательство.

Следует отметить, что в становлении сибирского земледелия особую роль сыграли служилые люди. Им полагалось хлебное жалованье, которое доставлялось из центра. Но в силу разного рода обстоятельств имели место перебои поступления хлеба в Сибирь. Например, в 1610–1611 гг. хлеб совсем не поступал в Верхотурье. Следовательно, многие служилые люди заводили в Сибири собственную пашню. К концу первой четверти XVII в. служилая земледельческая колонизация достигла значительных размеров. Например, согласно документам Сибирского приказа, в 1624 г. в Тарском уезде служилые люди имели 30 деревень и починков, 6 займищ и 77 наезжих пашен. По Тобольскому разряду к 1700 г. 22 % служили не за оклад, а с пашни. В Томском уезде в это время пашню имело 40 % служилых людей. Активно занимались обработкой земли «новокрещены». Так, в конце первой четверти XVII в. из 31 «новокрещена», состоявшего на службе в Тобольске, 7 (22,5 %) имели свою пашню. Это свидетельствует об активном вхождении служилых инородцев в состав формирующегося сибир-

ского сообщества, выражавшегося в заимствовании основных хозяйственных навыков у русских.

Посадское население также активно занималось земледелием. Так, в Тобольске в 1624 г. 44,4 % посадских людей имели пашню. В Томске в начале XVIII в. почти все посадское население занималось земледелием, а по Енисейскому району 30 % посадских людей имели пашню.

Кроме служилых людей, земледельческой колонизацией занимались и сибирские монастыри. С основанием новых монастырей появлялись земли, отводившиеся для хозяйственных нужд. На этих землях селились приписанные к монастырю крестьяне, которые занимались их обработкой. С конца XVI в., несмотря на противодействие со стороны государства, монастырское землевладение только расширялось, и к концу XVII в. монастыри Сибири имели под пашней около 9 тыс. десятин, или 9 % всей пашни края, на которой, по подсчетам Л.П. Шорохова, были заняты 13 % крестьян. Примерно такое же соотношение между крестьянами светских и церковных феодалов наблюдалось на территории Европейской России в этот период.

Как уже говорилось выше, первоначальная инициатива заведения пашни исходила от государства. Сибирский приказ рекомендовал воеводам, направляемым в Сибирь, приложить все усилия для создания земледелия в городах и подведомственном уезде. Воеводская администрация должна была определять пригодные для земледельцев места, составлять их описание, выделять лучшие десятинные участки для государева поля, проводить пробные опытные посевы. Строго запрещалось использовать ясачные угодья как участки для ведения земледелия.

В Западной Сибири поля обычно разбивали на хорошо освещенных полянах, расположенных недалеко от источников воды. В Восточной Сибири участок выбирали более тщательно, обращая повышенное внимание на рельеф местности, лесистость и качество почв. Обычно на выбранных участках перед

началом их разработки сеяли пробные посевы «для опыта». Если снятый урожай расценивался как приемлемый, то участок тщательно расчищался от кустарников и деревьев, и на нем начинали появляться постоянные посевы. Но часто случилось так, что опыты давали отрицательные результаты.

С конца XVI по начало XVIII в. орудия труда, привезенные в Сибирь из Европейской России, остались почти неизменными. В сохранившихся письменных источниках называются сохи, бороны, серпы, косы-горбуши, ральники-сошники, топоры как основные орудия первых сибирских земледельцев. Центром изготовления сельскохозяйственных орудий являлся Тобольск, куда правительство обязывало воевод северных русских уездов доставлять железо и уклад для производства сошников, кос, серпов силами местных кузнецов.

При первоначальной подготовке участка активно использовали топор. Им вырубались кустарники и деревья, выкорчевывались корни и пни. Для вспашки земли использовалась деревянная соха с двумя железными сошниками. С одинаковым успехом это универсальное орудие использовали как для подъема почвы на вновь осваиваемом участке, так и для обработки уже освоенных «мягких» пахотных земель. Для разбивки крупных комков земли русские земледельцы использовали примитивную борону-суковатину. Когда оставались только мелкие комки, то в ход вступала «вязанная борона». Она представляла собой деревянную раму с несколькими рядами коротких зубьев, укрепленных на ней под прямым или острым углом к поверхности почвы. Также использовалась «рамочная» борона, в которой рама состояла из взаимно пересекающихся брусьев. В местах пересечения брусьев просверливались отверстия, куда вколачивались зубья. Хлеб сеяли вручную, без использования каких-либо приспособлений. Для уборки хлеба использовали серпы. Убранные колосья собирали в снопы и суслоны, которые зимой перевозили в гумна и овины для последующей просушки и обмолота. Хлеб молотили деревянными цепями. Траву косили косами-горбушами.

В XVII в. распространение земледелия шло с запада на восток в южной части таежной зоны с частичным захватом лесостепи. Рельеф местности, наличие лесного покрова, особенности метеорологических условий предопределили существование в Сибири разнообразных систем земледелия. В Верхотурско-Тобольском районе, где зародилось сибирское земледелие, вначале господствовала переложная система полеводства и только к середине XVIII в. его сменило традиционное для русских деревень Европейской России трехполье, в остальных же районах перелог и подсека являлись господствующими системами земледелия вплоть до XX в. Подготовленные к хлебопашеству участки земли использовались земледельцами без применения органических удобрений в течение 8–10 лет ежегодно до полного истощения земли, затем они забрасывались на 20–30 лет для восстановления плодородия. Унавоживание земель в Сибири применялось очень редко.

С истощением полей в основном боролись на государственной десятинной пашне путем их унавоживания и введения трехполья. На собственной же пашне земледельцы применяли трехполье весьма редко. Они предпочитали бросать в залежь непаханные участки для длительного отдыха и восстановления плодородия, пускать в обработку вновь поднятые земли. Зачастую вблизи селения отсутствовали нужные сибирскому крестьянину свободные земли и ему приходилось отыскивать участки на значительном расстоянии от поселения. Эти земли он закреплял за собой и первое время пахал их «наездом», приезжая только для посева и уборки урожая. Постепенно на месте этих участков появлялись однодворные деревни.

В Восточной Сибири природные условия еще в большей степени повлияли на выбор системы земледелия. К тому же для успешного ведения земледелия здесь очень часто требовались коллективные усилия. В Восточной Сибири применялись подсечная, переложная и залежно-паровая системы земледе-

лия. Значительно чаще, чем в Западной Сибири, в Восточной использовались «гари».

В Восточной Сибири, в отличие от Западной, в силу больших трудностей при первоначальной организации пашни переложная система земледелия претерпела значительные изменения. Присутствовало чередование пара и посева на переложных землях через 4 года после распашки нови, таким образом, формировалась залежно-паровая система земледелия. На большинстве же земель за р. Енисеем существовало двухполье в чистом виде (пар-зерновые). Особенностью Ангаро-Илимо-Ленского края было отсутствие государственной десятины, выделяемой в отдельное поле, она входила в собинные поля пашенных крестьян.

В Восточной Сибири при двухпольной системе земледелия преобладала озимая рожь. Яровые посевы в Восточной Сибири начали активно распространяться только в конце XVII в.

В состав зерновых и технических культур, выращиваемых в Сибири, входили: овес, ячмень, пшеница, горох, гречиха, просо, конопля. В конце XVII в. появились первые посевы льна. На огородах первые сибиряки выращивали лук, чеснок, морковь, репу, редьку, огурцы, свеклу, брюкву, капусту. Причем огороды держали не только в деревнях, но и в городах.

В разных уголках Сибири в зависимости от природных условий был свой набор зерновых культур. Исключение составляла рожь, которая являлась единственной озимой культурой для всей Сибири. В Западной Сибири наблюдалось примерное равенство между яровыми и озимыми посевами. На яровых государевых десятинах главным образом сеяли овес, на своих полях земледельцы возделывали, помимо овса, ячмень, ярицу, пшеницу, горох, гречиху и просо. В суровых условиях Енисейского края озимые посевы преобладали над яровыми. На Ангаре, Илиме и в Прибайкалье яровые культуры в XVII в. составляли 10–20 % всей площади, занятой под посевами. Из-за короткого лета с ранними заморозками только ячмень сеяли

на р. Лене под Якутском и в Амгинской слободе. Здесь полностью отсутствовали озимые посевы. В Витимской, Поледуйской и Олекминской деревнях преобладала озимая рожь. Овес высевали в незначительных количествах.

Урожайность в сибирских полях была неустойчивой. Она менялась в зависимости от района посева, качества почвы и степени ее истощения, норм высева и качества зерна, природных условий. Годы относительно высоких урожаев сменялись неурожайными. Однако в целом урожайность на собинных участках была выше, чем на государственной десятинной пашне в Сибири.

Достаточно точно можно определить нормы высева зерна на государственную десятинную пашню в Сибири, которая равнялась 2 четям (7 пудам) ржи и 4 четям (14 пудам) овса. Более гибко применялись эти традиционные нормы на собинных пашнях, где меньше зерна сеяли на недавно поднятых пашнях и увеличивали на «мягких», терявших плодородие из-за сорняков. В северных районах сибирского земледелия норма высева значительно превышала эти показатели. Например, в Туринском и Тюменском уездах высевали на 1 десятину ржи до 1,5 чети (4,3 пуда), а в Восточной Сибири ржи – 2 чети (7 пудов) и более.

В целом, урожайность в зерновых в Сибири была значительно выше нежели в Европейской России. Так, в первой половине XVII в. в Европейской России максимальные урожаи для ржи сам-4–5, для овса – сам-3, для ячменя – 4–5. В Западной же Сибири рожь в среднем давала урожай сам-8–10, овес – сам-6–10; в Енисейском уезде рожь – сам-8, овес – сам-5, ячмень – сам-9,5. В Ангаро-Илимо-Ленском районе средние урожаи ржи на невыпаханных землях составляли сам-8, ячменя – сам-4, на истощенных ржи сам-2–3, ячменя сам-1–1,5.

Однако не стоит забывать, что в силу влияния сурового климата, проявлявшегося в морозных зимах, летних засухах, ранних заморозках, градах, и весенних паводках, недороды и

неурожаи являлись спутниками сибирского земледельца. Нередко случались в отдельных районах Сибири голодные годы. Например, в 1612, 1613, 1614 гг. неурожаи случились недалеко от Верхотурья; в 1628–1629 гг. – по Туре, Тагилу и Невье; в 1634–1635 гг. – в Томском уезде; в 1635, 1636, 1637, 1639, 1640, 1641 гг. – в Енисейском уезде.

Сибирское сельское хозяйство не могло существовать без тягловой силы. В основном использовались лошади, хотя в Тюменском уезде предприняли неудачную попытку в качестве тяглого скота использовать быков. Помимо рабочего скота, в хозяйстве русского земледельца были коровы, быки, телята, овцы, свиньи и куры. На этапе зарождения земледелия лошадей покупали у местного населения или у южных кочевников, пригонявших скот на продажу. В тех же районах, где скота совсем не было, его перегоняли издалека, и стоил он очень дорого. Исходя из объема сенокосов земледельцев, можно определить количество скота, которое он мог содержать. Средние размеры сенокосных угодий сибирских крестьян в XVII в. составляли от 50 до 200 копен. Земледелец, снимавший 100 копен сена, мог иметь 2 рабочих лошади, 1 голову конского молодняка, 2 коровы и 1 теленка. Скот удовлетворял потребности семьи хлебопашца в молочно-мясных продуктах, кожах, шерсти, овчинах. Излишки продукции животноводства реализовывались земледельцами на рынке. Уже в первой половине XVII в. поступали в продажу в небольших количествах свиное и говяжье мясо, сало, коровье масло, овчины и кожи.

По справедливому мнению В.И. Шункова (1900–1967), в XVII в. сложилось 5 районов сибирского земледелия – Верхотурско-Тобольский, Томско-Кузнецкий, Енисейский, Ленский и Амурский.

Наиболее благоприятные условия для земледелия были в Верхотурско-Тобольском районе, в котором осела основная масса населения. В его состав входили уезды, к концу XVII в. полностью обеспечивавшие себя хлебом: Верхотурский, Туринский,

Тобольский и Тарский. В конце XVII в. Тарский и Пелымский уезды обеспечивали себя хлебом частично. К началу XVIII в. в Верхотурско-Тобольском районе находилось 75 % всех крестьян-дворохозяев. Здесь наблюдается наиболее ранний отход крестьян от острогов и местностей, прилежащих к путям сообщения. По данным конца XVII в., 5 742 крестьянских двора возделывали в этом районе 15 000 десятин в одном поле (12 600 – «собинной» пашни, 2 300 – государевой десятины. Общая запашка по району (крестьянская, посадская и служилых людей) составляла около 27 000 десятин в одном поле. Примерный валовый сбор по району составлял 2 419 650 пудов. Такой урожаем позволял не только прокормить население района, но и выделить излишки для снабжения других районов Сибири.

Помимо Верхотурско-Тобольского, на территории Западной Сибири находился Томско-Кузнецкий земледельческий район. Здесь пашня в основном заводилась силами «новоприборных служилых людей», а по возможности «которые будет татаровя и остяки пашню пашут и с тех бы татар и остяков ясаку имати не велеть, а велети с них имать хлебом». В наказе воеводам М. Ржевскому и С. Бартеневу от 1606 г. впервые упоминается о существовании пашни в Томске.

Три фактора определили специфику развития земледелия в Томско-Кузнецком районе. Первый – удаленность его территории от центра Российского государства. Второй – Томско-Кузнецкий район располагался в стороне от основных путей движения русских в Сибирь. Третий – пограничное положение района, определявшее постоянную опасность нападения со стороны кочевых племен. Здесь всегда наблюдался острый дефицит рабочих рук на государевой десятинной пашне, несмотря на благоприятные для земледелия климатические условия. С одной стороны, государство решало эту проблему путем перевода крестьян из других районов Российского государства. С другой – источником пополнения томских земледельцев была ссылка.

Ключевой особенностью развития Томско-Кузнецкого земледельческого района являлось преобладание пашни служилого и посадского населения над крестьянской запашкой. Причем здесь, в отличие от других районов, жители посада и служилые люди имели пашню обычного крестьянского размера.

К началу XVIII в. в Томско-Кузнецком земледельческом районе насчитывалось 644 крестьянских семьи. Общая запашка в это время достигала 4 600 десятин в одном поле, а общая величина хлебного сбора примерно равнялась 412 920 пудов. Это позволило более развитой части района – Томскому уезду полностью удовлетворить потребность в хлебе, но Кузнецкий уезд так и остался в течение всего века потребляющим районом.

В отличие от Томско-Кузнецкого, Енисейский земледельческий район располагался в районе основной транспортной сибирской магистрали. Земледельческие поселения возникли по р. Енисею от с. Ворогова до Красноярска и по р. Верхней Тунгуске

, р. Ангаре и р. Илимю. В его состав входили Енисейский, Красноярский, Илимский, Братский и Иркутский уезды. Здесь первые земледельцы распахивали земли в долинах рек, не углубляясь в таежные дебри и горы. Первые опыты земледелия здесь относятся к 1620–1630-м гг., однако значительное развитие земледелия на Енисее получило с 1640-х гг.

К началу XVIII в. здесь было 1 918 крестьянских дворов с населением примерно в 5 730 душ мужского пола. Не менее 7 500 десятин в одном поле по району составляли крестьянская и посадская запашка. Валовый сбор примерно составлял 681 750 пудов. Это давало возможность прокормить население и выделить часть хлеба для отправки за пределы района.

К 1630–1640-м гг. относятся первые попытки русских завести земледелие в бассейне р. Лены. Основные земледельческие поселения располагались от верховьев р. Лены и до Якутска, большая часть их находилась к югу от Киренского острога. В течение всего XVII в. и позднее в основном хлеб

в Якутское воеводство завозили из других районов Сибири. Особенностью района являлось то, что до прихода русских здесь не было никаких зачатков земледелия. Во многом это обусловили неблагоприятные природные условия края. Правительство, пытаясь здесь утвердить земледелие, усиленно использовало ссылку и поверстание на пашню «промышленных» людей. Значительно слабее, нежели в Верхотурско-Тобольском и Енисейском районах, здесь было участие в организации земледелия посадских и служилых людей. В бассейне р. Лены занимались земледелием около 600 дворохозяев, которые засевали около 2 575 десятин.

В самом отдаленном районе сибирского земледелия – Амурском – к моменту прихода русских прекратило свое существование дауро-дючерское земледелие. Однако русские земледельцы смогли достаточно быстро его возродить. Земледельцы двигались от Енисейска через Байкал, Забайкалье и на р. Амур. В основном пашни появлялись на пути Иркутск – верховья р. Амура. Центром русского земледелия здесь являлся Албазин. От Албазина земледелие продвигалось и далее на восток, достигнув района впадения р. Зеи в р. Амур. В этом районе небольшие «заимки», деревни и слободы были разбросаны вдоль рек на значительном расстоянии от острогов. Отдаленности района и дефицит людских ресурсов предопределили более низкие количественные показатели земледелия по сравнению с Верхотурско-Тобольским и Енисейским районами. Здесь насчитывалось чуть более 500 дворохозяев-хлебопашцев, засевавших около 2 000 десятин.

Для оценки значения роли земледелия в хозяйственной жизни русского населения Сибири принципиальную важность имеют вопросы о площади засеваемых земель и объемах собираемой с них хлебной продукции.

В конце XVI – начале XVIII вв. более или менее точному учету подлежали посевные площади, отведенные под госу-

дареву десятинную пашню, об объемах же частной запашки можно судить только по косвенным данным. До 1620-х гг. в Сибири не проводилось общего поуездного учета количества распаханых и занятых посевами земель. Впервые «дозорные книги» начали составлять при Тобольском воеводе Ю.Я. Сулешеве в Верхотурско-Тобольском районе. В этих книгах фиксировались земли, отведенные не только под государеву десятинную пашню, но и под частную запашку. На основе данных этих книг можно сказать, что в первой четверти XVII в. в Верхотурско-Тобольском районе под посевами было занято около 4 400 десятин в поле, из них казенная запашка составляла 580 десятин в поле. В трех же полях вместе с озимыми и яровыми засеянная площадь равнялась 8 000 десятин.

К середине XVII в. русские засевали 9 682 десятины, из которых под государеву и монастырскую пашню было отведено 1 405 десятин. При этом на долю Верхотурско-Тобольского района приходилось 6 300 десятин посевов, в бассейне Томи возделывалась 1 181 десятина, в бассейне р. Енисея – 1 132 десятины.

К концу XVII – началу XVIII вв., согласно подсчетам В.И. Шункова, площадь посевов составляла 43 548 десятин в поле. Из них в Западной Сибири посевная площадь составляла 31 473 десятины в поле, а в Восточной – 12 075 десятин. Под государевой десятинной пашней находилась 3 581 десятина в поле. С учетом земель, занятых яровыми культурами, и паровых земель, подготовленных под посев, общая площадь обработанной русскими пахарями земли в Сибири может достигать 100–120 тысяч десятин, на которых работали две третьих русского населения Сибири. В нижеприведенной таблице отражены размеры посевных площадей, средняя урожайность с десятины и объемы валового сбора зерна в конце XVII – начале XVIII вв.

Территория	Посевная площадь сибирской пашни (десятины)	Средняя урожайность с десятины (в пудах)	Валовый сбор зерна (в пудах)
Уезды Тобольского разряда	26 873	90	2 419 650
Уезды Томского разряда	4 600	89,7	412 920
Всего по Западной Сибири	31 473	90	2 832 570
Уезды Красноярский и Енисейский	7 500	90,9	681 750
Бассейн Лены, Забайкалье и Приамурье	4 575	88,5	405 000
Всего по Восточной Сибири	12 075	90	1 086 750
Всего по Сибири	43 548	90	3 919 320

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что в результате значительных трудовых усилий русских крестьян и коренных жителей к концу XVII в. удалось создать особую земледельческую систему, функционировавшую в экстремальных климатических условиях и способную обеспечить хлебом все население Сибири. В 1685 г. были отменены обязательные поставки продовольствия из Европейской России за Урал.

§ 5. Сибирские ремесла

К концу первой четверти XVII в. происходит зарождение ремесла на территории Сибири. Первоначально сибирские города заселялись приезжими ремесленниками. Следует отметить, что в первые годы колонизации Сибири ощущался острый дефицит хлеба, который вынуждал переехавших ремесленников заниматься больше земледелием, чем ремеслом. Приезжие ремесленники передавали свои навыки как жителям русских острогов, так и представителям местного населения.

В результате этих контактов коренные жители перенимали ремесленные навыки русского населения, тем самым не отвергая более передовых достижений колонистов.

Сибирские города, по мнению О.Н. Вилкова, прошли три ступени в своем развитии. Сначала они возникали как военно-административные пункты, затем становились торговыми центрами, и только потом там получали развитие ремесленное производство, промыслы и товарное сельское хозяйство. Следует отметить, что не все города последовательно прошли эти ступени, поэтому центрами ремесла в Западной Сибири стали Тобольск, Тюмень, Верхотурье, Енисейск, Томск, в Восточной – Илимск, Нерчинск, Иркутск.

Сибирские ремесла по типам обрабатываемого сырья условно можно разделить на три группы:

- 1) ремесла, направленные на переработку растительного сырья;
- 2) ремесла, направленные на переработку животного сырья;
- 3) ремесла, направленные на переработку минерального сырья.

Большую часть территории Сибири покрывала тайга, поэтому не случайно значительная часть сибирских ремесел была связана с деревообработкой. Важным занятием жителей города являлось строительное дело. До конца XVII в. все постройки в Сибири были исключительно деревянными. Первоначально строительство более или менее крупных сооружений в форме «государевых изделий» было повинностью большей части жителей посада, которые строили постройку либо непосредственно, либо нанимали ремесленников. Многие жители города обладали навыками плотников, однако удельный вес людей, которые занимались исключительно плотницким делом, был невелик.

В силу того что основными транспортными сибирскими магистралями являлись реки, активное развитие получило судостроение. Переброска грузов из одной крупной речной си-

стемы в другую осуществлялась волоком, крупные же суда через волоки не проходили. Следовательно, в каждой крупной речной системе на плотбищах создавался свой речной флот. Наиболее крупными сибирскими плотбищами являлись Верхотурское (Обь-Иртышский бассейн), Енисейское и Есаульское (Енисейский бассейн), Усть-Кутское (Ленский бассейн).

В Сибири строились различные суда. Для перевозки людей строились струги, для хлеба, соли и подобных грузов – дощаники, лодки-набойницы, барки, каюки, лодьи. Для плаваний по морю строили кочи, а позднее боты. Большие же грузы очень часто сплавлялись на плотах. Степень износа судов была очень высокой, а средний срок службы составлял 2–3 года. Основная часть судов сооружалась к началу летней навигации. Средний срок строительства судна равнялся 3–4 месяцам. В Сибири не было недостатка в древесине и смоле, однако гвозди, скобы, холст для парусов, канаты, якоря до середины XVII в. возили из-за Урала.

К концу XVII в. среди посадского населения появляются люди, которые занимались исключительно судостроением. Так, в 1670 г. в Енисейске жили 6 посадских людей специализировавшихся на постройке разных судов.

В конце XVII – начале XVIII вв. только в Верхотурье и в слободах по р. Туре ежегодно строили около 100 судов. В целом же, по всей Сибири ежегодно спускались на воду более 350 крупных судов.

В зависимости от общего направления хозяйственной жизни города в нем преобладали специалисты различных видов деревообработки. Например, в центрах мукомольного производства преобладали ведерники, ситники, рогожники, решетки, а санников, колесников и хомутников было больше в населенных пунктах, специализирующихся на гужевых перевозках.

Развитие сибирского земледелия предопределило появление мукомольной промышленности и ремесленных специаль-

ностей, связанных с переработкой растительного сырья. Недалеко от многих сибирских городов можно было встретить множество водяных мельниц. Одновременно на посаде появляются такие ремесленные специальности, как хлебники, пирожники, баранники, калачники, пряничники.

В Сибири также активно развивались квасоварение и пивоварение. Так, в последней четверти XVII – начале XVIII вв. енисейские посадские Ушаковы владели наиболее крупными предприятиями в этой отрасли. Во второй половине XVII в. в Сибири были построены первые частные винокуренные заводы, например Каменский, вероятно, сооруженный в 1663 г. Правда, они были маломощными. Винокурни размещались в примитивных постройках. Оборудование состояло из нескольких деревянных посудин для сусла и простого перегонного устройства без очистки зелья. По сути, полученное вино являлось самогоном.

Параллельно с развитием судостроения распространяются посева конопли для изготовления пеньки, веревок и тканей. Так, в Ирбитской слободе в 1676–1677 гг. с крестьян собрали на паруса 344 аршина холста.

Во многом тесная связь сибирского города с сельскохозяйственной округой предопределила развитие отраслей, связанных с обработкой продукции животноводства. Среди них особое развитие получает кожевенное производство. Так, в начале XVIII в. отдельные мастерские в Тобольске, Тюмени, Енисейске производили в год по 1 000 кож. О развитии сапожного ремесла говорит тот факт, что уже в XVII в. русские почти не употребляли лаптей и носили в основном кожаную обувь. В документах XVII в., связанных с историей сибирских городов, также часто встречаются скорняки, мясники, мыловары, свечники, портные. Стоит отметить, что в изготовлении одежды наиболее развитой отраслью стало изготовление шапок.

Почти в каждом сибирском городе в XVII в. проживало множество ремесленников, занимавшихся металлообработ-

кой. Конечно же, ведущее место среди мастеров по обработке металлов занимали кузнецы, но в документах того времени встречаются частые упоминания о котельниках, оловянниках, медниках, посудниках, проволочниках и оружейниках.

Неотъемлемой частью посада сибирских городов в XVII – начале XVIII вв. были серебряники – ремесленники, занимавшиеся ювелирным делом, и иконописцы.

В целом, на протяжении XVII – начала XVIII вв. наблюдалась устойчивая тенденция к увеличению ремесленных специальностей и появлению сложных ремесел. Так, в 1669 г. в Енисейске насчитывалось 24 ремесленные специальности, в Томске во второй половине XVII в. – 50, в Тобольске в начале XVIII в. – около 60. Все это свидетельствует о развитии ремесла в Сибири. Однако нужно учитывать тот факт, что в силу рассеянности ремесла и совмещения его с другими занятиями ремесленники в основном работали на заказ, а не на рынок. К тому же ремесленников среди русского населения в начале XVIII в. была значительно меньше, чем крестьян и промышленных людей.

§ 6. Ямская гоньба

Специфическим занятием русских людей в Сибири была ямская гоньба. До начала XVII в. ее как повинность осуществляли ясачные люди. В 1601 г. тюменские татары жаловались: «... служат де они на Тюмени всякие наши сибирские службы зимние и летние, пешие и конные, и отъезжие караулы, и на Тару их посылают, и подводы де у них под нашу казну, и под гонцов емлют». Затем ямскую гоньбу вместо других повинностей начали нести русские. В отличие от Европейской России, сибирские ямщики на Севере достаточно часто использовали вместо лошадей собак.

Довольно быстро, с 1600 по 1603 г., были устроены ямские слободы в Туринске, Тюмени и Верхотурье. В основном

к ней привлекались выходцы из крестьян и посадских, переведенных в Сибирь из северорусских уездов. Громадная протяженность пути и экстремальные природные условия делали ямскую службу за Уралом крайне тяжелой. Однако во многом благодаря усилиям государства к 20-м гг. XVII в. в Западной Сибири сложилась ямская служба.

§ 7. Добывающая промышленность

Помимо ремесел, в XVII в. в Сибири зарождается добывающая промышленность. Первоначально она существовала в форме добычи соли. В то время соль являлась как необходимым компонентом питания, так и важнейшим средством, использовавшимся для сохранения продуктов. Соляное довольствие включалось в жалованье служилым людям. Следовательно, московское правительство с самого начала колонизации Сибири стремилось получать соль на месте путем выварки ее из соляного рассола или путем «ломки» самосадочной соли в соляных озерах.

В конце XVI – первой четверти XVII вв. на территории Западной Сибири в основном получили распространение походы за солью к соляным озерам. Наиболее богатые месторождения самосадочной соли находились у Ямыш-озера. Соль «ломали рычагами... возили тележками на себе, на лошадях и на верблюдах» и грузили в струги. Соль там добывали не только «на государя», но и для себя, затем ее развозили по западносибирским городам.

Однако появление в 1605 г. в районе Ямышевских озер орды черных калмыков (позже Джунгарии) сильно затрудняло солеснабжение Сибири, поэтому походы за солью на Ямыш-озеро превратились в военные экспедиции. Началу добычи соли предшествовала работа по строительству оборонительных сооружений. Иногда экспедиции завершались неудачей. Например, в отписке 1611 г. тобольский воевода И. Катырев-

Ростовский следующим образом объясняет задержку соляного жалованья: «... а с Тары соль по два года не присылована для того, что калмыки озера отняли, а вперед будет соли из Тобольска в города служилым людям на жалованье послати нечего». Тем не менее, несмотря на все трудности, с 20-х гг. XVII в. походы отрядов служилых людей «по соль» стали практически ежегодными, что позволило полностью покрыть потребности западносибирских городов в соли.

Попытки наладить добычу соли путем выварки ее из соляного рассола относятся к 1600 г. Именно тогда на Верхотурье был отправлен соляных дел мастер Ворошил Власьев. Однако вследствие серьезной поломки цренов его промысел завершился неудачей. Сам технологический процесс добычи соли был достаточно сложен для того времени. Соляная варница основывалась рядом с соляным источником. Рассол из источника по специальным трубам поступал в варницу, где в особых ларях делали его суточный запас. В соляной варнице строилась специальная печь с открытым огнем, который необходимо было поддерживать круглосуточно. Над огнем на цепях подвешивали црен, в который наливали соляной раствор. Рассол частями подавали в црен и выпаривали в течение пяти часов. С началом кристаллизации помещение герметично закрывали и оставляли рассол до полной выварки. Затем полученную соль просушивали на специальных настилах. Оборудование соляных варниц состояло из деталей, которые производились в начале XVII в. только в центральной части Российского государства, и любая поломка приводила к длительному простоя производства. К тому же, помимо солеваря, необходимо было ему найти помощников, подварков, дровосеков (для заготовки дров), кузнецов (для починки цренов), и др.

Несмотря на эти все трудности, в 1640-е гг. в Восточной Сибири все же удалось организовать добычу соли из соляного раствора на р. Тасеевой и ее притоке р. Усолке. Здесь предприниматели А. Жилин и И. Соловар основали крупные предпри-

ятия, которые успешно добывали соль с 1639 по 1677 г. Несколько позже здесь начали добычу представители Спасского и Троицкого монастырей, которые впоследствии вытеснили А. Жилина и его партнера. Вместе с предприятиями А. Жилина в удачные годы они добывали около 6 000 пудов соли. Чуть позже русские начали осваивать месторождение в устье р. Куты в Якутии и знаменитый Кемпендяйский источник на р. Вилюе. В 1670-е гг. были устроены варницы под Иркутском, а в конце XVII в. в Забайкалье – под Селенгинском. В результате к началу XVIII в. население Западной и Восточной Сибири полностью смогло обеспечить свои потребности в соли за счет местных ресурсов.

В конце XVI – начале XVIII вв. в Сибири начинаются добыча руд и выплавка металлов. Первые месторождения железной руды в Сибири русские пытались разрабатывать уже в 20-е гг. XVII в. В частности, на территории Западной Сибири следует отметить попытки устройства казенных железных заводов в Туринске (1623), на рр. Нице (1639) и Невье (1670). В Енисейском уезде занимались плавкой железа из болотных руд как крестьяне у города Енисейска, так и крестьяне отдаленной Дубчесской слободы. Чуть позже начали выплавлять железные изделия в Якутском уезде, а в 1686 г. железную руду добыли вблизи самого Якутска. Несмотря на успехе производства железа в Восточной Сибири, в XVII в. наиболее крупные железоделательные предприятия: Ницынский казенный завод, железоделательный завод Далматова монастыря, завод Тумашевых на р. Нейве (производил 1 200 пудов железа в год) – располагались в Западной Сибири.

Особую важность имели экспедиции служилых людей за серебряной рудой, которую Российское государство было вынуждено ввозить из-за рубежа. В 1628 г. первую серебряную руду в Восточной Сибири обнаружили в Енисейском уезде в бассейне р. Тасеевой. В районе р. Серебрянки, недалеко от Нерчинска, в 1689 г. началось строительство одноименного с острогом се-

реброплавильного завода. В 1698 г. начали разрабатывать серебряную жилу на р. Каштаке, на стыке Томского и Красноярского уездов. С 1704 г. Нерчинский завод работал на полную мощность. За период 1705–1713 гг. он выдал 57 пудов серебра.

Помимо месторождений железной и серебряной руды, в ходе специально организованных экспедиций русские люди открывали залежи других полезных ископаемых. В Верхотурском, Тобольском уездах, в Якутии (на Индигирке, Колыме), на р. Улье, впадающей в Охотское море, были найдены залежи горного хрусталя, сердолика, изумрудов, в бассейне рр. Туры и Нейвы обнаружили камень «наждак», на р. Витиме и в районе Байкала – минеральные краски различных цветов, в Верхотурском уезде – строительный камень, на Олекме и в Иркутских степях – селитру, на р. Аргунь – свинец, в Забайкалье и на р. Ангаре – богатые месторождения слюды. Якутские служилые люди даже попытались в 1668 г. наладить на Охотском море жемчужный промысел.

§ 8. Сибирские торги

Важную роль в хозяйственном освоении Сибири сыграла торговля. Стоит отметить, что первые русские поселенцы в Сибири создали разветвленную, достаточно эффективную и прогрессивную для того времени транспортную сеть, включавшую водные (речные, морские) и сухопутные (волоковые, нартные, верховые, караванные, санные и тележные) пути сообщения. При этом главную роль в сибирской транспортной сети конца XVI – начала XVIII вв. играли водно-волоковые пути, сформированные раньше сухопутно-тележных. Только благодаря увеличению населения, развитию промыслов и земледелия со второй половины XVII в. сухопутно-тележные пути начинают играть активную роль в сообщении между населенными пунктами Сибири.

Торговля являлась основным звеном, которое связывало русское население с коренными сибирскими жителями, ино-

странными государствами и Российским государством в целом. Исходя из этого, в сибирской торговле конца XVI – начала XVIII вв. можно выделить три основных направления.

Первое – торговля между метрополией и первыми русскими в Сибири. По свидетельству О.Н. Вилкова, в конце XVI – начале XVIII вв. снабжение Сибири ремесленными изделиями полностью зависело от метрополии. В первые годы в Сибири остро не хватало продуктов ремесленного производства, что и определило структуру ввозимых товаров. В Тобольск ввозились ткани всех видов, разнообразная готовая одежда (шубы, кафтаны, зипуны, однорядки, рубахи, штаны, шапки, чулки, рукавицы и т.д.), обувь (сапоги, коты, башмаки и т.д.), предметы домашнего обихода (сковородки, блюда, тарелки, ложки, солонки и т.д.), галантерея, парфюмерия, предметы культа, канцелярские принадлежности, пряности, фрукты, зерновые и т.д. Основными товарами, которые вывозились на продажу из Сибири за Урал, являлись пушнина и рыба. Ведущей тенденцией развития этого направления торговли являлось постоянное сокращение импортируемых в Сибирь ремесленных товаров. К концу XVII в. полностью прекратились поставки хлеба в Сибирь, так как благодаря успехам сибирского земледелия, потребность в его ввозе отпала.

Вторым направлением была торговля населения Сибири с иностранными купцами. В основном это были купцы из Средней Азии, которые получили наименование бухарцев в русских документах XVII в. В силу дефицита ремесленных изделий в Сибири московское правительство в конце XVI в. было заинтересовано в организации торговли с ними. В царском наказе воеводе Ф. Елецкому и письменному голове В. Хлопову о строительстве города Тары от 10 февраля 1595 г. сообщается, что «которые торговые люди учнут приезжать в новой город на Тару из Бухар и из Ногай со всякими товары и с лошадьми, и з животиною, и у тех торговых людей велети служивым людям всякие товары и лошади, и животину поку-

пати, и береженье к торговым людем, к бухарцом и к ногаем, держати, чтоб их впредь приучити». Из грамоты тюменскому воеводе князю Г. Долгорукому от 1596 г. мы узнаем, что бухарцам и ногайцам был разрешен не только свободный, но и беспошлинный торг «за городом в посаде или за посадом, где будет пригоже» с одним лишь ограничением в отношении заповедных товаров, в состав которых, однако, еще не входили дорогие сибирские меха.

В указанный период торговля с бухарцами развивалась динамично. Правда, в том же 1596 г. московское правительство попыталось ограничить торговлю бухарцев с ханом Кучумом и его сыновьями, но в итоге без восточных товаров остались сибирские города. Учитывая сложившуюся ситуацию, правительство Бориса Годунова постаралось исправить положение и отменило запрет на торговлю бухарцев с детьми хана Кучума. В дальнейшем, несмотря на включение пушнины в число заповедных товаров и взимания пошлины с бухарских купцов, они поддерживали стабильные торговые отношения с русскими. Бухарцы покупали у русских сибирскую пушнину, пока она не стала заповедным товаром, рыбу, предметы, изготавливаемые первыми сибирскими ремесленниками. Обычно среднеазиатские торговые караваны приходили в сибирские города осенью и вели там торг до начала весны. Сначала центр среднеазиатской торговли находился в Тобольске, а затем в 1670-е гг. он переместился в Тару.

С 30-х гг. XVII в. активно развивается русско-китайская торговля. Основными китайскими товарами, ввозимыми в Сибирь, являлись китайки, дабы, камки, лауданы, атласы, бархаты, бумажные кушаки, чай, бадьян. Первоначально центром сибирско-китайской торговли являлся Тобольск, в который караваны с китайскими товарами попадали по Туркестанской дороге через Бухару. Затем основной поток товаров из Поднебесной в Сибирь осуществлялся через Ямышевскую дорогу, открытую Ф. Байковым в 1654–1656 гг. Помимо Тобольска, центром

русско-китайской торговли стал основанный в 1666 г. Селенгинск. Со второй половины XVII в. первенство в торговле с Китаем перешло к основанному в 1653 г. Нерчинску. С 1689 г. после подписания Нерчинского договора торговля с Китаем объявлялась государственной монополией. Каждые два года в Пекин направлялся казенный караван, в который всячески пытались попасть купцы, устраиваясь на разные должности. В начале XVIII в. русские освоили более короткий путь в Китай из Иркутска через Селенгинск и Монголию, который занимал два месяца. В русско-китайской торговле Нерчинск потерял быллой вес, и центр торговли надолго переместился в Иркутск.

Третье направление было представлено внутрисибирской торговлей. В рамках этого направления развивалась торговля между коренными жителями Сибири и пришлым населением и между самими русскими.

В 90-е гг. XVI – первой трети XVII вв. торговля между русскими и «сибирскими инородцами», как и с Китаем, носила исключительно меновой характер. Во многом на это влияла специфика товарооборота между русским населением и «сибирскими инородцами». Русские получали от местных жителей соболиные меха и другую мягкую рухлядь, а взамен отдавали предметы быта – ножи, топоры, одекуй и прочее. Иногда среди коренного населения Сибири встречались случаи торговли людьми. Так, в судной грамоте в Березов от 1601 г. сообщается, что «бил нам челом новокрещен Степан Пуртиев на березовского остяка на Шатрова Лугуева, а сказал, деялось деи в прошлом 103-м году, збежали от него к тому Шатрову 3 жонки полонянки купленные». Русскому же населению Сибири еще в 1598 г. запрещалось иметь у себя пленных из числа коренных жителей, торговать ими или вывозить их на Русь. Этот запрет, естественно, часто нарушался, особенно верхушкой служилых людей.

К первому десятилетию XVII в. торговля между русскими и «сибирскими инородцами» приобрела более организованные

формы. Регулирование торговых отношений полностью перешло в ведение местных властей, которые определяли места для торгов и следили за выполнением государевых указов. Например, в грамоте на Верхотурье С. Годунову от 1606 г. дано четкое указание, что следует разрешить «им (остякам. – А.Х.) с пермичи и с всякими русскими людьми торговать на Верхотурье на нашем гостином дворе, и нашу десятинную пошлину велели с них имати по прежнему нашему указу».

В контексте торговли с местным населением появляется понятие «заповедных товаров», то есть русских предметов торговли, которые запрещалось продавать местному населению. К заповедным товарам относились доспехи, панцири, сабли, ножи, топоры, огнестрельное оружие, порох. Московское правительство не чувствовало уверенности в прочности русской власти в Сибири, так как в конце XVI – первой четверти XVII вв. русских было в несколько раз меньше, чем коренных жителей, а одним из факторов их военного превосходства над сибирскими инородцами являлось наличие огнестрельного оружия.

В конце XVII в. об успехах налаживания торговых связей между русским и коренным населением Сибири свидетельствуют неоднократные заявления последних о том, что они не могли обойтись без русских товаров, особенно хлеба и тканей. К началу XVIII в. коренные жители предпочитали вместо собственного производства орудий труда и охоты покупать более качественные и дешевые изделия русских мастеров. О степени вовлеченности сибирских инородцев в торговые отношения говорит тот факт, что некоторые сибирские татары уже в XVII в. являлись скупщиками-посредниками при продаже русских товаров.

С первыми успехами сибирского земледелия и ремесла во второй половине XVII в. развивается торговля между различными районами Сибири. Безусловно, ведущее место здесь занимала хлебная торговля. По сведениям О.Н. Вилкова, крупней-

шим внутренним хлебным рынком в 1660–1680-е гг. являлся Тобольск. Хлеб на него в основном поступал из поселений, входивших в состав Верхотурско-Тобольского района, затем он расходился по всем уголкам Сибири. В конце XVII в. по объему продаваемого хлеба тобольский рынок значительно превосходил не только сибирские (верхотурский, енисейский, илимский, иркутский, забайкальский), но и поморские (кунгурский, великоустюжский, архангельский) рынки. К концу XVII в. отмечается значительное снижение в структуре ввоза за Урал предметов быта, одежды, обуви, орудий труда. Следовательно, эти предметы производились на месте, и их экспортировали из районов Сибири с развитым ремеслом, в местности, где оно отсутствовало. Например, енисейские кузнецы продавали свою продукцию в Мангазее, Илим и Даурский острог. Таким образом, внутрисибирская торговля продуктами и ремесленными изделиями, произведенными за Уралом, появившись значительно позже остальных направлений товарообмена, стала играть ведущую роль в хозяйственной жизни Сибири.

С момента появления областных рынков активную роль в сибирской торговле начали играть ярмарки. Самой крупной и известной являлась Ирбитская ярмарка, находившаяся в Верхотурском уезде. Сначала на ярмарке торговля велась неофициально, так как в Ирбитской слободе останавливались купцы, желавшие сэкономить на торговых пошлинах и не проходить верхотурскую таможенную. В 1643 г. эту ярмарку открыли на законных основаниях, и к концу XVII в. на ней торговали и совершали покупки тысячи человек. Ярмарка открывалась в январе и собирала торговцев не только из сибирских, поволжских и поморских городов, но и из Москвы. Во многом популярность ярмарке, а следовательно, и росту объемов продаж на ней обеспечило появление со второй половины XVII в. «бухарских» и «китайских» товаров. Все это позволяет говорить, что ирбитская ярмарка являлась одним из центров всероссийского обращения товаров.

Помимо зимней Ирбитской ярмарки, в Сибири существовала и летняя – Ямышевская. Ее своеобразие заключалось в том, что торговцы присоединялись к отправлявшемуся из Тобольска вверх по Иртышу за солью каравану судов. В течение двух-трех недель (в августе) у Ямыш-озера велся торг с приходившими туда калмыками и «бухарцами». Обычно в обратный путь вместе с русскими купцами отправлялась часть среднеазиатских торговцев. На ярмарке русские продавали калмыкам и «бухарцам» высококачественные кожи, сукна, холсты, котлы, блюда, топоры, косы, меха, одежду, иглы, серьги, гребни, деревянную посуду, слюдяные окончины, воск, писчую бумагу, рыбу, осетровый и стерляжий клей, а покупали скот, китайские и бухарские хлопчатобумажные, шелковые, льняные ткани и изделия из них, ремень пряности.

Вследствие развития пушного промысла успешно велись торги на знаменитой Туруханской ярмарке. Там в конце лета встречались шедшие с «Руси» на восток через Мангазею торговцы и промышленники с теми, кто возвращался с промыслов обратно на «Русь». На ней преобладала меновая торговля. Главным товаром являлась пушнина, однако помимо нее продавали сушенную юколу, печень молодых оленей, гусиный и утиный пух, перья, хлеб, бисер, хлопчатобумажные ткани и т.д.

В последней трети XVI – первой четверти XVII вв. в сибирской торговле начинается формирование таможенной системы. Беспощинная торговля в Сибири продолжалась только до первых успехов здесь градостроительства, сельскохозяйственного и промыслового производства. Как только Сибирь оказалась в какой-то мере вовлеченной в орбиту торговли российскими и иностранными товарами, правительство в целях увеличения своих доходов стало вводить в ней таможенную систему. Правомерно говорить, что первые сибирские торговые пошлины появились в промежуток времени между 10 февраля 1595 г. и 31 августа 1596 г.

Государевыми указами определялись места, в которых была разрешена торговля. Так, с 1600–1603 гг. в Верхотурье, Туринске, Тюмени, Тобольске, Таре, Березове, Сургуте, Мангазее появились гостиные дворы, а вместе с ними таможенные избы. Окончательное оформление сибирская таможенная система получила после реформы, проведенной тобольским воеводой Ю.Я. Сулешевым в 1623–1625 гг., в результате которой были введены единые торговые пошлины. В Сибири взимались такие пошлины, как десятинная, проезжая, отъезжая, полозовая, посаженная, явчая, померная, роговая, весчая и др. Сибирские таможенные книги свидетельствуют о том, что система таможенных пошлин, введенная Ю.Я. Сулешевым, просуществовала вплоть до 1686/87 г. Реформирование таможенной системы началось в 1686 г. с унификации мер сыпучих тел. Затем в 1687 г. правительственными наказами были ликвидированы проезжие пошлины (проезжая, отъезжая, полозовая, посаженная). Очередное сокращение числа пошлин пришлось на 1693 г., когда отменили померную, роговую, весчую пошлину. Параллельно была унифицирована работа самой таможенной системы. После 1693 г. число собираемых в Сибири пошлин уменьшилось с 18 до 7, то есть концу XVII в. остались десятая, перекупная, рублевая, двадцатая, пошерстная, поамбарная и записная пошлины. Однако даже после сокращения количества пошлин их уплата была достаточно обременительной для сибирских торговых людей. Размер же сибирских пошлин значительно превышал пошлины, действовавшие в Европейской России.

В конце XVI – начале XVIII вв. на естественно-географической основе зарождается хозяйственная специализация отдельных районов Российского государства. Основным итогом развития сибирской торговли в изучаемый период было включение Сибири в хозяйственный комплекс Российского государства. Однако важно подчеркнуть, что в этот период в сибирской торговле по-прежнему господствовал натуральный товарообмен и по численности людей, занимавшихся исключительно торговлей, было значительно меньше, чем крестьян, промышленных

людей и ремесленников. В свою очередь, во многом благодаря торговле в Сибири укреплялись мирные контакты русского и коренного населения, что положило начало переходу от военно-политического типа взаимодействия с новыми территориями к хозяйственно-торговому освоению.

Следует отметить, что свидетельством тесного хозяйственного сотрудничества явилось заимствование русскими многих элементов одежды у коренного сибирского населения. По справедливому мнению О.Н. Шелегиной, в первую очередь новации в одежде наблюдались в тех местностях, где русские занимались промыслами и торговлей. Например, у хантов, манси и ненцев были заимствованы гусь, малица, парка, треух, а у других сибирских народов – чамбара, яга (доха), ягушка, малахай, ошейник, ожерелок, ичиги, унты, кисы, пимы. Сибиряками XVII в. у аборигенов были заимствованы 22,4 % элементов верхней одежды, 15,8 % элементов головных уборов, 27,5 % элементов обуви. Стиралась черта открытого этнического противопоставления между русским и местным населением, служившая источником внутренней нестабильности. Впоследствии появились одежда и обувь чисто западносибирского «изобретения», использовавшаяся как русским, так и местным населением, что свидетельствовало о начале взаимопереваривания разных этнических культур. К таким «изобретениям» можно отнести шубу с «краганом», фуфайку, стеганец, ишимы, чарки, пимы (меховые). А это свидетельствует о формировании особой материальной культуры у сибиряков как структурообразующей составляющей особого общества.

Итак, хозяйственное освоение Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. прошло ряд этапов. Начали хозяйственное освоение Сибири промышленники, так как основным сибирским богатством являлась пушнина. Вслед за ними на территории Сибири появились служилые люди, посланные правительством для присоединения новых земель. Затем появились земледельцы, чтобы обе-

спечить продовольствием промышленников и служилых людей. В Сибири местное ремесло находилось на стадии зарождения в первой четверти XVII в., поэтому преобладал привоз ремесленных изделий из центральной части Российского государства и других стран, что способствовало развитию торговли. Со второй же половины XVII в. в сибирских городах появляются различные виды ремесел, предпринимаются первые попытки организовать местную добывающую промышленность. В данный период в ходе освоения сложились условия для развития хозяйственной инфраструктуры, которая прочно привязала к Европейской России бескрайние просторы Западной и Восточной Сибири.

В свою очередь, многообразие видов хозяйственной деятельности русского населения оказало существенное влияние на специфику социальной организации сибирского общества конца XVI – начала XVIII вв.

Вопросы для закрепления

1. Из какой части Европейской России в основном шли переселенцы в Сибирь? Какие факторы предопределили доминирование именно этих переселенцев?

2. Почему изменилось соотношение мужского и женского населения в конце XVI – начале XVIII вв.?

3. Какую позицию занимало Российское государство по отношению к русскому пушному промыслу в Сибири?

4. Какую роль играл пушной промысел в русской колонизации Сибири?

5. В чем заключалась специфика рыбного промысла в Сибири?

6. С какими трудностями столкнулись русские при организации земледелия в Сибири?

7. В каких районах Сибири появилось русское земледелие? Какие особенности организации земледелия имели место в каждом районе?

8. Какие основные итоги организации сибирского земледелия вы можете выделить?

9. В чем заключалась специфика ремесленной деятельности за Уралом?

10. Какие отрасли добывающей промышленности получили развитие в Сибири и почему?

11. Какие факторы определили особенности эволюции сибирской торговли в конце XVI – начале XVIII вв.?

12. Каковы основные итоги хозяйственного развития Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.?

Список рекомендуемой литературы

1. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начало XVIII вв. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. С.11–42, 172–292.

2. Бояршинова З.Я. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства феодальной эпохи // Проблемы истории советского общества Сибири: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1970. Вып. 2. С. 75–83.

3. Быконя Г.Ф., Журов Ю.В. Творческий путь сибирского историка (П.Н. Павлов, 1921–1974) // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX–XX вв.): сб. ст. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1976. Вып. 1. С. 153–161.

4. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII века. Новосибирск: Наука, 1990. С. 36–294.

5. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. С. 25–320.

6. Громыко М.М. П.Н. Павлов. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. 410 с. // Известия Сибирского отделения АН СССР: сб. ст. Вып. 1. Новосибирск: Наука, 1974. Серия общественных наук. № 1. С. 125–127.

7. История Сибири с древнейших времён и до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в эпоху феодализма. С. 61–93.

8. История Сибири: учебное пособие. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. С. 121–136.

9. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII веке: земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Наука, 1965. С. 68–249.

10. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982. С. 46–88.

11. Люцидарская А.А. Промышленное развитие города Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1974. С. 60–75.

12. Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М.: Просвещение, 1990. С.73–101, 104–111.

13. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII века. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1972. С. 69–104, 160–346.

14. Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII веке. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1974. С.17–52.

15. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука, 1972. С. 237–288.

16. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1978. С. 109–171.

17. Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1980.

18. Хромых А.С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI – первая четверть XVII века): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2012. С.117–142.

19. Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII – XX вв.): учебное пособие. М.: Логос, 2001. Вып. 1.

20. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири: XVII век. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 36–425.

ГЛАВА V

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

В конце XVI – начале XVIII вв. Российское государство вышло на новый этап социально-экономического развития. Сибирь являлась отдаленной окраиной, поэтому историки-сибиреведы традиционно задавались вопросом: распространились ли за Урал социально-экономические отношения, характерные для Европейской России, или же у них была своя специфика? Попробуем ответить на этот вопрос, проанализировав положение отдельных социальных групп.

§ 1. Промышленные люди

Еще в XVI в. на территорию Сибири началось движение промышленных людей из Европейской России. Промышленными называли людей, которые добывали основные средства к существованию за счет охоты и рыболовства. Большую их часть составляли охотники за соболем. По определению П.Н. Павлова (1921–1974), промышленным человеком был всякий русский, не находившийся на государственной службе и не приписанный в Сибири в качестве тяглового человека к определенному месту, непосредственно участвовавший в промысле в качестве его организатора, рядового охотника или совмещавший личный промысел с эксплуатацией покрученников.

В XVII в. в Сибири промышленный человек был обязан платить десятинный промысловый налог, своеобразное тягло, и разного рода таможенные пошлины, установленные государством.

В процессе формирования постоянного оседлого населения из среды промышленных людей можно выделить два этапа. Первый этап – 20–70-е гг. XVII в. На данном этапе у большей части промышленников сохранялись прочные связи с Европейской Россией. Промышленники представляли собой некий переходный тип между охотником и постоянным жителем Сибири. Но именно в этот период складывались постоянные связи промышленников с определенными районами промысла. Второй этап – 70-е гг. XVII в. – 20-е гг. XVIII в. – характеризовался кризисом соболиного промысла. В это время фактически прекращается «отхожий» промысел поморских промышленников. Следовательно, они теряют непосредственную связь с Европейской Россией и в основной массе оседают в пределах Сибири.

Охота на соболя производилась индивидуально и группами-артелями. Поэтому, по справедливому мнению П.Н. Павлова, при выделении групп среди промышленников целесообразно пользоваться экономическими критериями дифференциации. В Западной Сибири в соболином промысле в изучаемый период преобладали «своеуженники». Своеуженники – это рядовые охотники-промышленники, которые ходили на промысел за свой счет. Помимо своеуженников, в пушном промысле в это время начала появляться такая социальная группа, как «мелкие хозяйчики». Этим термином обозначались своеуженники, имевшие по 2–3 покрученника, с которыми они обычно ходили на промысел и добывавшие личной охотой только треть или менее половины пушнины.

Покрученниками назывались промышленники, снаряженные за чужой счет, обязанные в конце промысла рассчитаться за ужину и отдать долю добычи организатору промысла. Обычно покрученники выходили на просторы Сибири в составе промысловых партий, но нередко были случаи, когда для совместного промысла объединялись и своеуженники. Размер этих промысловых партий мог колебаться от 2 до 40–50 чело-

век. Характерной чертой всякой промысловой партии являлось равное участие каждого промышленника, несмотря на его социальное положение, во всех работах. Участник промысловой партии имел равное право в использовании запасов во время промыслов. Не случайно все промышленники, отправлявшиеся на совместный промысел, независимо от социального положения или родственных отношений назывались товарищами. Однако в конце промысла при дележе добычи покрученник из своей доли $2/3$ отдавал нанимателю, а промышленник, имевший покрученников, получал, кроме своего пая, $2/3$ их пая. Таким образом, для рядового промысловика ужина являлась своеобразным задатком, а получение своего пая – окончательным расчетом. Большие партии покрученников в Западной Сибири не получили распространения. С начала же 30-х гг. XVII в., когда основные районы охоты располагались в Восточной Сибири, большую часть соболя добывали покрученники, находившиеся в зависимости от организатора промысла, что говорит об оформлении устойчивой системы социальных отношений.

Важную роль в развитии сибирского промысла играли крупные промышленники (они приносили 49 % от всей добываемой пушнины). По определению, предложенному П.Н. Павловым, крупным промышленником считался человек, получавший от своих покрученников свыше 201 шкурки соболя. Крупными промышленниками преимущественно являлись представители верхушки купечества. Они в основном постоянно проживали на территории Европейской России. При этом крупные промышленники привлекали для освоения богатств Сибири массу неимущего промышленного люда. Они же, наряду с торговцами, ввозили в Сибирь необходимые для промысла товары. Безусловно, вкладывая значительные средства в сибирский промысел пушнины, в случае удачи они получали громадные прибыли.

Стоит отметить, что крупным промышленникам не удалось полностью прибрать пушной промысел к своим рукам. За мел-

кими и средними промышленниками всегда оставалось первое место в непосредственной добыче пушнины. Причем мелкий промысел не составлял конкуренцию крупному. Мелкие промышленники закупали у крупных промышленников и торговцев продовольствие и снаряжение, продавали им пушнину; обедневшие шли к ним в покрученники.

Важно подчеркнуть тот факт, что очень часто социальное положение промышленного человека зависело от успешности охоты. Ежегодно в зависимости от удачи на промысле или беспромыслицы менялись местами удачливые промышленники, отдельные «мелкие хозяйчики» и крупные промышленники. Следовательно, внутри пестрого по составу контингента промышленных людей грани экономической дифференциации в значительной степени стирались.

В советской историографии существовала дискуссия о социальной сущности промышленных людей. С.В. Бахрушин (1882–1950) и П.Н. Павлов считали их своеобразными наемными рабочими и рассматривали этот факт как проявление капиталистических отношений. В работах М.М. Громыко (р. 1927), Г.Ф. Быкони (р.1941) и Ю.В. Журова (1934–2009) проводится мысль о том, что промышленные люди объединялись на основе простой кооперации, присущей мелкотоварному укладу в рамках феодальных отношений.

Сибирь представляла основной интерес для России благодаря пушным богатствам, поэтому роль промышленных людей не соответствовала их численности. В структуре русского населения Сибири в первой четверти XVII в. промысловики по численности уступали служилым людям (по подсчетам П.Н. Павлова, в 1629 г. 1 800 человек в Западной Сибири, Мангазейском и Енисейском уездах), а во второй половине XVII в. и крестьянам. В Восточной Сибири в 70-е гг. XVII в. было примерно 1 300, а в Западной Сибири около 500 постоянных охотников-промышленников, а к концу XVII в. во всей Сибири занимались промыслом уже свыше 3 000 охотников-

профессионалов. П.Н. Павлов также в число промышленных людей включает промышленников-крестьян, посадских, «промышленных-казаков». Тогда общая численность промышленных людей в конце XVII в. равнялась примерно 6 000, а вместе с семьями – свыше 20 000. Безусловно, промышленные люди сыграли значительную роль в колонизации Сибири, а стоимость их продукции, по подсчетам П.Н. Павлова, более чем в 2 раза превышала результаты труда сибирских крестьян и ремесленников вместе взятых. Особенностью данной категории сибирских людей являлась высокая территориальная, горизонтальная и вертикальная социальная мобильность. Поэтому, в отличие от служилых людей, в это время промышленные люди не оформились в сословную группу, которой были бы присущи определенные права и обязанности, и часто их включали в состав гулящих людей.

§ 2. Служилые люди

Вслед за промышленными людьми активное участие в освоении Сибири приняли служилые люди. Служилые люди в Сибири не представляли собой единого целого ни в имущественном, ни в социальном отношении, так как состояли из ряда переходных, промежуточных слоев и групп.

Представители служилой верхушки – воеводы и письменные головы – занимали наиболее привилегированное положение в сибирском обществе. Нередко на сибирское воеводство отправляли представителей княжеской знати. Например, князь Ф.М. Лобанов-Ростовский был назначен в Тобольск с 1590 г., князь Яков Борятинский – в Сургут с 1601 г., князь И.В. Мосальский-Кольцов – в Тару с 1601 г. Другим источником пополнения состава сибирских воевод были политические ссыльные, которые в силу быстрой смены политической конъюнктуры оказывались неудобными московским правителям. Например, ряд представителей рода Пушкиных оказались в

начале XVII в. на сибирских воеводствах вследствие гонений Бориса Годунова на Романовых и их сторонников.

Распространенной являлась практика назначения носителей высших придворных чинов – князей, бояр, окольников – разрядными воеводами, либо воеводами в крупные города. Большая же часть воевод состояла из стольников и дворян более низких сословных разрядов, для которых служба в качестве городского воеводы была и обычной, и желанной. В XVII в., по подсчетам Е.В. Вершинина, в должности сибирских воевод побывало чуть более 500 человек, из которых 109 обладали княжеским достоинством; к дворцовой знати принадлежал 141 человек (в основном стольники 119 человек), обладателей боярского звания было лишь 19, а окольников всего трое.

Материальное обеспечение воеводы в XVII в. основывалось на трех составляющих: государственном денежном, хлебном и соляном жалованье; доходе от поместья или вотчины; доходах от осуществления управления и судопроизводства. В силу территориальной отдаленности сибирских воевод от родовых имений для них особо важными стали причитающиеся жалованье и льготы. В большинстве случаев жалованье выдавалось в Москве перед отправлением сибирских администраторов на службу. Помимо основного жалованья, воевода получал деньги на подъем. Причем для лиц, отправлявшихся в Сибирь, подъемные деньги намного превышали их оклады. При выдаче данной денежной суммы в первую очередь учитывались дальность поездки к месту назначения и административная должность. В XVII в., по мнению Е.В. Вершинина, на практике жалованье и деньги на подъем сливались воедино. Общее денежное жалованье не было фиксировано, например, якутский воевода Д.А. Францбеков в 1648 г. получил при отправлении в Сибирь 700 руб., а его сменщик И.П. Акинфов в 1651 г. – 200 руб. Также государство оплачивало расходы воевод, связанные с провозом в Сибирь необходимых на время службы запасов из своего по-

местья или вотчины, в которые обычно входили продукты, сукно, одежда и бытовая утварь.

Кроме жалованья, воеводам во время пребывания в Сибири предоставлялись определенные льготы в отношении податей и судебных дел: их вотчины и поместья освобождались от налогов, а на принадлежавших им крестьян и дворовых было «не велено давать суда и управы, опричь татьбы и разбоя с поличным».

Несмотря на значительное денежное содержание и ряд льгот на раннем этапе освоения Сибири, существовала официально запрещенная еще со времен Ивана Грозного практика кормления от дел. О ее существовании говорит царский указ 1620 г., согласно которому все воеводы, бравшие «посулы и поминки» от вверенных им дел и с посадов, подвергались опале и должны были возместить ущерб в двойном размере. Безусловно, к середине XVII в. масштабы взимания кормлений сибирскими администраторами сократились, но окончательно искоренить эту практику не удавалось. Так, 1689 г. в Верхотурском уезде в пользу воеводы собирались «праздничные деньги». В силу того что практика кормлений приобретала завуалированный характер, в конце XVII в. в значительном числе встречаются указы воеводам с детальным описанием и запретом конкретных видов предполагаемых злоупотреблений властью предержащих в Сибири.

Для того чтобы поправить свое материальное положение, на отдаленной сибирской окраине нередко воеводы незаконно скупали меха, занимались спекуляцией хлеба, незаконным производством и продажей вина, приобретением и вывозом за Урал лошадей, обращали в холопов коренных жителей Сибири. Также они присваивали сдаваемые крестьянами хлебные поставки, торговали привезенными «с Руси» товарами и даже иногда организовывали ватаги промышленников для занятий пушным промыслом.

Таким образом, воеводы, находившиеся в Сибири в качестве своеобразных приказчиков государственной вотчины, нередко

всячески стремились для личной выгоды в пределах вверенного им уезда организовать хозяйственную деятельность, тем самым устанавливая отношения частно-феодалного типа.

В конце XVI – начале XVIII вв. часто вместе с воеводами на государственную службу по собственному прошению прибывали их сыновья. Обычно Сибирский приказ эти прошения удовлетворял, так как считалось, что сын являлся лучшей кандидатурой, способной заменить отца в случае его болезни и смерти. История Сибири XVII в. дает нам множество примеров, когда до специального «государева указа» преемником умершего воеводы становился его сын. Так, например, в 1672 г. после смерти кузнецкого воеводы Н.Б. Доможирова вплоть до января 1674 г. его сын Л.Н. Доможиров фактически управлял уездом.

С середины XVII в. усиливается прораствание родственных кустов в верховных звеньях сибирского уездного и разрядного управления. Часто назначение в Сибирь представителей боярских и дворянских фамилий влекло за собой появление на должностях воевод его родственников, и прежде всего братьев.

Наравне с воеводой в конце XVI – начале XVII вв. важную роль в принятии управленческих решений в Сибири играл письменный голова. Он наряду с воеводой имел право на принятие решений по всем текущим делам. После периода Смутного времени статус письменного головы понижается, и его место во всех сибирских городах занимает второй воевода. В большинстве случаев пребывание воевод и письменных голов в Сибири ограничивалось годами службы, которые определялись московским правительством. До 1621 г. срок пребывания воевод в Сибири не регламентировался и колебался от 1 года до 6 лет. С 1621 по 1635 г. воеводы в Сибири должны были служить 2 года, а с 1635 по 1695 г. – 4 года, причем смена всех сибирских воевод происходила одновременно. С 1695 г. по царскому указу воеводу отправляли в Сибирь на 4–6 лет. Практика повторного назначения на данные должности до середины XVII в. встречается достаточно редко. Однако со

второй половины XVII в. Сибирский приказ практикует перемещение лиц воеводской администрации внутри Сибири, тем самым стараясь не выпускать их за Урал. Так, например, стольник Ф.Г. Хрущев с 1668 г. побывал воеводой в Мангазее, Верхотурье и Тобольске. В конце XVII – начале XVIII вв. отмечается значительное увеличение перемещений воевод из уезда в уезд внутри Сибири.

Помимо воевод и письменных голов, в сибирскую администрацию входили подьячие с приписью и без приписи. В Тобольске в силу особого для Сибири статуса воеводской администрации выделялись еще и дьяки.

Подьячие занимались ведением текущего делопроизводства. В конце XVI – начале XVIII вв. структура сибирской администрации находилась на стадии формирования, поэтому специально обученные подьячие редко встречались в составе воеводского двора. В основном подьячих выбирали из служилых людей, знавших грамоту. Они являлись необходимым элементом воеводского аппарата и отвечали за делопроизводство местных приказных изб. Нехватка подьячих была настолько острой, что иногда воеводы вступали в открытое соперничество друг с другом по поводу обеспечения квалифицированными кадрами своих приказных изб. Такая ситуация складывалась вследствие повсеместной неграмотности или малограмотности сибирских воевод, а отсутствие толковых подьячих в данной ситуации являлось предпосылкой к их неудачной административной службе.

В истории колонизации Сибири представители местной администрации играли важную роль, так как они являлись последним звеном в принятии решений по широкому кругу текущих вопросов. Они выступали координаторами политики Российского государства в Сибири, приспособляли московские решения к конкретным сибирским условиям.

В особую группу среди служилых людей в первых сибирских гарнизонах выделялась казацкая и служилая старшина.

Фактически через них воевода руководил военными силами первых сибирских острогов. Во главе сибирских служилых людей стояли казацкие и стрелецкие головы. Головы ведали наборами на убылые места, судили своих подчиненных за мелкие правонарушения, «унимали их от всякого дурна», контролировали выдачу жалованья, распределяли службы. Они имели право отпускать своих служилых людей на долгое время не только в ближние районы, но и на Русь. На своем месте головы обычно служили несколько лет, затем они должны были уступить свое место другим претендентам, либо в порядке исключения могли на ней остаться на длительный срок.

В сибирских острогах головам непосредственно подчинялись атаманы (руководили казаками), сотники (руководили присланными стрельцами), ротмистры (руководили служилыми людьми «литовского списка»), татарские головы (руководили союзными русским юртовскими служилыми татарами), есаулы, пятидесятники, десятники. Очень часто им поручалась перепись земель, иногда их назначали приказчиками в слободах, они осуществляли «сыск ясачных людей» и были посланниками к соседним народам. Атаманы, сотники, пятидесятники и десятники обычно находились на своих должностях неопределенно длительный срок.

Стрелецкими и казачьими головами, как правило, назначались служилые люди по отечеству. Сотниками могли стать рядовые служилые люди. Казачьи атаманы набирались в основном из выслужившихся приборных людей. В атаманы либо верстались их дети (или родственники), либо их присылали из других острогов. В среде казачества случаи постепенного продвижения по служебной лестнице были редки. Сведения о назначении на атаманские должности детей боярских встречались редко. Однако очень часто атаманов верстали в дети боярские.

Большинство высшего командного состава сибирских гарнизонов выдвигалось из детей боярских, и очень часто их на-

значение утверждалось непосредственно в Сибирском приказе. В конце XVI – начале XVIII вв. дети боярские, кроме занятия командных должностей в гарнизонах и острогах, выполняли наиболее ответственные поручения: проводили «досмотр» земель и устройство крестьянских слобод, осуществляли прибор «пашенных» крестьян, служили приказчиками в острогах и казенных слободах, возглавляли отряды, сопровождавшие казенные грузы или находившиеся в дальних острожках и ясачных зимовьях в качестве «годовальщиков».

Первоначально по своему социальному происхождению дети боярские являлись служилыми людьми московского списка. В Сибирь они попадали по назначению преимущественно из северных русских городов. Правительство стремилось по окончании срока их службы подыскать им другие назначения в местном аппарате управления, не отпуская обратно за Урал. Во многом такая позиция была обусловлена, с одной стороны, экономическими соображениями – дороговизной отправки новых служилых людей в Сибирь, с другой – наличием у этих людей необходимого опыта и знаний специфических условий несения службы за Уралом.

С начала XVII и до середины XVII вв. правом верстать (зачислять на службу) в дети боярские обладали уездные воеводы, затем такие верстания они проводили только с санкции разрядного воеводы. Таким образом, появились дети боярские сибирского списка, в который попали некоторые казаки из отряда Ермака, их потомки, особо отличившиеся казаки, представители родовой знати, ссыльные русские дворяне и дети боярские, проявившие доблесть «литвины» и «немцы». С середины XVII в. Сибирский приказ и воеводы начинают проводить «разборы» служилых людей, чтобы предотвратить попадание в категорию сибирских детей боярских тяглых людей и ссыльных. С этого момента верстание в дети боярские сибирского списка осуществлялось из числа их потомков с учетом личных заслуг.

По указу 30 мая 1683 г. вводится чин сибирского дворянина, в который повелевалось зачислять ссыльных российских дворян и их потомков, служивших без взысканий в Сибири в детях боярских. А также по указу предписывалось приравнять их к дворянам и детям боярским других городов России. Одновременно сибирскими дворянами становились некоторые представители служилой верхушки сибирского казачества. Однако это звание не давало прав потомственного дворянства.

Представители казацкой и служилой старшины входили в категорию высокооплачиваемых служилых людей и имели значительные размеры собинной пашни. Данные пашни обрабатывались преимущественно силами захваченных пленников. Так, в Красноярске в 1672 г. из общего числа 37 коренных жителей, принадлежавших служилым людям, 33 жили у них в деревнях. Ценность холопов-иноплеменников, особенно мужчин, вызвала на них значительный спрос в хозяйстве, следовательно, нередко были попытки закабалить свободного инородца. Пользовались трудом холопов и отдельные крестьяне. Например, у тех же крестьян, живших под Красноярском, в 1672/73 г. работали новокрещены «мунгальской породы».

Многие служилые люди часто пользовались наймом. В отправляемых в Москву челобитных они отмечали, что без найма им невозможно вести хозяйство. Важно понимать, что данный найм не являлся элементом буржуазных отношений, а его существование было обусловлено нехваткой рабочих рук и спецификой занятий наймодателей. Обычно «срочных работников» нанимали на летнее время, и только лишь в отдельных случаях эти работники превращались в зависимых людей на длительный срок.

Верхушка сибирских служилых людей, обладавшая значительными земельными владениями, работавшими на них лично зависимыми и наемными работниками, в течение всего XVII и XVIII вв. безрезультатно пыталась получить статус полноправных российских дворян. Получение статуса потом-

ственных дворян позволило бы легализовать их хозяйства, которые, по сути, являлись частнофеодальными поместьями.

Воеводы, подьячие, казацкая и служилая старшина составляли элиту служилого сословия, основная же тяжесть освоения земель за Уралом ложилась на плечи рядовых стрельцов и казаков, несущих «государеву службу» в первых сибирских острогах. Сословие служилых сибирских людей до первой половины XVII в. складывается в основном за счет переведенных в Сибирь «на вечное житье» отрядов правительственных войск из ближайших (прежде всего северных) городов Российского государства, в том числе специально сформированных в этих городах на добровольных началах для службы за Уралом. В Восточной Сибири вплоть до конца XVII в. гарнизоны в основном комплектовались за счет перевода служилых людей из более заселенных районов Западной Сибири.

В то же время во второй половине – конце XVII в. военные гарнизоны сибирских городов пополнялись в результате наборов на местах. Обычно когда в войсковую общину принимали стрельца или казака за него отвечали своим имуществом примерно 10 поручителей. Во вновь образованных станицах и сотнях обычной являлась круговая порука служилых одного десятка. При наборе на «выбылые места» каждый новоприборный искал поручителей самому себе.

Со второй половины XVII в. отчетливо просматривается стремление правительства придать службе строго наследственный характер, это нашло выражение в указах, запрещавших верстать детей стрельцов и пеших казаков в конную службу. Во многом этому содействовали и сами служилые люди, которые стремились передавать свои оклады детям.

В конце XVI – начале XVIII вв. прослеживается тенденция к медленному увеличению служилого населения в пограничных городах (Красноярске, Селенгинске) и в административных центрах (Якутск, Иркутск) и сохранению неизменной численности людей в городах, расположенных вдали от границы. Это

можно объяснить тремя причинами. Первая причина заключалась в существовании постоянной военной угрозы сибирским острогам со стороны кочевых племен, а следовательно, в них необходимо было оставлять боеспособный гарнизон. Вторая причина – зарождение и развитие сибирского земледелия. Приходившие в Сибирь крестьяне селились ближе к острогам, располагавшимся на юго-востоке, где были более благоприятные климатические условия, а служилые люди должны были их защищать. Третья причина – уменьшение количества соболя в северных уездах Сибири, приведшее к остановке роста численности населения в ее северных городах. Следует добавить, что постоянный контингент был только в крупных городах, в мелкие острожки служилых людей посылали небольшими группами на временную службу (1–2 года). Их называли годовальщиками.

Более или менее единую и достоверную цифру, определяющую численность служилых людей в Сибири, можно получить на основании разрядных книг. Согласно их сведениям, в 1625–1626 гг. служилых людей в Западной Сибири было 3053 человека, что составляло примерно 42,7 % от всего жившего за Уралом русского населения и 6 % от общей численности населения. К 1710 г. численность служилых людей выросла до 46 151 человека, что составляло 14,4 % от всего жившего за Уралом русского населения (32,3 % от мужского русского населения).

В конце XVI – начале XVII вв. сложились основные группы военно-служилого населения Сибири. В документах этого времени постоянно называются казаки, стрельцы и пушкари, часто говорится о литве и черкесах, новокрещенах и служилых татарах.

Об иерархии военно-служилого населения можно составить представление, основываясь на данных окладных книг. Первыми в них всегда записаны дети боярские. Вслед за ними а часто вперемежку с ними идут всякого рода «приказные» или

«начальные» люди: головы, ротмистры, сотники и атаманы. После детей боярских всегда следуют служилые люди «литовского списка». За «литвой» помещались списки новокрещеных и конных казаков, занимавших относительно друг друга менее устойчивое положение (в ранних окладных книгах Тобольска впереди записаны новокрещеные). Аналогично располагались в списках пешие казаки и стрельцы, следующие за конными казаками: в ранних книгах того же Тобольска сначала размещались пешие казаки. За всеми этими категориями обычно следуют пушкари. Заключают окладные книги жалованья списки юртовских служилых татар.

Данные окладных книг показывают, что то в Сибири в основном преобладали пешие казаки и стрельцы. Различия между этими категориями людей носили условный характер, по сути, у них были одинаковые служебные обязанности, торговые привилегии, равное жалованье.

Особой группой служилых людей в Сибири на протяжении XVII–XVIII вв. являлись новокрещеные. Новокрещеные – это представители коренного населения на службе Российского государства, принявшие христианство. Они получали денежное и хлебное жалованье и освобождались от выплаты ясака. Так, согласно сведениям окладных книг 1625–1628 гг., в городах Западной Сибири в числе служилых людей было 59 «новокрещеных», которые составляли 1,9 % от их общего числа. Однако уже к концу XVII в. этот термин фактически пропадает из официальных документов, что свидетельствовало о постепенной ассимиляции и обрусению сибирских инородцев.

Также в состав служилых людей еще со времен активных военных действий против Кучума включались юртовские служилые татары. По окладным книгам 1625–1628 гг., их насчитывалось 601 человек, или 19,6 % от общего числа служилых людей (1/5 от всех военных сил Российского государства в Сибири).

Круг обязанностей служилого человека, по мнению Н.И. Никитина (р. 1946), в конце XVI – начале XVIII вв. строго

не регламентировался и мог ограничиваться лишь традицией и физическими возможностями того или иного лица. Основным занятием сибирских служилых людей было несение военной службы в первых острогах. Они несли караульную службу, выполняли полицейские функции. Военная служба в конце XVI – первой четверти XVII вв. была пожизненной. Регулярно ратные люди отбывали «службы», на которые требовались дни, недели и месяцы. Очень часто служилый человек умирал в какой-нибудь «длительной посылке», не добравшись до своего дома, или его отпускали в Европейскую Россию для пострига в монастырь.

Кроме военных обязанностей, в начале освоения Сибири служилые люди занимались сбором ясака, ведением таможенного дела, посольской службой, строительством и ремонтом первых сибирских острогов. Они отправлялись в дальние экспедиции, выступали в роли гонцов. Их «наряжали» в «денщики» и «приставы» для обслуживания местных административных учреждений, могли в любое время «приставить» «для россылки» к прибывшему в город ответственному лицу. Нередко служилых людей привлекали для транспортировки или сопровождения грузов, конвоирования ссыльных. Очень часто служилые люди рассматривались не как военная, а как рабочая сила. Им приходилось ловить рыбу «на государя», «щипать хмель», строить морские и речные суда, производить их разгрузку. К экстраординарным службам относились походы за солью и экспедиции «для сыску серебрянной руды».

Для многих положение служилого человека в Сибири являлось привлекательным, так как он освобождался от уплаты тягла, а за службу получал жалованье. Однако не все поступавшие на военную службу выдерживали ее тяготы, поэтому не редким явлением сибирской жизни было бегство служилых людей. Во многом это случалось вследствие военной опасности, перебоев с жалованьем, трудностей, связанных с обустройством хозяйства на новом месте, суровости наказаний за уте-

рю казенного груза, необходимости находиться в длительных разъездах.

Контроль за выполнением служилыми своих «служб»-поручений осуществлялся с помощью разветвленной системы наказаний. За проступки служилых людей били батогами, заключали на несколько дней в тюрьму. За более серьезные провинности наказывали кнутом.

Главным источником доходов служилых людей являлся оклад, который им выплачивало государство. Оклад включал в себя денежное, хлебное и соляное жалованье. Размеры жалованья зависели от статусного положения служилых людей и от характера выполняемых служб.

Важно подчеркнуть, что внутри одной и той же категории ратных людей не было равенства в окладах. На размеры жалованья влияли сложность и важность поручений, давность службы, личные заслуги.

Значительно упорядочила оклады сибирских людей реформа, проведенная тобольским воеводой Ю.Я. Сулешевым в 1623–1625 гг. Согласно положениям реформы, уравнивались оклады стрельцов и казаков, а также служилых людей всех «пашенных» и «непашенных» городов. В ходе этой реформы было сокращено жалованье служилых некоторых городов. Немаловажно учитывать, что в случае болезни или утери казенного груза служилый человек мог вообще остаться без средств для существования.

Очень часто полагавшееся служилому человеку жалованье отличалось от получаемого им в действительности. В силу слабости финансов Российского государства вплоть до конца XVII в. в Сибири были нередки перебои с денежным и натуральным обеспечением служилых людей. Нередко служилые люди получали жалованье из казны, которая находилась непосредственно в самом остроге и формировалась из налогов и сборов с русского населения и военной добычи, полученной в ходе успешных походов.

Однако в сибирских городах известны случаи не только задержки жалованья, но и его досрочного получения (как на год, так и на несколько лет вперед). Более того, в 1620–1660 гг. это явление в целом было более частым, чем «недодача» жалованья. Обычно имела место практика, когда в случае «длительных посылок» жалованье на два года вперед выдавалось деньгами, а на третий – товарами.

Активно практиковалась выдача денежной и хлебной части жалованья в два-три приема. В одних случаях жалованье предписывалось выдавать «на два срока, по полугоду, чтоб без запасного хлеба в государевых житницах не было для осадного времени»; в других высказывалось опасение, что служилые люди, взяв государево жалованье, пропьют его, проиграют или вообще сбегут из города.

В целом, государева жалованья хватало, чтобы прокормиться холостому служилому человеку, но если он заводил семью, о чем явствуют многочисленные челобитные, то ему приходилось искать иные виды обеспечения денежными средствами и продуктами.

Обычно у каждого служилого человека были огород, домашний скот и птица. Некоторые служилые люди за плату подменяли своих товарищей в караулах и посылках. Другим же во время военных походов удавалось захватить добычу (чаще всего ясырь) и продать ее. Иногда служилые подрабатывали, провозя беспошлинно под видом «своих» товаров имущество торговых людей. Грамотные стрельцы и казаки устраивались площадными подьячими. Ратные люди часто промышляли зверя и ловили рыбу «про свой обиход». Довольно часто они нанимались на работу, не требовавшую специальных навыков, устраивались пастухами, подряжались возить дрова на казенные нужды и т.д.

Но в основном сибирские служилые люди, помимо должностных обязанностей, занимались земледелием, ремеслом и торговлей.

С самого начала заселения Сибири многие ратные люди начали закреплять за собой земельные угодья. Во многом это совпадало с интересами московского правительства. Оно уже с конца XVI в. стремилось «служилых людей в пашню вваживать, чтоб себе пашню пахали и вперед бы с Руси хлебных запасов посылати меньше».

Земельные владения служилых людей с самого начала колонизации Сибири были разбросаны на значительном расстоянии от города и друг от друга. Следовательно, особенностью земледелия служилых людей являлся его индивидуальный характер. При этом покотины и сенокосы обычно либо находились во владении отдельных селений, либо ими владели отдельные категории служилых людей. Служилые люди, помимо основного участка, часто имели немало «починков», «займищ», «отъезжих пашен». Естественно, что большую часть пустующих земель служилые люди захватывали самовольно, что являлось нормой для окраин Российского государства.

Об активных занятиях сельским хозяйством служилых людей может говорить тот факт, что в наиболее развитом Верхотурско-Тобольском земледельческом районе в конце первой трети XVII в. 26,1% представителей служилого населения имели пашню. Это свидетельствует о наличии в Сибири отношений, присущих традиционному обществу.

Однако после реформы Ю.Я. Сулешева (1623–1625) за каждую десятину в поле из оклада тобольского служилого человека должны были вычитать «по 2 чети без полутора четверика ржи и по 2 чети без третника овса», в других сибирских городах эти нормы были либо несколько больше, либо меньше. Установленное Ю.Я. Сулешевым соотношение между размерами пашни и хлебного жалованья на практике точно не соблюдалось, так как и само правительство не желало переводить служилых людей только на хлебный оклад, стоит помнить и о невозможности регулярных перемеров всех земель. Нередко отмечались случаи, когда служилый со значительной запаш-

кой не только не платил «выдел», но и даже сохранял за собой хлебный оклад, а те, кто не получал хлебного жалованья и «служил с пашни», землю свою «за скудостью» не пашет. Все же под влиянием реформы Ю.Я. Сулешева во второй четверти XVII в. произошло значительное сокращение численности служилых людей на сибирской пашне. Сокращение служилого земледелия проявлялось не в их массовом уходе с обрабатываемых пашен, а в замедлении темпов обращения служилых людей к земледельческим занятиям. В целом, ни в одном из городов Тобольского разряда даже в конце XVII в. численность служащих с пашни не превышала половины состава гарнизона. В Восточной Сибири имевших пашню служилых людей было еще меньше.

Помимо земледелия, среди сибирских служилых людей широкое распространение получили ремесло, торговля и промыслы.

В ранних источниках отразилась торговля служилых пушнинаой. Ратные люди часто пытались поправить свое материальное положение скупкой и перепродажей мехов. Даже когда пушные богатства в Западной Сибири значительно уменьшились, а контроль за «ясатчиками» усилился, они часто, используя покровительство воевод, находили способы обогатиться во время сбора ясака. Стрельцы и казаки меняли свои товары на меха у коренных жителей, при этом имела место и практика сбора с ясачных людей пушнины в счет долгов.

Во время исполнения дальних служб служилые люди нередко захватывали с Ямыш-озера соль лично для себя. Из первых дозорных книг мы узнаем о рыболовном промысле ратных людей. Приходно-расходные книги Сургута неоднократно регистрируют покупку у служилых людей рыбы «на остяцкие расходы». Из сведений «Книги сборным деньгам» 1655 г., в Тобольске ловлей рыбы занималось в два раза больше служилых людей, нежели посадских. Стоит отметить, что те же тобольские служилые активно вывозили рыбу на торги к

Ямыш-озеру, в другие города Сибири и Европейской России, таким образом, они играли заметную роль в рыбной торговле.

Известное распространение в среде служилых людей, особенно в Западной Сибири, получила оптовая торговля хлебом. Об этом косвенно свидетельствуют размеры пашни служилой верхушки, урожай с которой значительно превосходил потребности одного человека.

В первой половине XVII в. дополнительный доход некоторым служилым приносили откупа. Еще до 1600 г. в Верхотурье служилые люди содержали «торговые бани», которые потом государство изъяло в казну, и их на откуп, скорее всего, взяли те же самые служилые люди. Тобольский конный казак И. Борьба в течение 20 лет с 1642/43 г. брал на себя «харчевой, и квасной, и сусяной откуп» и платил за него казне в год более 70 рублей. До начала 1630-х гг. в Таре трое казаков держали «зерновой и картный откуп». Приборные люди среди откупщиков постоянно присутствовали как в Западной, так и в Восточной Сибири.

С самого начала заселения Сибири служилые люди постоянно упоминаются в качестве ремесленников. Так, согласно первым именованным книгам Тобольска, упоминаются стрельцы и казаки, являющиеся кузнецами, серебряниками, котельниками, сапожниками, скорняками, шапочниками, шелковниками, портными мастерами, иконниками, пирожниками, кречатниками, мясниками, коновалами, рудометаи, плотниками.

В конце XVI – начале XVIII вв. служилые люди, знавшие ремесло, выполняли за отдельную плату казенные заказы. Они подражались делать «лоды» и «дощаники», производили ремонтно-строительные работы в съезжих избах, «государевых банях», казенных погребях и кабаках, чинили бочки, замки, делали ключи, изготовляли ремни и сумы для «ясачной казны», мешки под муку, карты и кости для «зерновых изб» и т.д. Государство у представителей служилого населения закупало светильни и сало на свечи, сами свечи, шайки для государевых

бань, лыки на починку казенных судов, ларцы, бумагу, хмель, гвозди, топоры и т.д. Несмотря на то что доходы от казенных заказов были невелики и случались эпизодически, они являлись важной составляющей в бюджете некоторых семей служилых.

Служилые люди играли ведущую роль в хозяйственной жизни сибирских городов. Так, в конце XVII в. ремесленников из служилой среды было в несколько раз больше, чем посадских. В Томске на 267 служилых людей приходилось 39 посадских, в Таре на 98 служилых – 5 посадских, в Тюмени на 110 служилых – 22 посадских.

Однако, согласно справедливому утверждению Н.И. Никитина, следует учитывать тот факт, что развитие «торгов» и «промыслов» служилых людей и приобщение их к земледелию, требовали экономических, природных и политических условий. Никакие привилегии не могли способствовать включению служилых людей в торговлю и «промыслы», если город стоял далеко от торговых путей или не имел прочных хозяйственных связей с округой. В случаях если численность служилых людей в каком-либо городе в силу его стратегического или административного положения была велика и многие из них обладали ремесленными навыками, то развитие ремесла тормозилось отсутствием спроса на их продукцию. Привлечению же служилых людей к занятиям земледелием препятствовало несоответствие численности ратных людей количеству пригодных для сельского хозяйства земель.

С одной стороны, верхушка служилых людей являлись привилегированной группой населения, так как осуществляли административные функции, получали жалованье, выплачиваемое из средств, собранных в форме налогов с тех же тяжелых слоев. Значительным материальным благосостоянием обладали представители казацкой старшины. В отечественной историографии с XIX в. велись дискуссии о характере землепользования служилых людей. Опираясь на то, что земля дава-

лась в пользование на время службы, не облагалась налогами, очень часто вместе со службой передавалась по наследству, можно определить их землепользование как землевладение помещичьего типа. С другой стороны, большая часть служилых людей несла тяжелые государевы службы, занималась хозяйственной деятельностью, платила ряд налогов и сборов, приближалась по фактическому статусу к податным непривилегированным слоям сибирского общества (вооруженные крестьяне с наделом). К тому же множество занятий служилых людей предопределило сложность их социальной сущности, когда сословная принадлежность не совпадала с хозяйственной деятельностью. Даже в конце XVII в. процесс «отвердения» границ сословий не завершился и вследствие нехватки людских ресурсов проходил достаточно медленно.

§ 3. Крестьяне

В конце XVI – начале XVIII вв. происходит сложный и противоречивый процесс формирования сибирского крестьянства. О месте и роли крестьян в освоении зауральских земель свидетельствуют данные динамики населения. В Сибири в первой четверти XVII в. крестьян проживало меньше, нежели служилых и промышленных людей (приблизительно 1 234 человека, или 17,3 % от общего числа русского населения и 2,4 % от общего числа жителей Сибири). К концу XVII – началу XVIII вв. крестьянство составляло половину всего русского населения. Так, в 1697 г. насчитывалось 8 640 дворов, 1699 г. – 10 379 дворов, 1701 г. – 11 000 семей из общего числа населения в 25 000 семей. К 1710 г. из 313 685 русских обоюбого пола, проживавших на территории Сибири, крестьянами были примерно 160–190 тысяч.

В силу высокодоходности пушного промысла, суровых природных условий, нестабильной военно-политической ситуации на юге Западной Сибири, необходимости значитель-

ных средств для создания крестьянского хозяйства на новом месте изначально было немного земледельцев, желавших перебраться за Урал. В среднем затраты на промысловую ужину составляли 18 руб., а покупка сельскохозяйственного инвентаря, тяглогового скота, семян, постройка жилища на новом месте обходились примерно в 60 руб. Попытки привлечь к обработке сибирской пашни коренное население в большинстве случаев закончивались неудачей. Как говорилось выше, в этих условиях ведущую роль в создании сибирского земледелия взяло на себя государство, объявившее себя верховным собственником новых земель, на которых трудились крестьяне, обрабатывавшие «собинную» и «государеву пашню».

Государева пашня представляла собой специфическую натуральную повинность пашенных крестьян, которые за право обрабатывать «собинную пашню» должны были вести на определенном местными властями земельном участке весь цикл сельскохозяйственных работ. Крестьянин заседал государеву (десятинную) пашню казенными семенами, боронил ее, сжинал хлеб в снопы, составлял их в сулоны, свозил в особую ригу, зимой молотил зерно и засыпал в казенные амбары.

До 1620-х гг. объем работ крестьян на десятинной пашне не был точно определен, а единицей обложения являлся крестьянский двор. Сибирские воеводы получили разрешение действовать «смотря по тамошнему делу», то есть облагать повинностями, учитывая трудность подъема целины, удаленность десятинных полей от места жительства крестьян, количество завербованных и присланных на государеву пашню пришельцев и т.д. Первоначально единицей обложения был двор пашенного крестьянина без учета хозяйственной самостоятельности семьи, числа работоспособных ее членов. Объем работ сводился к формуле «десятина в поле, а в дву потому ж». После составления первой дозорной книги и проведения реформы Ю.Я. Сулешева (1624–1625) были четко установлены формы и объем повинностей, которые зависели от количества

используемой земли и угодий (покосы, рыбные ямы и плесы). Определенный Ю.Я. Сулешевым оклад пашенных крестьян был распространен на все уезды Сибири и просуществовал вплоть до 1720-х гг. Соотношение между размерами обработки десятинных полей и собинной запашки крестьянина в каждом уезде определялось по-разному – 1:6; 1:5; 1:4,5; 1:4. Оклады отдельных крестьян были неодинаковы: на государевом поле крестьяне обрабатывали по 2 дес. в поле; 1,5 дес.; 1 дес. с четью; 1 дес.; 0,5 дес., четь с получетью; 1 четь дес. Сулешевский оклад распространялся на хлебооброчных и денежнооброчных в той же пропорции десятинной и собинной пашен, которые применялись в данном районе. Исходя из существующей пропорции, взамен обработки десятины исчислялся размер оброка. Для контроля установленных соотношений десятинной и собинной пашни в течение XVII в. неоднократно проводились дозоры и перемеры. Выявленные новые распахки облагались дополнительными отработками или оброком. Если крестьянин увеличивал собинную пашню, то с излишней площади он обязывался дополнительно к обработке государевой десятины платить 1/10 урожая, то есть выдельный или сноповой хлеб. Впоследствии был введен отсыпной хлеб, то есть когда вместо отработок на десятинной пашне крестьяне отдавали положенное по повинности количество зерна.

После реформы Ю.Я. Сулешева наметилась общая тенденция к уменьшению объема барщинных работ на одно тягло. Так, за 80 лет (1623–1703) в Енисейском уезде пашенный оклад уменьшился почти вдвое, тогда как крестьянское население увеличилось в 36 раз. Во многом этому способствовала частичная сдача тягла крестьянина новоприходцам, односельчанам и отделявшимся крестьянским сыновьям.

Примечательно, что уже в начале XVII в. имели место случаи замены обработки государевой пашни (казенной барщины) внесением продуктов земледельческого труда (оброком). Но все же до конца XVII в. отработочная рента оставалась го-

сподствующей в Сибири, так как всегда наиболее выгодным является присвоение рабочего времени.

Контролировал и распределял работы на государственной пашне приказчик. Он следил за высеванием нужных сельскохозяйственных культур, контролировал межевание и объем государственной пашни, а также качество и сроки выполняемых сельскохозяйственных работ. Ведал строительством овинов, риг, житниц для хранения зерна, собираемого с государственной десятины. Приказчик также организовывал переброску этого зерна в уездные центры. Иногда приказчик вмешивался в работы на «собинном» участке крестьянина, если, по его мнению, вследствие нерадивости земледельца он мог прийти в запустение. Однако право на такое вмешательство очень часто ставило крестьян в зависимость от приказчика и приводило к различным злоупотреблениям с его стороны. Кроме того, приказчик на местах осуществлял и административно-судебные функции. В его обязанности входило примирять крестьян в мелких ссорах, следить за общественным порядком в крестьянской среде, не допускать распространения среди земледельцев алкоголизма, табакокурения (до середины XVII в.) и азартных игр, ограждать их от влияния скоморохов и колдунов, предотвращать возможные «смуты» и «шатости».

Помимо основных повинностей, связанных с обработкой земли, крестьяне выполняли целый ряд дополнительных, называвшихся «изделями». В их число входили помол казенного зерна на мельницах, изготовление солода, толокна, круп, варка пива для нужд съезжей избы. В некоторых районах крестьяне поставляли холст, пеньку и смолу для судового промысла. Обязанностью крестьян являлись заготовка и подвозка материалов для строительства казенных мельниц, амбаров, острогов, а также снабжение дровами воеводских канцелярий, винокурен и бань. Крестьяне в случае необходимости строили городские и острожные укрепления, прокладывали дороги и возводили мосты. Несмотря на существование ямщиков на

территории Западной Сибири, сибирские крестьяне перевозили казенные грузы по рекам и сухопутным дорогам, поставляли подводы для служилых людей, представителей духовной и светской власти. В Восточной же Сибири в XVII в. эти повинности были еще тяжелее, так как там ямской службы вообще не существовало.

На сибирских просторах крестьяне, помимо повинностей, связанных с обработкой земли и выполнением «издельев», платили общие денежные сборы. В конце XVII – начале XVIII вв. они вносили драгунские деньги – по 10 алтын, ямские – по 10 денег, поворотные – по полтине, платили сборы на содержание приказчика, дьяков, тюремных сторожей и т.д.

Однако следует отметить, что государственные повинности, которые налагались на крестьян Сибири, были гораздо легче, чем в Европейской России.

Государство использовало три основных способа заведения пашни за Уралом: перевод крестьян из Европейской России (прежде всего Поморья, затем Среднего Поволжья) в Сибирь «по указу» и «по прибору», использование на сибирской государственной пашне ссыльных людей, а также устройство на пашне лиц, прибывших в Сибирь по собственной инициативе.

Первоначально ведущим способом являлся насильственный перевод в Сибирь крестьян из центральной части страны. Так, в 1590 г. в качестве пашенных крестьян на новые места прибыли 30 семей из Сольвычегодского уезда, в 1592 г. – крестьяне из Перми и Вятки. Однако «переведенцы», как называли этих крестьян, не решили проблему организации сибирской пашни и от насильственных переводов достаточно быстро отказались.

Не увенчалась успехом попытка поднять сибирскую пашню за счет ссыльных. На протяжении XVII–XVIII вв. в периоды социальных потрясений в европейской части страны их количество бывало значительным. Но многие из ссыльных умирали во время многотрудного пути в Сибирь, некоторые записы-

вались в посад, служили в гарнизонах, а значительная часть не имела достаточных навыков, чтобы справиться с организацией пашни на новом месте.

Ведущую же роль в организации сибирской пашни сыграли крестьяне, прибывшие в Сибирь добровольно. Условно их можно разделить на две группы: свободных крестьян, прибывших в Сибирь после сдачи своего тягла в Европейской России, и крестьян, бежавших от крепостной зависимости. О значительном размере самовольных уходов крестьян в Сибирь может свидетельствовать тот факт, что правительство в 1684 г. вынуждено было издать указ, предписывавший не принимать семейных крестьян и посадских переселенцев за Уралом в крестьянские общины, а беглецов высылать обратно. Свободу передвижения сохранили за пришлыми одиночками, работными и гулящими людьми. В Приуралье на дорогах учреждались заставы, в самой же Сибири регулярно проводились сыски беглых крестьян. Но в силу огромных сибирских просторов и позиции местной администрации они обычно заканчивались неудачей.

Кроме усилий государства, направленных на заселение Сибири крестьянским населением, активно проходил процесс самоустройства пришлого населения на земле. Часть переселенцев, которые бродили по Сибири в поисках заработка, перебивавшихся работами по найму, а также некоторая часть промышленных людей, разорившихся после неудачного сезона охоты, самовольно занимали и обрабатывали земли. Однако почти всегда при очередной проверке эти новоявленные земледельцы попадали в число казенных крестьян и начинали выплачивать соответствующую налог-ренту.

Организация пашни на местах представлялась столь важным делом, что сибирская администрация закрывала глаза на прошлое новопереселенцев и зачастую выделяла им помощь в виде ссуды и подмоги наравне с крестьянами, оказавшимися за Уралом после сдачи тягла.

Подмога являлась безвозвратной помощью, денежной или натуральной, для устройства крестьянином собственного хозяйства.

Размеры подмоги в основном зависели от потребности в рабочих руках. Так, например, в Верхотурском уезде в 1630-е гг. давали по 10 руб. деньгами на человека, 5 четей ржи, 1 четь ячменя, 4 чети овса и пуд соли. На р. Лене же в 1640-е гг. подмога давалась в размере 20–30 руб. деньгами и по 1 лошади на человека.

Денежная и натуральная ссуда выдавалась для помощи в обустройстве новопереселенцев и подлежала обязательному возврату. Однако, в отличие от подмоги, денежная ссуда выдавалась не только вновь прибравным крестьянам, но и уже живущим в том или ином селении. Данное условие закреплялось в заемной кабале. Обычно размер ссуды был несколько меньше, чем подмога.

Также новопоселенцу предоставлялись льготы – освобождение от феодальных повинностей. В зависимости от района Сибири срок льготных лет различался. В Западной Сибири до 1670-х гг. предоставлялась льгота на выполнение повинностей на срок от 4 до 6 лет, в редких случаях она предоставлялась на 8 лет. В уездах Восточной Сибири эти сроки были меньше. Так, в Енисейском уезде до 1670-х гг. в льготный срок входили 3–4 года. С середины же XVII в. в Западной, а с конца XVII в. в Восточной Сибири наблюдается тенденция к постепенному уменьшению размера подмоги и ссуды, а в некоторых случаях – к их полной отмене.

Помимо льгот, на крестьян налагались и определенные обязанности. В Сибири у всех категорий крестьян с самого начала ее освоения существовало ограничение на свободу передвижения за ее пределы. Правительство поощряло въезд в Сибирь, но препятствовало выезду из нее. Внутри же Сибири разрешались территориальные перемещения.

При поступлении в крестьяне новопоселенцы давали властям поручные записи, в которых определялись объем и условия выполнения ими тягловых обязательств. При этом выполнение таких условий могло подтверждаться личной ответственностью подряжавшегося и его поручителя. Главное условие поручной записи – не бросать свое «тягло» впусте, таким образом, сибирский земледелец сохранял за собой свободу перемещения. В Сибири широко была распространена практика сдачи «тягла». Крестьяне очень часто, подчиняясь логике переложного земледелия, устраивали на свои места «вольных гулящих людей», иногда предоставляя им подмогу, а сами отправлялись осваивать новые участки, тем самым расширяя общий фонд обрабатываемых земель в Сибири. Обязательным условием передачи тягла было, во-первых, составление новой поручной записи, во-вторых, тяглоспособность нового человека. Практика передачи тягла, существовавшая в первой половине XVII в. де-факто, к 1670-м гг. была узаконена в отношении оброчных крестьян, а в 1680-х гг. – пашенных. О размерах этого явления может говорить тот факт, что с 1654 по 1664 г. из 131 новоприходца в Енисейский край только 41 человек поднимал целину. Часто вместе со сделкой о передаче тягла оформлялись сделки, по которым подряжавшийся приобретал строения, скот и инвентарь у крестьянина, сдававшего землю и повинности.

Здесь следует отметить такую форму вовлечения гулящих людей на сибирскую пашню, как «поставленничество». Зажиточные крестьяне-старожилы часто привлекали в свое хозяйство «поставленников», предварительно с ними договорившись. «Поставленники» обрабатывали часть десятинной пашни, взамен им выделяли собинную пашню, обеспечивали рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем. На первых порах они жили в хозяйском доме и питались вместе с его семьей, но потом были обязаны срубить свою избу. Постепенно они становились самостоятельными дворохозяевами, и выпол-

няемые ими работы на десятинной пашне закреплялись за ними юридически. По данным В.И. Шункова (1900–1967), у 90 % сибирских крестьян в хозяйстве были зависимые работники, сословное положение которых в силу существовавшего запрета со стороны государства на подневольный труд в большинстве случаев фиксировали по сословному положению хозяев. Все вышесказанное свидетельствовало о существовании отдельных проявлений частного субфеодалного землевладения.

Практика сдачи тягла все же не исключила полностью самовольных переселений крестьян. Причинами этих переселений зачастую являлись непосильный для земледельца объем повинностей, злоупотребления приказчика, переложный способ ведения хозяйства, требовавший новых земель. Самовольные сельскохозяйственные миграции достигли значительных размеров к концу XVII в. Так, например, по результатам сыска 1686–1694 гг. в тобольских слободах было обнаружено 144 человека, самовольно переселившихся из Верхотурского уезда. Примечательно, что найденные беглые не были высланы на старое место жительства, так как они своим трудом расширяли сибирскую пашню, что отвечало интересам государства. Фактически в отношении внутрисибирских крестьянских переселений правительственные власти проводили ту же политику, что и по отношению к самовольно переселявшимся в Сибирь представителям Поморья. Местные же власти в случае побега крестьянина с пашни чаще всего возлагали его повинности на весь крестьянский мир, заставляя пахать опустевший участок «сгоном» или раскладывая между всеми членами общины оброк. Параллельно в данной ситуации представители воеводской администрации привлекали льготами желающих подрядиться обрабатывать этот участок.

В Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. верховным собственником всех земель объявляло себя государство. В силу удаленности от Москвы, малочисленности русских, невозможности учета и контроля их хозяйственной деятельности на на-

чальном этапе освоения Сибири государство формально относилось к отводу земельных угодий и сквозь пальцы смотрело на их вольный захват переселенцами из-за Урала, узаконивало «росчисти от леса». В сибиреведческой литературе неоднократно отмечался сложный порядок земельного держания в сибирской деревне XVII – начала XVIII вв., когда земледельцы владели угодьями на основе захвата или отводных памятей, выдававшихся воеводами или целым сельским миром, отдельным группам или персонально, причем людям разного социального положения (крестьянам, служилым или посадским людям). Сплошь и рядом такие памяти воеводские канцелярии выдавали *post factum*, оформляя совершенный захват или так называемый «прииск» свободных земель. Эти угодья могли находиться в общем «чертеже» селений или составлять отдельные заимки. В результате, даже по официальным, вероятно, неполным данным, во владении жителей многих деревень находились огромные земельные площади, превышавшие указанные нормы. Более того, первым земледельцам, которые в своих интересах захватывали и осваивали новые земли, очень часто предоставлялись льготы.

Следует также учитывать и то, что до второй половины XVII в. в Западной и до 80-х гг. XVII в. в Восточной Сибири официальные власти не пытались запретить частные сделки с землей. В «данных», отводных памятях и прочих землеустроительных документах обычно не упоминалось о запрете на самовольное распоряжение отводимыми угодьями. Единственный существовавший запрет – это «в пусте землю не держать». Даже несмотря на присутствие с конца XVII в. в формулярах поземельных актов такой формулировки, что «угодьями владеть до указа, а на сторону другим никому не продавать и не заложить, и ни в какие крепости не укрепить, и за вклад в монастырь не отдать», сибирские власти вплоть до середины XVIII в. оформляли все виды распоряжения угодьями: передачу по наследству, обмен, куплю-продажу, аренду, срочный и бессрочный заклад и т.д.

Во многом это определило особенности формирования сибирской общины, у которой изначально не было функции передела земель и угодий между ее членами.

Некоторую роль в организации сибирской пашни играли так называемые «слободчики». Они являлись входцами из торговых людей, детей боярских, казаков, состоятельных предприимчивых крестьян, посадских. Слободчики на свой страх и риск, принимая и закабалая крестьян, хотевших переселиться в Сибирь, устраивали земледельческие поселения. Они подыскивали свободный и удобный для земледелия участок земли, подбирали место для будущего селения, описывали его «жилые приметы» для получения, затем обращались в воеводскую приказную избу с челобитной о разрешении им основать слободу, а также выдать документ («память») о проведении вербовки ее будущих жителей. Данная челобитная из воеводской приказной избы поступала в Сибирский приказ. В этом документе определялись условия прибора – устанавливались льготные годы, размеры безвозвратной и возвратной ссуд, выделяемых из казны, определялись районы, где разрешалась вербовка «охочих» людей. Со своей стороны слободчик обязывался устроить завербованных крестьян в слободе, добиться того, чтобы они построили жилье, надворные постройки, приобрели рабочий и молочный скот, сельскохозяйственный инвентарь и после истечения льготных лет начали выполнять в установленной форме и определенном объеме повинности в пользу собственника земли – государства. Общие размеры территории слободы обычно устанавливались (хотя и очень приблизительно) при ее первоначальном устройстве. Выселение за пределы этой территории затруднялось, так как наталкивалось на земли соседних слобод или соседних ясачных волостей. Однако, несмотря на все издержки в организации слобод, в первой половине XVII в. проявлялось некое социальное партнерство между инициативой частных лиц и государственной властью, переходящее в ряде ситуаций во взаимозависимость.

Правда, следует отметить, что государство в ограниченных количествах и избирательно выдавало грамоты, разрешавшие строительство частных слобод даже во второй четверти XVII в., так как опасалось конкуренции на недавно приобретенных землях со стороны слободчиков. Последние же, добываясь налоговых льгот и права осуществлять суд и расправу независимо от местных воевод в пределах территории своей слободы, стремились преблизиться к статусу сибирских помещиков. По сути, слободы являлись проявлением частновотчинного феодализма. Поэтому в течение всего XVII в. часть слободчиков переходили в состав низшей воеводской администрации, а других заменяли приказчиками. Тем самым московское правительство всячески стремилось уничтожить частнопомещичий сектор экономики за Уралом. В итоге к концу XVII в. «слободчиков» в Сибири уже не было.

С самого начала земледельческой колонизации Сибири особую роль в ней играли монастыри, поэтому, помимо крестьян, работавших на собинной и государевой пашне, на территориях за Уралом были и монастырские крестьяне. Так, общее число зависимого населения Тобольского архиерейского дома еще в 1624–1635 гг. составляло 138 человек.

В Сибири монастырское землевладение поздно сформировалось в условиях сдерживающей правительственной политики. Крестьяне черносошной деревни, переселявшиеся в Сибирь, гулящие люди, местное население после Уложения 1649 г., оформившего систему крепостного права на частновладельческих и церковных землях, стали менее охотно оседать в вотчинах сибирских монастырей, отдавая предпочтение государственным слободам и селам. Это обстоятельство вынуждало монастыри смягчать феодально-крепостнический режим в целях привлечения населения.

Прикрепление крестьянина к земле осуществлялось крестьянской «жилой записью» (сроком от 8 до 20 лет) или внесением его в переписную книгу монастыря. По справедливому

мнению Л.П. Шорохова, в Сибири формировалась достаточно сложная структура зависимого монастырского населения. К концу первой четверти XVII в. в неё входили крестьяне-старожилы, бобылы, половники, монастырские детеныши, работники, трудники, срочные наемные работники, вкладчики. Такая ситуация возникла вследствие того, что монастыри устраивали пришельцев на свои земли на основе договора, содержавшего особые условия для каждого отдельного случая.

В XVII в. владельческие повинности монастырских крестьян Сибири выражались в основном в двух формах феодальной ренты: барщине и натуральном оброке. В среде пестрого зависимого населения монастырских вотчин, наряду с русскими крестьянами, работали и представители коренного населения.

Таким образом, можно говорить о наличии на территории Сибири государственного, частного, в том числе служилого и корпоративно-монастырского, землевладения в конце XVI – первой четверти XVIII вв.

В советской историографии в 1950–1980-е гг. развернулась дискуссия о характере зависимости сибирских крестьян от государства между сторонниками государственного феодализма и учеными, настаивавшими на господстве крепостнических отношений в Сибири. В какой-то степени примирила участников дискуссии выдвинутая Г.Ф. Быконой в конце 70 – начале 80-х гг. XX в. концепция многоукладности социальных отношений в Сибири, основные пункты которой в настоящее время разделяет большая часть историков. В частности, в Сибири существовал «свободный мелкокрестьянский уклад», «черносошные отношения», «казенное крепостничество», «частно-кабальный уклад», «элементы раннебуржуазных связей». Положение данной концепции доказывают одновременное наличие среди крестьян практики сдачи тягла и территориальных перемещений, развитие отношений найма в сибирской деревне, разнообразные натуральные повинности в пользу го-

сударства, обработка «государевой пашни», утаенные пашни, отсутствие у общины функции переделов земельных угодий в конце XVI – начале XVIII вв.

§ 4. Посадские люди

Следующими сословными группами, участвовавшими в колонизации Сибири в конце XVI – первой четверти XVIII вв., были ремесленники и торговые люди.

В последние годы первой четверти XVII в. посадских людей было только 622 человека, или 8,7 % от русского населения и 1,2 % от общей численности сибирских жителей. В конце XVII – начале XVIII вв. количество ремесленников в ряде сибирских городов увеличивается. По данным на 1720 г., в Тобольске было 665 ремесленников, в Енисейске – 117 ремесленников, в Томске – 380. Однако формирование посадского населения шло медленно, и к началу XVIII в. оно по численности значительно уступало всем основным группам сибирского населения.

Интересен сам процесс зарождения ремесла в Сибири в XVII в. Сибирское ремесло начиналось не со второго общественного разделения труда, а с деятельности пришлых из-за Урала ремесленников. В 90-е гг. XVI – первой четверти XVII вв. государство прилагало определенные усилия, чтобы заселить сибирские города ремесленниками. Основным путем, как и в земледельческой колонизации, являлся перевод по государеву указу. Согласно сведениям П.Н. Буцинского (1854–1916), в 1600 г. в Верхотурье из разных поморских городов перевели 80 плотников. Пришлые ремесленники передавали служилым людям, крестьянам и представителям коренного населения Сибири навыки изготовления ремесленных изделий. В первой четверти XVII в. население сибирского посада сконцентрировалось в трех городах – Тобольске, Верхотурье и Тюмени. Так, согласно дозорной книге 1624 г., в Тюмени мы находим «дво-

ров посадских 66, людей в них 80, да 77 посадских людей, которые дворов своих ни в городе, ни в остроге не имели и жили по подворьям в Ямской слободе».

Помимо переведенных «по указу», большую часть посадского населения в середине XVII – начале XVIII вв. составляли люди, добровольно записавшиеся в посад. Определенную роль в формировании посада сыграла ссылка. Например, в 1658 г. в Енисейский посад был сослан из Тобольска торговый человек Пятой Соколов, в 1699 г. – из Москвы торговый человек гостинной сотни Лев Ядренкин с братом. Еще одним источником пополнения посада являлись казачьи дети и отставные служилые люди (по увечью и старости). Со второй половины XVII в. население посада сибирских городов пополнялось за счет естественного воспроизводства.

Примерно с 1620-х гг. активно начинается процесс формирования социального слоя сибирских ремесленников, для которых ремесло стало ведущим занятием. Первыми ремесленниками были плотники и судостроители. Неизбежно рост количества изделий местного сибирского производства приводил к увеличению количества ремесленных специальностей и появлению сложных ремесел. Например, к концу XVII в. в Сибири появляются в кожевенно-обувном производстве кожевники, ровдужники, строгальщики кож, сыромятники, юфтники, скорняки, овчинники, чеботари, сапожники, котовщики, башмачники, шорники; в области деревообделочного производства – бочкари, кадовщики, чановщики, ведерники, окончинники, столяры, станошники, хомутники, гребенщики, решетники, рогожники; в области металлообрабатывающего производства – кузнецы, котельники, удовщики, безменщики, уздовщики, оловянники, медники, серебряники, посудники и т.д. Появление на территории Западной Сибири многих сложных ремесел давало основание видному специалисту по истории ремесла и торговли О.Н. Вилкову (1922–2005) сделать преждевременный вывод о зарождении мануфактур в Сибири

уже в XVII в. Вышеприведенная специализация свидетельствует о тенденции отхода от производства ремесленных изделий для собственных нужд к их производству на заказ или на рынок. Регистрация этих специальностей воеводской администрацией говорит о том, что ремесло становилось основой существования для этих людей.

Посадское население в Сибири распространялось неравномерно. Только удачно расположенные в благоприятных экономико-географических условиях укрепленные поселения по структуре ремесленно-торговой деятельности были сопоставимы с развитыми городами Европейской России. В Западной Сибири городами, где ремесло приобрело более или менее развитый характер, являлись Тобольск, Верхотурье, Тюмень, Томск, в Восточной – Енисейск, Илимск, Нерчинск, Иркутск.

Отличительной чертой первых сибирских посадских была их тесная связь с земледелием, помимо основного промысла, многие из них содержали пашню. Это свидетельствует об отсутствии четкого разделения труда между первыми русскими людьми в Сибири, а как следствие, о размытости сословной структуры, когда хозяйственные занятия не совпадали с сословной принадлежностью посадских людей.

В отличие от земледельцев государство не предоставляло ремесленникам каких-либо значимых льгот при переселении в Сибирь, но налагало на них повинности.

Основными повинностями посадских людей в Сибири, как и в Европейской России, являлись уплата денежного оброка (оклада) и выполнение различных служб в качестве целовальников. Свое название целовальники получили из-за процедуры целования креста при вступлении на службу, которое символизировало обязательство честного выполнения своей работы. В посаде были таможенный целовальник, отвечавший за таможенные сборы на торгу; кабацкий, ведавший продажей вина и пива; целовальник при пушной казне, собиравший ясак, оценивавший и принимавший пушнину;

целовальник при хлебных и соляных амбарах, занимавшийся учетом провианта.

Специфическими обязанностями жителей сибирского посада являлись участие в постройке и ремонте острожных укреплений, а в случае военной опасности и их оборона, выполнение ямской и подводной повинности по перевозке разнообразных казенных грузов и «приказных людей».

Выплачиваемый денежный оброк определял принадлежность человека к посаду и являлся мерилom для выполнения большинства других повинностей. Сибирский посад от посадov европейской части страны отличало индивидуальное налоговое обложение. Размер оброка каждому посадскому человеку устанавливался при его устройстве в посад «по животам и промыслам» воеводой. Следовательно, в отличие от европейской части страны, оброчный оклад не подлежал разверстке со стороны посадского мира. Только с начала XVIII в. для посадov сибирских городов устанавливалась валовая сумма оброка, которая подлежала мирской разверстке. Обычная норма оброка при устройстве в посад сибирского города для гулящих и промышленных людей в XVII в. составляла 0,3–0,45 руб. Когда в посад определялись лица, уже занимавшиеся торговлей, промыслом или ремеслом и жившие там, но уклонявшиеся от записи в посад, размер оброчного оклада устанавливался выше. Во второй половине XVII в. проявилась тенденция к снижению оброчных окладов енисейских посадских людей. Это было обусловлено следующими факторами. Во-первых, ростом других повинностей. Во-вторых, постоянный приток в посад людей извне позволял властям без особого труда систематически увеличивать общую сумму сборов без повышения окладов со старых тяглецов. В-третьих, происходило дробление крупных оброчных окладов при разделе богатых семей. В-четвертых, разбогатевшая верхушка посада переходила в Московскую гостиную сотню.

Во второй половине XVII в. правительство и администрация в поисках денежных средств для казны вводят для посадского

населения новые налоги. Стали взиматься единовременные сборы на «ратное дело», так называемые пятая, десятая и пятнадцатая деньги. Особенно участились эти сборы после 1701 г. в петровское время. Помимо этого, в конце XVII в. собирались «драгунские деньги», а также деньги на покупку дров для казенной винокурни.

В условиях существования государственного феодализма за Уралом и отсутствия отлаженной системы управления этим казенным по своей сути хозяйством на местах посадские вынуждены были нести значительное количество повинностей в пользу государства. Повинности ремесленников являлись феодальной рентой, взимаемой под видом налога, когда они были вынуждены выполнять «государевы изделия» и нести разного рода службы.

§ 5. Торговые люди

В изучаемый период еще одной социальной группой в Сибири являлись торговые люди. В XVII в. термин «торговый человек» не имел сословного значения, но приближался к нему. В документах изучаемого периода он упоминается в двух значениях. В первом значении – это человек, занимающийся исключительно торговлей. Во втором – это промышленник, продававший свой товар после промысла. Дальше целесообразно данный термин употреблять исключительно в первом значении.

Русская торговля в Сибири началась со скупки мехов у местного населения. Ведущую роль в XVII в. в торговле пушниной играли представители купечества европейской части страны. Лично или через своих представителей они скупали пушнину у ясачных, служилых и промышленных людей. И только к началу XVIII в. на первое место стали выходить купцы из самой Сибири.

Безусловно, пушная торговля в Сибири приносила значительный доход. В 1630–1650-е гг. в Сольвычегодске и Великом Устюге годовая торговая прибыль у купцов, возвративших-

ся из-за Урала, равнялась 22–25 %. Относительно невысокий процент доходности объясняется многими издержками. Значительных средств требовали организация доставки грузов на дальние расстояния, обеспечение их сохранности, уплата налогов и пошлин, подношения представителям сибирской администрации и т.д.

В конце XVI – первой половине XVII вв. местных торговых людей, осевших в Сибири, было немного. Так, например, в 1645 г. на Верхотурье проживало только 2 купца. Но с середины XVII в. в связи с перерастанием ремесла в мелкотоварное производство постепенно увеличивается число лиц, выделившихся из товаропроизводителей, для которых торговля стала основным занятием. Так, в 1669 г. в Енисейском посаде насчитывалось 11 мясников, торговавших скотом, 3 торговца рыбой, 7 человек, занимавшихся мелочной торговлей, и 5 человек, которые вели широкие торги с выездом за пределы Енисейска.

Исходя из вышеприведенных фактов, можно сделать вывод, что в Сибири в это время наблюдалась тенденция к увеличению местных купцов и торговцев. Однако крупную торговлю контролировали купцы из Европейской России.

В указанный период наблюдается множество сходных черт в положении торгового и ремесленного населения. Торговые люди являлись жителями посада, имели определенную специализацию в продаже товаров, фактически не имели каких-либо льгот при переселении в Сибирь, основными их конкурентами были служилые люди.

§ 6. Гулящие люди

Специфической группой сибирского населения были «гулящие люди». По терминологии XVII в. под гулящим человеком подразумевался юридически свободный, дееспособный, незакрепощенный, обычно холостой, бездворный и лишенный собственных средств производства человек, оставшийся

вне крестьянских, посадских, служилых общин и государева тягла.

Средства для существования гулящие люди зарабатывали, в основном нанимаясь на какие-либо работы в Сибири. В частности, были случаи, когда гулящие люди работали в угодьях представителей местной родоплеменной знати. Они облагались со стороны государства налогами и податями. Размеры сборов с гулящих людей были невелики. Основным сбором был годовой оброк, его взимали с гулящих независимо от занятости их на какой-либо работе. Годовой оброк составлял четверть рубля, помимо него, в начале XVII в. гулящие люди вносили «рублевую» пошлину в размере 5 % от уговорной платы за работу.

Численность гулящих людей в изучаемый период определить фактически невозможно в силу высокой социальной и территориальной мобильности. К началу XVII в. в Верхотурье их было настолько много, что верхотурскому воеводе велели набрать из них 50 человек на службу в Сургут, а в следующем году такое же количество в Томск. По очень приблизительным подсчетам, в конце первой четверти XVII в. в городах Западной Сибири учтенных гулящих людей было 175 человек, или 2,8 % от русского населения, или 0,3 % от всего сибирского населения.

Несколько причин обусловили массовый приток гулящих людей в Сибирь. Первая причина – это несколько неурожайных лет, в результате которых разорились многие крестьяне из европейской части России. Вторая причина заключалась в политической нестабильности в Российском государстве в «бунташном веке». Третьей причиной являлось усиление процесса закрепощения крестьян, которые в ответ на это в поисках воли бежали в Сибирь. Ко всему этому стоит прибавить открытие А. Бабиновым новой удобной дороги в Сибирь, которое способствовало миграции в нее переселенцев из центра Российского государства.

В конце XVI – начале XVIII вв. гулящие люди, несмотря на изначально маргинальное происхождение, внесли огромный вклад в развитие сибирского земледелия и пушного промысла. Их существование наиболее ярко свидетельствует о процессе складывания основных сословных групп в Сибири. Многие из них утратили маргинальность и влились в складывающиеся на территории за Уралом сословия.

§ 7. Коренное население Сибири

Значительную социальную группу в конце XVI – начале XVIII вв. составляли представители коренного населения Сибири. Автохтоны Сибири не были однородны по своему этническому и языковому составу. По классификации Б.О. Долгих (1904–1971), на территории Сибири в данный период к алтайской языковой семье относились этносы тюркской группы – алтайцы, енисейские киргизы, сибирские татары, телеуты, тафалары, тувинцы, чулымцы, шорцы, якуты; тунгусо-маньчжурской группы – нанайцы, негидальцы, ороки, орочи, удэгейцы, ульчи, эвенки, эвены; монгольской группы – буряты. Урало-юкагирскую языковую семью представляли народы самодийской группы – нганасаны, ненцы, селькупы и энцы; угорской группы – манси и ханты; юкагирской группы – юкагиры. На северо-востоке Евразии находились как ительмены, коряки и чукчи, относящиеся к чукотско-камчатской языковой семье, так и алеуты и эскимосы, составлявшие эскимосо-алеутскую семью. Особыми народами, не входящими ни в одну крупную языковую семью, являлись кеты и нивхи.

Помимо языка, коренные народы, разбросанные на бескрайних просторах Сибири, различались хозяйственно-бытовым укладом и общественным строем. Безусловно, с приходом русских существующий уклад жизни коренного населения значительно изменился. Причем чем теснее были хозяйственно-культурные связи автохтонного населения с русскими, тем значительнее были процессы трансформации.

Первым народом, с которым столкнулись русские при продвижении за Урал, были сибирские татары. Общая численность сибирских татар в XVII в. равнялась примерно 22 000. Спектр их хозяйственных занятий был достаточно широк – скотоводство, охота, рыбная ловля, примитивное земледелие, зачатки кожевенного ремесла. Среди сибирских татар существовала в значительной степени выраженная социальная дифференциация, а по уровню общественного развития они приближались к созданию государства. Они относительно быстро приняли «белого царя» в качестве верховного суверена и при первых русских острогах зачастую появлялись отряды служилых татар. Со второй половины XVII в. важнейшей тенденцией в быту сибирских татар стал переход к оседлости в связи с увеличением среди них числа земледельцев, что, безусловно, было связано с русским влиянием.

У соседствовавших с сибирскими татарами хантов и манси, представителей угорской группы урало-юкагирской языковой семьи, ведущими занятиями являлись охота и рыболовство, также под влиянием татар в отдельных родах занимались скотоводством и земледелием. Их общая численность в XVII в. примерно равнялась 16 000 человек. Основой общественного строя у хантов и манси был патриархальный род, состоявший из отдельных больших («юртов») и малых семей. Среди них существовала значительная имущественная дифференциация, выражавшаяся в появлении богатых и бедных. Нередким явлением в юртах хантов и манси были рабы-иноплеменники. В целом, общество хантов и манси находилось на стадии потестарного образования, в котором основным источником обогащения для формирующейся знати являлись межплеменные войны с соседями. С приходом русских в XVII в. у хантов и манси получает развитие пушной промысел, на основе которого строилась торговля с русским населением. Они достаточно быстро начали использовать в своем хозяйстве русские железные изделия, употреблять в пищу хлеб, надевать русскую одежду.

У коренных жителей севера Западной Сибири и полуострова Таймыр – энцев, ненцев и нганасан особую роль в хозяйственной жизни играло оленеводство, сочетавшееся с охотой и рыболовством. По подсчетам Б.О. Долгих, в рассматриваемый период их было около 15 285 человек. В отличие от хантов и манси, в конце XVI – начале XVIII вв. у ненцев, энцев и нганасан основу общественного строя составляла патриархально-родовая организация. Однако у отдельных групп нганасан существовали пережитки матриархата, а у других только наметились черты имущественной дифференциации. С приходом русских большая часть энцев, ненцев и нганасан была обложена ясаком, тем не менее некоторые группы родов, кочевавшие в глубинных районах, остались вне контроля царской администрации.

У северных тунгусских племен существовало два основных типа хозяйства: оседлое рыболовство с охотой и кочевое оленеводство. К первому типу относились «пешие» эвенки Охотского побережья, занимавшиеся также морским зверобойным промыслом, ко второму – эвены, кочевавшие по соседству. Особый тип хозяйства сложился у «конных» эвенков Забайкалья. Они держали крупный рогатый скот (коров и лошадей) и одновременно занимались охотой.

В зависимости от района расселения у тунгусских племен ведущее место занимала разная техника изготовления орудий. У тунгусских племен, находившихся на северо-востоке, преобладали орудия из камня и кости, а у их сородичей на юге была распространенаковка железа. Они уже активно использовали металлические орудия труда.

Тунгусы являлись одним из самых многочисленных коренных народов Сибири. Их общая численность в XVII в., по приблизительным подсчетам, была чуть больше 36 000 человек. Общественный строй внутри тунгусских родов различался. Отдельные группы эвенков и эвенов находились на разных стадиях патриархально-родовых отношений. На наиболее вы-

сокой ступени находились «конные» эвенки, у которых существовало патриархальное рабство и наиболее ярко было выражено имущественное расслоение.

Во второй половине XVII – начале XVIII вв. важную роль в жизни эвенков и эвенов играла торговля с русскими. Причем о значимости этой торговли красноречиво говорится в одном из текстов их челобитной «...и мы де на те соболишка для своих нуж с ясачными сборщики на муку ржаную и на котлы и на топоры и на ножи и на железо прутовое торгуем, для тово что де тех товаров у нас иноземцов в нашей земле нет. И купить негде; а только де нам тех товаров не купить и нам де великих государей ясаку промышлять не на чем и помереть де нам годную смертью».

По соседству с тунгусами вели свое хозяйство якуты. Численность якутов в изучаемый период равнялась примерно 28 000–29 000 человек. Их основным занятием было разведение лошадей и крупного рогатого скота, в северных районах среди якутов было развито оленеводство. Вспомогательными хозяйственными занятиями якутов были охота, а также отдельные виды домашних ремесел, среди которых наивысшего уровня достигло кузнечное ремесло. С приходом русских якуты перенимают у них навыки обработки земли и активно заимствуют сельскохозяйственные орудия труда. Первые попытки якутов завести собственное земледелие относятся ко второй половине XVII в.

В конце XVI в. якуты находились на поздних этапах патриархально-родового строя, на грани перехода к классовому обществу. При этом с приходом русских в 1630–1650-е гг. в якутском обществе, по мнению Г.П. Башарина, активно начались процессы зарождения феодальных отношений, выразившиеся в эксплуатации представителями местной знати их собственных сородичей.

На севере Восточной Сибири кочевали племена юкагиров. Русские XVII в. делили юкагиров на «пеших», занимавшихся

охотой, рыболовством и передвигавшихся на собаках, и «оленных» юкагиров, основу хозяйства которых составляли оленеводство и охота на диких оленей. В основном юкагиры использовали каменные (топоры) и костяные (стрелы) орудия труда.

Общая численность юкагиров, по подсчетам Б.О. Долгих, достигала 4 775 человек. Общественный строй у юкагиров был патриархально-родовым с наличием значительных пережитков матриархата. Имущественная дифференциация отсутствовала, однако существовало патриархальное рабство. С приходом русских, помимо отношений господства и подчинения, были установлены и торговые связи.

На более низкой ступени общественных отношений, нежели юкагиры, находились жители Чукотки и Камчатки – чукчи, коряки, ительмены и эскимосы. Их примерная численность равнялась 29 000 человек. Береговые чукчи, коряки («сидячие») и эскимосы жили оседло. Они занимались охотой на морского зверя и рыболовством. «Оленные» чукчи и коряки кочевали в глубине Чукотки, занимались оленеводством и охотой на диких оленей. Основными занятиями ительменов были охота и собирательство. По сути дела, все эти племена находились на стадии каменного века, так как пользовались каменными топорами, каменными и костяными наконечниками для стрел и т.д. Общественные отношения у этих народов характеризовались переходом от матриархата к патриархату. В силу неразвитости общественных отношений русские столкнулись со значительными трудностями в приведении этих народов «под высокую государеву руку». Данный процесс начался в конце XVII в. и растянулся почти на век.

Специфической, относительно небольшой (4 300 человек) этнической группой на северо-востоке были нивхи (гиляки), которые занимались рыболовством, морским и зверобойным промыслом и охотой. Пошив одежды из рыбьей кожи и звериных шкур, изготовление из железа орудий охоты, рыболовства, утвари, орудия являлись основами ремесленными занятиями у

нивхов. Известно, что они делились на патриархальные роды и имели выборных старейшин.

В конце XVI – начале XVIII вв. своеобразный хозяйственный комплекс сложился у бурятов. По виду хозяйственных занятий бурят, общая численность которых в XVII в. примерно равнялась 27 000 человек, можно разделить на две группы. Первая группа – это западные буряты, осевшие на территориях Предбайкалья, занимавшиеся скотоводством полуоседлого типа, заготавливающие корма на зиму. У восточных бурят, которые составляли вторую группу, преобладало кочевое скотоводство. Помимо скотоводства, буряты занимались примитивным земледелием. Они сеяли просо, гречу, ячмень. Буряты добывали железо и изготавливали из него металлические украшения для одежды, сбруи, ножи и оружие.

Общественные отношения бурят были патриархально-феодалные. Среди бурятских родов существовала достаточно разветвленная иерархичная система подчинения. Буряты часто нападали на соседей, которые попадали в зависимость и платили им дань. В «Бурятской правде» – своде родовых норм, записанных в 1693 г., закрепляется значительная социальная дифференциация в бурятских поселениях. Уже в XVII в. существовала отработочная форма эксплуатации бурятской знатью свободных неимущих рядовых общинников. За право на выпас скота «улусные люди» пасти стада владельцев пастбищ и обрабатывали продукты скотоводства.

Принятие русского подданства в целом благотворно сказалось на жизни бурятских родов. Во-первых, исчезла опасность истребления бурят со стороны воинственных монгольских племен. Во-вторых, прекратились постоянные войны между бурятами и эвенками. В-третьих, буряты начали перенимать навыки русских земледельцев, что увеличило общее количество землепашцев.

В целом, коренные народы Сибири занимались традиционными видами хозяйственной деятельности с условием уплаты

в казну ясака – своеобразной формы дани, превратившейся в XVII в. в феодальный налог-ренту, уплачиваемый местным населением в пользу государства. Ясак платило все взрослое мужское трудоспособное население в возрасте от 18 до 50 лет. К концу первой четверти XVII в. численность ясачных равнялась 10 803, в начале же XVIII в., по приблизительным подсчетам Б.О. Долгих, ясак в пользу «белого царя» платили около 40 000 человек.

Государство стремилось выступать в роли покровителя «ясачного» населения. Сибирским «ясашным иноземцам» запрещалось играть в зернь, заключать земельные сделки. «В береженьи их (коренных жителей. – А.Х.) от кабального холопства» купцам, промышленникам и в ряде случаев сборщикам ясака нельзя было въезжать в иноземные «волости», «землицы» или селиться на «породных землях». Воеводам наказывалось «иноземцев всяких родов», которые «к пьянству озадорятся, унимать и не допускать к питейным заведениям», а также беречь их «ото всяких торговых людей... чтоб их не продавали и старых своих долгов без наших грамот и произволом не правили и насильства и убытков не чинили».

Восприятие местных жителей русским населением не сопровождалось состоянием «культурного шока», отсутствовали следы рефлексии этнической, хозяйственной «инаковости» «сибирских инородцев».

О тесных контактах местного сибирского населения с русскими и вхождении их в состав формирующегося сибирского сообщества говорят их участие в организации сибирской пашни, включение в число служилых людей, активная меновая торговля, выплата ясака.

По приблизительным подсчетам, общая численность коренных народов в Западной Сибири к концу первой четверти XVII в. составляла 43 318 человек, или 85,4 % от сибирского населения. С присоединением Восточной Сибири в начале XVIII в. численность коренных жителей равнялась примерно 160 000

человек. Однако к этому времени на территории Сибири уже преобладало русское население и коренные народы составляли 30 % от общего числа сибирских жителей.

§ 8. Основные типы русских поселений

Для создания полной картины социально-экономического развития Сибири необходимо рассмотреть основные типы первых русских поселений в Сибири.

В последней трети XVI – начале XVIII вв. ведущую роль в процессе колонизации Сибири играли города. Сибирские города имели ряд особенностей, отличавших их от аналогичного типа поселений Европейской России. Изначально сибирский город делился на две части: «город», или, иначе говоря, «кремль», и «острог» – будущий посад, где селилась основная масса служилых и «жилецких людей». В отличие от европейских городов, сибирские города не являлись центрами торговли и ремесла. По сути дела, на начальном этапе освоения земель за Уралом города являлись большими деревнями, без искусственно измененной среды (не было мостовых, канализации и т.д.). В первой четверти XVII в. в сибирских городах мы видим ничтожный удельный вес ремесленников и фактическое отсутствие местных торговцев, их функции преимущественно выполняли служилые люди. Кроме того, наблюдается тесная связь сибирского города с сельскохозяйственной округой. У большинства горожан недалеко от городских стен была своя пашня, которую они из года в год обрабатывали. Во многом эти особенности сибирских городов обуславливал тот факт, что изначально они закладывались государевыми служилыми людьми не для того, чтобы стать центрами торговли и ремесла, а для закрепления русской власти на новой территории, то есть выполняли военные и административные функции. Таким образом, за Уралом можно выделить особый тип русских городов. Города являлись опорным пунктом государственной

власти, обладающим специфическими чертами, способствующими их выживанию, становлению и развитию в условиях особой этнической и геоклиматической среды.

Единственным исключением в Сибири была Мангазея. Ее основали русские промышленные и торговые люди как центр пушной торговли еще до прихода в эти места представителей государственной власти. Следовательно, за всю историю существования она являлась атипичным сибирским городом, так как была создана по частной инициативе, в силу климатических условий не имела тесных связей с аграрной округой, являлась центром пушной торговли и ремесла. Как показала дальнейшая история Мангазеи, город, основанный по европейскому пути образования городов, пришел в упадок и запустение. В других же сибирских городах в изучаемый период наблюдалась тенденция к постепенному отходу от их восприятия как исключительно оборонительных сооружений и приданию им все большего числа социально-экономических функций.

Особым типом русских поселений являлись остроги. При некоторой схожести функций острогов и сибирских городов в изучаемый период это были не тождественные населенные пункты. Изначальное различие между ними лежало на этапе строительства крепостных укреплений, из которых выбирали либо «городни», либо «острожья». В дальнейшем же город стал центром сельскохозяйственной округи, а острог во многом так и остался военным оплотом государственной власти в Сибири. Например, в приказной документации начала XVII в. четко прослеживается закрепление наименования города за Тобольском, Тюменью, Верхотурьем, а острога – за Кетском, Нарымом и Туринском. Различались они и по составу населения, если в городе жило преимущественно постоянное население, то в острогах несли службу годовальщики. При этом со временем острог мог как превратиться в город, так и еще долгое время оставаться в своем первоначальном статусе.

Другим типом поселений была слобода. В XVII в. имели место два пути создания слобод. Изначально в Сибири слобода – селение, образованное при активном участии государства, привлекавшего крестьян для обработки сибирской пашни. В слободе находились подобие острога, церковь, двор приказчика, государевы амбары, а также часть крестьянских дворов. Возле слободы были расположены государевы десятины. Следует отметить, что в первой четверти XVII в. в Западной Сибири существовали только государственные слободы. Ярким примером государственной слободы в этот период является Ницынская слобода. Во второй четверти XVII в. по образцу казенных слобод начинают создаваться частные.

В непосредственной близости от городов и слобод находились деревни. В последней трети XVI – первой четверти XVII вв. они отличались малочисленностью населения. Название «деревня» не должно нас вводить в заблуждение относительно количества населения в ней. «Деревни» представляли собой участки земли, состоящие от одного до трех дворов, в редких случаях до 10 дворов, которые принадлежали большей частью одному семейству. Расширение деревень происходило вследствие естественного прироста населения или поселения в них новоприбранных крестьян.

В последней трети XVI – начале XVIII вв. в относительной близости от городов и слобод находились «починки», «заимки» и «отъезжие пашни». Все эти термины в большей мере применимы к землепользованию служилых людей и крестьян. Ими именовались пашни, находящиеся на значительном расстоянии от города. Особое распространение подобный тип запашки получил в первой четверти XVII в. Например, в Туринске все 7 стрельцов, имевших пашни, пахали их «в розных местах из города наездом». Очень часто на месте многие из этих пашен превращались в деревни.

Наиболее специфическими поселениями являлись зимовья. Можно выделить следующие их типы: ясачные, корен-

ные промысловые, отъезжие зимовья, летние зимовья, рыболовные.

Ясачные зимовья первоначально основывались как опорные пункты продвижения русских промышленников в Сибирь для сбора ясака. Ясачное зимовье состояло из ясачной избы, амбара (или нескольких амбаров), «амантской», где держались заложники, погреба и разного рода укреплений. Обычно ясачные зимовья ставились рядом с удаленными от острога или города поселениями коренных жителей. В них в назначенное время прибывали русские сборщики ясака и плательщики из сибирских инородцев. Следовательно, в зимовьях служилые люди жили в течение нескольких недель, реже месяцев, весной и осенью. Некоторые из наиболее важных ясачных зимовий вскоре увеличились в размерах за счет прирезка оборонительного земляного пояса или специальной укрепленной площадки и стали называться острогами или имели двойное название остроги-зимовья.

Коренное промысловое зимовье представляло собой комплекс жилых и хозяйственных построек, как правило, объединенных одной крышей. Обычно такое зимовье имело покрытый двор, амбар, баню, собачьи гнезда. Их размеры различались в зависимости от объемов, профиля промысла и состава семей промышленника.

Лица, занимавшиеся добычей пушного зверя, в своем промысловом районе нередко устраивали еще отъезжие зимовья. Их располагали на «ухожеях», т.е. вдоль линий ловушек на расстоянии дня пути на собачьей упряжке. «Ухожеи» обычно начинались от коренного зимовья и шли в разных направлениях. Проверяющий ловушки промышленник останавливался в этих небольших срубных избушках размерами 2×3 м или 2×4 м, чтобы обогреться и дать отдохнуть собакам. Там же он оставлял шкуры добытых зверей, которые забирал на обратном пути в коренное зимовье. В одном направлении иногда ставили шесть-восемь отъезжих зимовий. Обычно же обходились двумя-тремя.

Некоторые отличия были в устройстве тех зимовий, владельцы которых больше занимались рыбной ловлей, нежели пушным промыслом. В первую очередь различались они составом «промышленного завода», т.е. специализированными помещениями и снаряжением.

Для сезонного отлова рыбы устраивались летние зимовья, которые по своему функциональному назначению напоминали крестьянские заимки.

В целом же, можно говорить об относительной неустойчивости за Уралом как статуса, так и расположения отдельных населенных пунктов. В исторических реалиях XVII в. очень часто под влиянием таких факторов, как близость к путям сообщения, наличие промысловых угодий, защита со стороны опорных укрепленных пунктов, военное противодействие со стороны коренных народов, местоположение русских поселений менялось. Так, например, Кетский острог был перенесен на новое место уже в первое десятилетие существования. Сложно точно определить и статус отдельных поселений. Так, например, после истечения льготы слобода превращалась в обыкновенное село или та же заимка с появлением постоянного населения незаметно становилась деревней.

Интересен и сам принцип расположения поселений в различных районах Сибири. На севере Сибири поселения располагались вдоль побережья рек, но на значительном расстоянии друг от друга. Такое расположение обуславливали в первую очередь особенности пушного промысла, требовавшие наличия значительных по размерам территорий для успешной охоты. Однако обязательным условием на северо-востоке являлась связь между поселениями по естественным дорогам – сибирским рекам. На юге русские населенные пункты сосредоточивались кучкой на сравнительно небольшом пространстве недалеко от сибирского города или острога. Данную закономерность определило то, что ведущим типом хозяйственной деятельности здесь являлось земледелие, не требовавшее зна-

чительной по сравнению с пушным промыслом территории. Непосредственную же близость к укрепленному пункту предопределило наличие опасности набегов кочевников юга Сибири. В районах развития как пушного промысла, так и земледелия одна часть поселений располагалась на значительном расстоянии друг от друга, другая же часть кучковалась рядом с острогами и городами.

Государство изначально воспринимало Сибирь как свою большую вотчину и распространяло на нее принципы управления вотчинным хозяйством. Намереваясь единовластно хозяйничать в зауральской окраине как корпоративный феодал-крепостник, центральная власть настойчиво ограничивала, а позднее прямо пресекала попытки российских дворян, сибирских монастырей и местной имущей верхушки создать там частнофеодальное хозяйство. На огромной территории с неодинаковыми природно-климатическими условиями, предопределившими наличие разных видов хозяйственной деятельности, для жителей Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. была характерна как высокая горизонтальная, так и в некоторых случаях территориальная мобильность, впрочем, присущая всем обществам, находящимся на стадии формирования. Поэтому московским властям не удалось в чистом виде распространить систему государственного феодализма в форме казенного крепостничества на территорию Сибири, где одновременно, пусть и в неявных формах, существовали свободный мелкокрестьянский, частнокабальный, казенно-крепостнический уклады, и даже у некоторых коренных народов социально-экономические отношения, свойственные первобытному обществу.

Многоукладность, в свою очередь, определила различия между сословной принадлежностью и социальной сущностью. В Западной и впоследствии в Восточной Сибири сословное

происхождение часто не совпадало с сословной принадлежностью, что было для европейской части России нонсенсом.

В этих условиях в конце XVI – начале XVIII вв. происходило становление социальной структуры русского и коренного сибирского населения за Уралом. В ней доминирующими в Сибири социальными группами являлись служилые люди, крестьяне и промысловики, незначительную роль играли местные ремесленники и торговые люди. Определенное влияние на формирование сибирской социальной структуры оказали поморские традиции, потому что основной поток переселенцев двигался за Урал из данного региона Российского государства. Например, они перенесли принципы общинной организации в сибирскую деревню и посад, на основе которых строились особые отношения, присущие сибирскому сообществу.

Отличительной особенностью Сибири выступило многообразие типов поселений первых сибирских жителей. Скорее всего, выбор того или иного типа поселения определялся наибольшей целесообразностью приспособления к сложившейся хозяйственной и военно-политической ситуации в конкретной местности. Главным же результатом процесса формирования нового сообщества стало не уничтожение местного сибирского населения, а органичное вхождение его в сословную структуру Российского государства. Следовательно, в Сибири складывались идеальные условия для формирования иного в региональном плане сообщества, позже самоидентифицировавшегося как сибиряки с некоторыми особенными чертами российского характера и ментальности.

Вопросы для закрепления

1. Какие категории промышленных людей выделялись в пушном промысле в конце XVI – начале XVIII вв.? В чем заключались особенности каждой категории?
2. В чем заключалась специфика социально-экономического положения представителей местной администрации в Сибири?

3. Какие особенности формирования контингента сибирских служилых людей вы знаете?
4. Почему служилые люди в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. активно занимались хозяйственной деятельностью?
5. Какие льготы предоставлялись крестьянам при переселении за Урал в конце XVI – начале XVIII вв.?
6. Какие обязанности выполняли первые сибирские крестьяне в конце XVI – начале XVIII вв.?
7. В чем заключалась специфика крестьянского землепользования в Сибири?
8. В чем заключалась специфика социального положения сибирского посадского населения?
9. Какие сходные черты можно выделить в положении посадских и торговых людей в Сибири?
10. Кто такие гулящие люди? В чем заключались особенности их социального положения в Сибири?
11. Какие особенности общественного строя вы можете выделить у коренных народов Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.?
12. В чем причина многообразия типов первых сибирских поселений?

Список рекомендуемой литературы

1. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начало XVIII вв. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. С. 59–171.
2. Быконя Г.Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII – XVIII вв.: материалы к спецкурсу и спецматериалы. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1979.
3. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр развивающего обучения, 1998.

4. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII века. Новосибирск: Наука, 1990. С. 273–293.

5. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. С. 25–80.

6. Воробьева В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск: СО РАН, 1975. С. 20–39.

7. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 55. С. 20–614.

8. История Сибири с древнейших времён и до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в эпоху феодализма. С. 61–108.

9. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII веке: земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Наука, 1965. С. 28–67.

10. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982. С. 88–142.

11. Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М.: Просвещение, 1990. С. 78–86.

12. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири в XVII веке. Новосибирск: Наука, 1988. С. 26–198.

13. Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII веке. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1974. С. 53–194.

14. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука, 1972. С. 57–320.

15. Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк / отв. ред. В.В. Бунак, М.М. Золотарева. М.: Наука, 1973. С. 7–32.

16. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1978. С. 49–152.

17. Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1980. С. 9–60.

18. Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск: Сова, 2004. С. 28–201.

19. Хромых А.С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI – первая четверть XVII века): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2012. С. 143–179.

20. Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1983. С. 83–120.

21. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири: XVII век. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 358–424.

ГЛАВА VI

УПРАВЛЕНИЕ СИБИРЬЮ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

§ 1. Центральные органы управления Сибирью

В Сибири с конца XVI по начало XVIII вв. сложилась сложная и специфическая форма организации органов центральной и местной власти.

С началом присоединения Сибири к Российскому государству ее делами занимался Посольский приказ. Такая ведомственная подотчетность исходила из реального положения дел: московское правительство понимало, что земли за Уралом еще не были неотъемлемой частью Российского государства. В это время хан Кучум был жив, его дети имели свои улусы и питали амбиции относительно возвращения сибирских пространств. Подведомственность Посольскому приказу также обуславливали значительные расстояния, отделявшие Сибирь от европейской части Российского государства, и малочисленность русского населения на ее территории.

Все коренным образом изменилось после битвы в верховьях р. Оби в 1598 г. Войско Кучума было разбито тарским воеводой А. Воейковым. Хотя Кучуму и удалось скрыться с поля сражения, но было захвачено все его семейство: «и детей его царевич и цариц его поимали». После этой победы территория Западной Сибири окончательно вошла в состав Российского государства. Посольский приказ, помимо управления Сибирью, ведал всей внешней политикой Российского государства и уже не справлялся с делами огромных, недавно присоединен-

ных и активно заселяемых пространств за Уралом. В 1599 г. управление Сибирью передали в ведение приказа Казанского дворца, который являлся не отраслевым, а территориальным центральным ведомством.

С открытием бескрайних пространств Восточной Сибири с 1 апреля 1637 г. начинает действовать во главе с князем Борисом Михайловичем Львовым Сибирский приказ – специальный орган, созданный для управления огромными территориями за Уралом. В 1670 г. Сибирский приказ перевели из Кремля на Новый гостиный двор в Китай-городе, где он и находился до своей окончательной ликвидации в 1760-х гг.

Сибирский приказ отличался от типичных областных приказов – четей, которые в основном собирали налоги. В ведении Сибирского приказа находился широкий круг административных, финансово-податных, таможенных, военных и дипломатических вопросов. В частности, этот орган государственного управления назначал воевод и таможенных голов, занимался вопросами обороны Сибири и снабжения служилого населения, являлся верховной судебной инстанцией для русского и ясачного населения, осуществлял прием и хранение сибирской пушнины, руководил реализацией сибирской пушнины в Европе, а также ведал внешнеполитическими сношениями с Китаем, монгольскими, казахскими и калмыцкими правителями.

Во главе Сибирского приказа стоял судья (начальник) приказа. Эта должность считалась достаточно престижной, поэтому ее занимали представители виднейших родов московской бюрократии – Никита Иванович Одоевский (1643–1646), боярин и князь Иван Борисович Репнин (1680–1697), думный дьяк Андрей Андреевич Виниус (1697–1703), Федор Юрьевич Ромадановский (1704–1705). Судье Сибирского приказа подчинялись дьяки и несколько подьячих. Дьяки заведовали столами (отделами), подьячие выполняли канцелярскую работу. Также ежегодно для оценки, хранения и продажи пушнины при Сибирском приказе находились несколько выборных це-

ловальников и «купчин» – членов гостинной сотни, отбывавших казенную службу. Для обработки пушнины в Сибирском приказе были скорняки.

Структура вышеприведенных должностей Сибирского приказа, обуславливала отсутствие какого-либо единого принципа делопроизводства. Управлением Сибири ведали территориальные «столы», а реализацией пушнины и внутриприказными делами – функциональные подразделения приказа – расценная, купецкая и казенная палаты. Расценная палата ведала приемом и оценкой пушнины и других товаров; купецкая – «государевыми купчинами», торговавшими казенными товарами внутри страны и за границей; казенная – денежной казной. Непоследовательно проводился территориальный принцип в работе столов. Очень часто распределение дел между столами было случайным и не совпадало с принятым административным делением Сибири.

В таком виде, как государственный орган управления, Сибирский приказ просуществовал вплоть до губернской реформы 1708 г. После нее он потерял значение центрального государственного учреждения. Он превратился в Московскую канцелярию Сибирской губернии, а все его основные функции перешли к сибирскому губернатору. Реформированный орган ведал привезенной из Сибири пушниной и китайскими товарами, занимался их реализацией, а также выполнял поручения сибирского губернатора.

§ 2. Структура административно-территориального управления Сибири. Разряды

Основу административно-территориального деления Сибири, так же как и в России в конце XVI – начале XVIII вв., составляли разряды и уезды.

С 1587 г. административным центром Сибири стал Тобольск, который сохранял этот статус до 1764 г. Тобольский воевода считался старшим среди сибирских воевод. Вплоть

до начала XVIII в. тобольский воевода руководил всеми вооруженными силами Сибири, снабжением хлебом «непашенных» городов, обеспечением зауральских городов и острогов боеприпасами и вооружением, внешнеполитическими и торговыми сношениями с другими государствами.

К концу XVI в. официально сложился Тобольский разряд, в который к 1629 г. входили Березовский, Верхотурский, Енисейский, Кетский, Кузнецкий, Мангазейский, Нарымский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Томский, Туринский и Тюменский уезды. Затем из Тобольского разряда в 1629 г. выделяется Томский. Под его началом были объединены Енисейский, Кетский, Кузнецкий, Нарымский, Сургутский, Томский и Красноярский уезды. В 1638 г. Сибирский приказ принял решение учредить Ленский разряд, который фактически начал существовать с момента прибытия уездной администрации в острог в 1641 г. Во многом появлению этого необычного разряда, состоящего из одного Якутского воеводства, способствовали его громадная территория, равная чуть ли не половине всей Сибири, и наличие пограничных областей с немирными соседями. С 1648 г. этот разряд включал в себя Якутский и Илимский уезды. Фактически к середине XVII в. сформировался Енисейский разряд, однако официально он оформился чуть позже, в 1677 г. Он состоял из Енисейского, Красноярского, Нерчинского, Мангазейского, Албазинского и Иркутского уездов. Недолго, с 1687 по 1693 г., существовал Верхотурский разряд, в который входили Верхотурский, Пелымский и Туринский уезды. Вопрос о причинах его появления и упразднения до сих пор в современной сибиреведческой литературе ясен не до конца. Возможно, его создание было обусловлено необходимостью проверять имущество и деньги отправлявшихся в Европейскую Россию после службы тобольских воевод, которым до создания разряда верхотурские воеводы были подведомственны. По мнению Е.В. Вершинина, причиной упразднения разря-

да стало назначение в 1693 г. на должность тобольского воеводы родственника царя А.Ф. Нарышкина, который желал освободиться от контроля со стороны верхотурских воевод (интересно, что до 1693 г. верхотурскими воеводами были Г.Ф. Нарышкин и М.Г. Нарышкин).

Спектр полномочий и обязанностей разрядного воеводы был достаточно широк. Он обеспечивал оборону вверенной ему территории и распространял власть белого царя на новые земли. Разрядный воевода имел право мобилизовать военные силы из других уездов разряда. Также в его обязанности входило составление и пересылка отчетной документации за весь разряд, поэтому он мог требовать от уездных воевод своевременного предоставления отчетной документации по их уездам. В случае «нерадения» по службе разрядный воевода обычно делал выговор уездному, а в чрезвычайных случаях при наличии множества злоупотреблений ему предоставлялось право отстранить от должности и арестовать последнего. Правда, практика отстранения уездного воеводы от власти разрядным не получила широкого распространения, так как часто под началом провинившегося находился достаточно сильный воинский гарнизон. В случае же смерти уездного воеводы разрядный до присылки из Москвы нового воеводы назначал его приемником кого-либо из служилых людей. До 1635 г., а затем в конце XVII и в начале XVIII вв. разрядные воеводы назначали в уездные центры таможенных голов и выдавали им наказания. Однако во избежание воеводских злоупотреблений таможенная служба сохраняла относительную независимость. Независимость проявлялась в наличии права у таможенных голов непосредственно сноситься с Сибирским приказом. Сами же воеводы были обязаны осуществлять лишь общий надзор за деятельностью таможи. Таким образом, разрядные воеводы обладали широкой координирующей и контролирующей компетенцией. Они имели право отдавать распоряжения и указы уездным воеводам, но согласно «государеву указу», то есть

являлись проводниками политики центра в сибирских городах. Правительство с конца XVI по начало XVIII в. настойчиво проводило линию по усилению власти разрядных воевод, однако в этих условиях уездным воеводам удалось сохранить значительную самостоятельность.

Уездные воеводы должны были согласовывать свои действия с разрядным воеводой, который одновременно являлся главой одноименного разряда и уезда, а сам непосредственно отчитывался перед Москвой. Он имел право писать напрямую в Москву о важных делах с одновременным сообщением об этом разрядному воеводе. Важно подчеркнуть, что в конкретной ситуации степень подчиненности уездного воеводы разрядному была различной. Чины, родовитость, характер и волевые качества воевод, а также разное расстояние между соподчиненными населенными пунктами в каждом конкретном случае порождали множество примеров ссор и разногласий между уездными и разрядными администраторами.

В подчинении разрядов находились более мелкие административно-территориальные единицы – уезды. Уезды появились с конца XVI в. Уездная территория выделялась по системе русских военно-административных центров и крестьянских селений с учетом родоплеменной организации коренного населения и состояла из присудов, слобод, ясачных земель и волостей. Формирование уездов в Сибири шло последовательно по мере включения отдельных территорий в военно-административное поле Российского государства. В ходе колонизации Сибири шло выделение новых и разукрупнение старых уездов. Если в конце XVI в. насчитывалось 8 уездов, то к началу XVIII в. их стало 19.

Такое административно-территориальное деление просуществовало вплоть до образования в 1708 г. Сибирской губернии. В ней сохранялось уездное деление. Однако воеводы стали называться комендантами и назначались не центральной властью, а губернатором, которому были во всем подотчетны.

§ 3. Уездные воеводы в системе государственной власти за Уралом

В Сибири центральным звеном управления на местах являлся воевода с подчиненными им приказными избами, на которых возлагалось осуществление некоторых функций приказчиков крупного многоотраслевого вотчинного хозяйства. Управление сибирскими территориями из центра осуществлялось при помощи царских грамот и наказов, отправляемых местным воеводам. В них содержались предписания относительно строительства острогов, проведения военных экспедиций, сбора ясака, управления служилыми людьми, отношений с инородцами, организации торговли, заведения пашни, устройства соляных варниц, строительства дорог. При этом в силу отдаленного положения и быстро меняющейся обстановки воеводам рекомендовалось решать вопросы «смотря по тамошнему делу». Такая формулировка встречается уже в наказе от 1595 г. тарскому воеводе Ф. Елецкому: «дела делать, и смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государю прибыльнее».

С конца XVI в. сибирские города обычно посылали двух воевод. В наказах, отправляемых за Урал, отсутствует четкое разграничение их полномочий, поэтому единственным объяснением необходимости наличия двух администраторов в сибирских городах, отдаленных от центра государства, является надежда правительства на их взаимный контроль друг за другом. Однако эта система была далека от совершенства, и очень часто взаимоконтроль перерастал в открытую вражду между представителями царской администрации, доходившую в некоторых случаях до открытого военного противостояния, от которого страдали жители первых сибирских городов. Например, в Мангазее в 1631 г. воевода Г.И. Кокорев, запершись в кремле, палил из пушки по посаду, где находился его оппонент А.Ф. Палицын со своими сторонниками. За четыре года

до этих событий, в 1627 г. вышел специальный указ, по которому перестали посылать второго воеводу в Верхотурье, Тюмень, Березов и Сургут. С середины XVII в. второй воевода остается только в разрядных городах.

Однако со второй половины XVII в. увеличивается количество назначений вместе с отцом и сына в качестве официального товарища воеводы. Таким образом, утверждался принцип единоначалия в местном управлении, когда центральное правительство, отказываясь от традиции двух соадминистраторов в одном городе, использовала изживавшие себя принципы местничества – наследственного права на занятия должностей.

Воеводскую администрацию представляла приказная изба, в штат которой входили подьячие «с приписью», подьячие, ведавшие делами столов (ясачный, денежный, хлебный), переводчик-толмач, сторож и палач. В основу раздела дел между столами приказной избы был положен функциональный принцип.

Воеводе подчинялись стрелецкие, казачьи и татарские головы, а также «ротмистры» (командиры полков «иноземного строя»). Все они непосредственно управляли воинским гарнизоном города или острога. С посадской общиной воевода взаимодействовал через мирских и цеховых старост. В удаленные острожки, слободы и зимовья воевода назначал приказчиков, в основном из детей боярских. По сути, такой приказчик являлся «воеводой в миниатюре». В сельские поселения воеводы назначали особых приказчиков пашенных крестьян, причем за назначение на данную должность сибирские администраторы брали деньги, а попытки обойти воевод вызывали активный протест последних. Например, в 1656 г. тобольский воевода князь А.И. Буйносов-Ростовский жаловался в Сибирский приказ о неком Андронике, получившем грамоту на управление Киргинской слободой в обход его. Таким образом, в рамках вверенного ему уезда воевода являлся ключевым звеном, обеспечивавшим взаимодействие центральной и местной власти.

Среди многочисленных функций воеводы четыре являлись ключевыми – организация военных походов для приведения под высокую государеву руку «сибирских инородцев» и оборона сибирских городов, сбор ясака с коренных жителей, организация сибирской пашни и осуществление судопроизводства. Иногда уездные воеводы осуществляли дипломатические переговоры с соседними государствами.

С самого начала освоения Сибири на воевод возлагались функции сбора и учета ясака, реализация которых предполагала обеспечить стабильное поступление «мягкой рухляди» в казну. Воеводы занимались разграничением ясачных владений, лежавших на территории управляемого ими уезда. Они следили за тем, чтобы служилые люди не торговали «мягкой рухлядью». Первые сибирские администраторы осуществляли надзор за деятельностью «ясачных сборщиков», предполагавший оградить ясачное население от разного рода злоупотреблений. Воеводы отвечали за качество «мягкой рухляди», поступавшей в казну: «а мелочи худые, лоскутишков, собольих и кунных, и бобровых, и белых не имати».

При организации десятинной пашни воевода «верстал» или утверждал прибор приказчиками пришлых людей на пашню, определял размеры возвратной ссуды, подмоги, податных льгот, устанавливал или утверждал отработочную или оброчную форму и размеры крестьянского тягла. От имени правительства воевода осуществлял землеустройство крестьян – рассматривал челобитные об отводе угодий, через приказную избу проверял основательность земельных просьб, распоряжался выдачей земельных актов и визировал их. Воевода контролировал исправное несение крестьянского тягла и отвечал за него перед центральными органами власти. По закону только с его санкции допускались территориальные перемещения крестьян, сдача тягла и выход из крестьянского состояния. Значимость этих функций была отличительной чертой колонизации Сибири до середины XVIII в.

Важнейшей функцией воеводы являлось осуществление судопроизводства на местах. Уже с 90-х гг. XVI в. воеводы рассматривали гражданские и уголовные дела, в том числе и тяжбы местного населения, подведомственных им уездов. Кроме воеводской администрации, в ограниченном объеме судебными полномочиями обладали подчиненные ей приказчики острогов и слобод. Скорее всего, в Сибири XVII в. разным объемом судебных полномочий обладал разрядный и уездный воевода, но на данный момент этот вопрос малоизучен.

В зависимости от серьезности дела и тяжести преступления воеводский суд мог выступать в качестве первой или единственной инстанции. В условиях отсутствия четкого законодательного закрепления порядка прохождения дел по судебным инстанциям необходимость привлечения к осуществлению правосудия либо одного уездного воеводы, либо разрядного воеводы или аппарата Сибирского приказа обуславливалась спецификой рассматриваемых тяжб. Контроль над судебной деятельностью воевод возлагался на Сибирский приказ.

К особой группе относились политические дела, попадавшие к воеводе через многочисленные изветы по «слову и делу государеву». По этим делам воевода начинал следствие, но обязательно сообщал об этом в Москву. Даже если дело велось на месте, приговор по нему воевода выносить не мог, это была прерогатива Казанского, а чуть позже Сибирского приказа. Однако местные воеводы имели право выносить смертный приговор политическим ссыльным в Сибирь в случае повторного совершения ими «государева дела».

Также воеводский суд выступал в роли кассационной инстанции для суда приказчиков острогов и слобод. Он был единственной судебной инстанцией в Сибири до 1621 г., когда после образования архиепископской кафедры в Тобольске был учрежден церковный суд, но во многих случаях при проведении следствия, вынесении и осуществлении судебного приговора представители духовенства не могли обойтись без аппа-

рата воеводского суда. Например, для серьезных преступлений уголовного характера, подразумевавших серьезное наказание, церковь определяла меру наказания, а затем передавала светскому суду. Дела, подлежавшие рассмотрению сибирскими архиереями и десятильниками (светские приказные лица тобольского архиерейского дома), определялись по двум признакам: по составу преступления (богохульство, вероотступничество, колдовство, оскорбление духовного сана, супружеские измены, разные сексуальные извращения) и по ведомственной судебной принадлежности конкретных лиц.

Положительной спецификой воеводского судопроизводства являлось быстрое вынесение решений и отсутствие волокиты. Отрицательный момент проявлялся в субъективности принятия решений. В целом, в Сибири в последней трети XVI – начале XVIII вв. воеводский суд являлся оптимальным вариантом осуществления правосудия на местах.

Важно отметить, что воеводская власть в Сибири в качестве местной судебной инстанции была закреплена только с середины XVII в., то есть с принятия Соборного Уложения 1649 г. До этого времени наличие судебной власти у воевод фиксируется в отдельных нормах права. В формулировках наказов очень часто содержалась формулировка «по тамошнему делу для государевой пользы», что предполагало сочетание судебной, законодательной и исполнительной власти в одних руках.

Важной обязанностью первых сибирских воевод являлись принятие, распределение и надзор за ссыльными из Европейской России. Например, связанных с убийством царевича Дмитрия и виновных в беспорядках жителей Углича в 1591 г. сослали в Сибирь. Относительно дальнейшей их судьбы известно, что пелымский воевода посадил их на пашню: «да углечан 30-ть человек», и они работали там, согласно документальным известиям, до 1603 г. Параллельно сибирские воеводы были обязаны следить, чтобы ссыльные не распространяли «смуту».

На воеводу возлагались обязанности следить за состоянием правопорядка и нравственности во вверенном ему уезде. Он должен был бороться с корчемничеством, курением табака (до второй половины XVII в.) и азартными играми (картами и зернью).

Воеводы в Сибири принимали активное участие в организации строительства, ремонта и содержания сибирских городов и острогов. Также в их компетенцию входили набор в гарнизоны сибирских городов служилых людей и их ежегодный учет. Важной сферой деятельности воеводы были распределение административных поручений среди служилых людей и выдача им жалованья, а также распределение и учет запасов, поступавших из столицы.

На сибирских воевод возлагалось множество обязанностей, связанных с организацией сибирской торговли. В частности, к ним относились взимание различных пошлин и сборов, их учет, создание условий для комфортной торговли в сибирских городах, охрана сибирских торговцев.

Осуществление военных, налоговых, карательных, хозяйственно-организаторских функций воеводами в конце XVI – начале XVIII вв. свидетельствовало о формировании аппарата управления, который базировался на административно-территориальном дворцово-вотчинном принципе, что являлось анахронизмом. Это придавало всем звеньям управления универсальный, а значит, во многом автономный характер, что провоцировало появление сепаратистских замашек у отдельных представителей сибирской администрации типа первого губернатора Сибири М.П. Гагарина или якутского разрядного воеводы И. Францбекова.

§ 4. Мирское самоуправление в Сибири

Взаимодействие государства с русским населением Сибири развивалось в условиях сословно-представительной монархии, состоявшей в нижнем звене из земских сословных объединений – общин, которые относительно самостоятельно

решали свои внутренние дела. Следовательно, с первых годов освоения Сибири воеводская приказная изба вынуждена была взаимодействовать с крестьянскими и посадскими общинами и с казачьим войсковым кругом.

Крупные социальные группы русского населения в Сибири делились на крестьянские, посадские миры и служилые уездные корпорации. Государство вынуждено было выстраивать гибкую и специфическую систему отношений с каждой из указанных социальных групп.

Несколько причин предопределило появление крестьянских, посадских и служилых общин за Уралом. Во-первых, необходимость коллективного решения хозяйственных проблем и совместной организации труда. Во-вторых, необходимость регулирования взаимоотношений между членами одной общины и между общинами. Следовательно, для этих целей из своей среды общинникам разрешалось выбирать старост, сотских и десятских. И, безусловно, самой важной причиной являлась необходимость выполнения государственных повинностей, так как в силу отдаленности и малонаселенности Сибири в ней еще не сложился разветвленный государственный аппарат. За Уралом в общинах активно насаждался принцип круговой поруки и выборные от общины – целовальники и старосты – выполняли функции низовых чиновников.

С самого начала русского освоения Сибири сельская община сохраняла первостепенное значение социального института, определявшего хозяйственную, общественную и семейную жизнь деревни. Известно, что уже в 1620-х гг. земельные угодья крестьянам-новопоселенцам отводились на целую общину, которая потом выделяла своим членам новые участки, когда старые пашни у них оказывались выпаханными, однако земельные переделы не являлись ведущей функцией крестьянской общины в Сибири. Основной функцией сибирской общины являлась защита сословных и хозяйственных интересов крестьян, поэтому ее осуществление иногда приводило к

борьбе общины с приказчиком или воеводой. Вместе с этим сельская община являлась звеном аппарата государственного управления за Уралом. Из крестьян-общинников выбирались житничьи, отвечавшие за сбор оброчного хлеба и средств на мирские расходы, мельничные, собиравшие деньги на помол зерна, и полевые, наблюдавшие за состоянием десятинных полей. При выборе человека к мирской службе действовал принцип круговой поруки, и в случае невыполнения обязательств перед государством страдал и выбранный, и выборщики. В случаях же злоупотреблений уездных администраторов у общины было право коллективного отказа от «воеводства». Функции третейского суда в конфликтах между местной властью и общиной выполнял Посольский, а затем Казанский и Сибирский приказы.

Сибирские крестьяне относились к государственной власти, исходя из политико-мировоззренческих взглядов черносошных крестьян Русского Севера. Крестьяне считали, что земля принадлежит русскому государю. Они подчиняются его власти, и поэтому обрабатываемой землей никто, кроме них, распоряжаться не может, а в случае спорных моментов – они могут коллективно отстаивать свое право на владение землей.

Как говорилось выше, первые сибирские города были тесно связаны с сельскохозяйственной округой. Это предопределило то, что первые городские общины в Сибири именуются в источниках не посадскими, а «жилецкими». Согласно определению историка-академика М.Н. Тихомирова (1893–1965), «жилецкие люди – это люди, живущие в городе, уезде, самостоятельные в хозяйственном отношении», то есть этим термином обозначаются и горожане, и жители сельской округи. Во многом этому способствовала малонаселенность Сибири, когда несколько населенных пунктов входили в одну общину и есть смысл говорить о сложной общине в Сибири. Эти смешанные по составу сибирские общины выполняли весь спектр функций посадских общин. Но вскоре с укреплением сибирского посада со второй

половины XVII в. в Сибири термин «община жилецких и оброчных людей» постепенно вытесняется термином «посадская община». Таким образом, община выделялась по сословному признаку, а не по территориальному.

Сотрудничество государства с посадским миром проявлялось в несколько иной плоскости. Для государства большее значение имела организация пашни, но торгово-ремесленное население обеспечивало казне сбор таможенных пошлин, помимо несения денежного оброка. Кроме того, поскольку многие из посадских были связаны с сельскохозяйственной округой и имели рядом с городом пашни, они платили натуральный оброк.

Посадские служили в целовальниках, головами в таможняках (отвечали за таможенные сборы на местном торге), в кабаках (ведали продажей вина и пива), хлебных и соляных амбарах (вели учет провианта), при пушной казне. Повседневная служба посадских людей, подкрепленная круговой порукой всей посадской общины в случае любой недостачи, делала возможным функционирование этих важнейших сфер государственной экономики и всего городского хозяйства. При этой ответственности общин государство не оказывало им такой помощи, как крестьянам. Однако посадский человек, как и крестьянин, находившийся в составе общины, чувствовал защиту от возможных притеснений со стороны власти. Через общину ему было проще отстаивать свои личные и хозяйственные интересы.

При всей зависимости службы сибирской посадской общины от потребностей феодального государства важно подчеркнуть и обратное: само государство не могло еще функционировать без квалифицированной каждодневной работы городских миров. Поэтому оно вынуждено было считаться и с самими этими мирами, и с их правом отправлять челобитные напрямую к царю, и с демократической процедурой выбора «всем миром» как общинных властей, так и лиц для несения подобных «государевых служб».

Наличие крестьянских и посадских общин, их активное участие в хозяйственной и административной деятельности свидетельствуют, что уже в XVII – начале XVIII вв. в Сибири сложилось и активно развивалось местное самоуправление.

Отношения войсковых общин-корпораций (казачьи круги) и государственной власти вскрывали слабость формирующегося административного аппарата, возникшую из-за отдаленности сибирских земель и отсутствия частнофеодального землевладения. Все это вынуждало русское правительство сохранить казачью организацию и считаться с ее традиционными формами. Необходимость в служилых людях заставляла правительство снисходительно отнестись к прошлому многих участников «смутных лет», а сложность ратной службы и бесконечные «посылки» позволяли ему надеяться, что подобный элемент не вернется к своему «воровству». В качестве одного из множества примеров можно привести историю П. Хмелевского, который в результате водоворота событий Смутного времени оказался в Сибири и сделал многое для освоения уральских просторов.

Подчиняясь воеводской власти, служилые люди пытались противостоять произволу власти, ожидая в этом случае, что царь может прислать честного и справедливого администратора. Казачье войско широко пользовалось правом обращения в Посольский, а затем в Казанский и Сибирский приказы, что было нужно центральной власти для изобличения местных воевод во всякого рода злоупотреблениях. Войско считало себя вправе иметь и отстаивать свое чисто профессиональное мнение о воинских делах – постройке и состоянии оборонительных сооружений, обеспеченности вооружением, тактике боя. Обычно для решения таких важных вопросов собирался «казачий (войсковой) круг». Так, в челобитных от 1611 и 1618 гг. служилые люди Сургута и Нарыма настаивали на переносе в более удобное место Кетского и Нарымского острогов. В Москве прислушались к их доводам и велели воеводам вместе с

челобитчиками «обыскивать» места для новых острогов. Специфические условия службы за Уралом требовали от казаков инициативы, способности быстро принимать самостоятельные решения в меняющейся обстановке без особого распоряжения из центра или от уездного воеводы. Поэтому не случайно войсковой круг имел свое весомое мнение о целесообразности, сроках и маршрутах походов.

Следует отметить, что организация служилых людей была достаточно самостоятельной. Одним из проявлений этой самостоятельности являлось право войска иметь свою «коробью», или «казну», то есть денежные средства, необходимые для нужд войска. «Коробья» формировалась путем складчины воинской добычи, части личных средств стрельцов и казаков. Эти средства использовались для подготовки войска к походу, оплаты расходов по государственным повинностям, помощи вдовам и сиротам погибших или получивших сильное увечье членов общины.

Другим проявлением относительной независимости сибирского войска стало право на самостоятельность в выборе командного состава. К мнению служилых о пополнении своей общины новыми членами, о служебной карьере военных, назначениях на новые должности прислушивались воеводы и чиновники Казанского, а впоследствии Сибирского приказа. Наиболее ярко это проявлялось в том, что на «выбылые» места верстали в первую очередь сыновей, братьев, племянников служилых людей. Также на протяжении всего XVII в. сохранялась традиция выбора на казачьи должности есаулов и атаманов. Назначение же на должности десятников, пятидесятников, сотников и перевод в дети боярские производились воеводским распоряжением, подтвержденным государевым указом из Сибирского приказа.

С усилением воеводской системы управления взгляды служилых на свое положение вступали в противоречие со взглядами непосредственных представителей власти. Это противо-

речие все сильнее проявлялось в повседневной жизни и вело к обострению социальных конфликтов.

В сословно-представительной русской монархии мирская организация и воеводское управление являлись двумя взаимодополняющими частями механизма власти. Сословные группы русского населения имели право обращаться к воеводе как с просьбами по частным вопросам, так и с предложениями по осуществлению власти на местах. Практика подачи воеводе челобитных от общин с просьбой защитить их интересы получила широкое распространение в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. Иногда воеводы сами проводили общий опрос населения о целесообразности осуществления серьезных мероприятий, касавшихся жизни всех жителей уезда. На территории Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. для миров сотрудничество с воеводой и приказами было одной из многочисленных функций, хотя и весьма важной. В свою очередь, в этом социально-го типа сотрудничестве государственная власть больше была заинтересована в фискальной, хозяйственно-организационной и распорядительной деятельности общин. Общей тенденцией взаимодействия государства и сибирских общин в течение XVII – начала XVIII вв. являлось превращение последних в низовой орган, ответственный за управление, поддержание правопорядка, выполнение всевозможных повинностей.

Отдаленность Сибири и специфический в основе своей стихийный процесс создания там постоянного русского населения способствовали стабильности такой системы местного управления, при которой верховная власть во имя прежде всего «государева интереса» вынуждена была соблюдать интересы мирских организаций и учитывать их при формировании классово-эксплуататорских установок центральной власти. Московское правительство нередко дистанцировалось от воевод, тем самым поддерживая верноподданнические иллюзии трудового населения, то есть осуществляла функции публичной власти.

§ 5. Коренные жители Сибири под властью Российского государства

С 90-х гг. XVI в. вплоть до начала XVIII в. выстраивалась система взаимоотношений власти с русским и коренным населением. В целом, отношения центральной власти с коренным населением сводились к трем аспектам: распространение русской власти на новые территории с коренными жителями; ясачные отношения; осуществление российской властью публичных функций в отношении «сибирских инородцев».

Российское государство, по мнению С.В. Бахрушина, во многом наследовало ордынские социокультурные традиции. Это нашло выражение в стремлении восстановить систему прежних даннических отношений поволжских и сибирских народов к Орде, на месте которой теперь оказалось Российское государство. Москва соответствующим образом выстраивает свои взаимоотношения с этими народами.

Уже в первые годы присутствия в Сибири русские воеводы, выполняя указы Москвы, с помощью военной силы приводили под «высокую руку белого царя» коренное сибирское население, которое не хотело добровольно подчиниться русским властям. В ответ на подобные действия автохтонные жители оказывали вооруженное сопротивление русскому господству. В документах того времени часто встречается четкое деление инородцев по отношению к государственной власти: «мирные», «немирные», «ясашные» и «неясашные».

С момента основания первых русских городов в Сибири им постоянно угрожала военная опасность. После походов Ермака и разгрома хана Кучума воеводой А. Воейковым в начале XVII в. «кучумовы дети», а затем познавшее «прелести» воеводского управления местное ясачное население оказывало вооруженное сопротивление русскому господству в Сибири.

В этом плане особенно следует отметить период Смутного времени. Так, в 1608 г. подняли бунт все ясачные люди Бе-

резовского уезда, во главе восстания стали кодские остяцкие князья Алачевы-Игичеевы, несмотря на то что они уже приняли христианство и в их земле Коде была построена церковь. Повторная попытка автохтонных жителей поднять восстание против русской власти в Сибири планировалась на 1612 г., но по неосторожности некоторых вогулов ее раскрыли.

Безусловно, ряд этих выступлений был связан с событиями Смутного времени в центральной части Российского государства. «Сибирские инородцы» узнавали об этом после частого принесения шерти быстроменяющимся на российском престоле монархам. Логику местного населения показывают слова вогула Темхорки: «Государя де на Москве нет, ныне де одни в Сибири воеводы, а людей русских мало во всех сибирских городах». В начале XVII в. большая часть коренных жителей желала вернуться в прежнее состояние или даже получить себе независимость.

В первые годы освоения Сибири положение автохтонного населения, по всей видимости, было более тяжелым, нежели во времена хана Кучума. В качестве доказательства данного утверждения можно привести отрывок из челобитной верхотурского казака, где говорится, что в 1612 г. «как в вогуличах была шатость и измена, хотели на наши сибирские города приходить войною, города сжечь, служилых людей перебить, а умыслили, чтоб им быть себе царством, как было при Кучуме царе».

С усилением ясачного режима в Восточной Сибири росло недовольство среди якутских, тунгусских и бурятских племен. Так, в 1639–1640 гг. в верховьях рр. Лены и Илима тунгусские племена побили ясачных сборщиков и отказались платить дань. В 1641 г. начатое верхоленскими тунгусами масштабное движение против русских, поддержали якуты. Во многом на выступление якутов против русской власти спровоцировал воевода П.П. Головин, распорядившийся переписать их скот с целью увеличения ясачного обложения. В феврале 1642 г. не-

сколько отрядов ясачных сборщиков под руководством Воина Шахова, Алексея Гнутого, Осипа Галкина, Остафия Михалевского, Григория Летнева были уничтожены тунгусами. В марте 700 восставших тунгусов предприняли неудачную попытку осады Якутского острога. В итоге П.П. Головину удалось привлечь на свою сторону часть местных князцов и разбить ослабленные силы мятежников.

В 1658 г. в ответ на произвол в сборе ясака приказчика Братского острога И. Похабова восстали буряты, кочевавшие рядом с Братским и Балаганским острогами. Однако восстание не охватило значительные территории, так как бурятские князцы приняли решение уйти на территорию Монголии, где прокочевали до середины 1660-х гг.

В 1670–1680-е гг. наиболее активное противодействие ясачным сборщикам оказывали тунгусы. В 1674 г. тунгусы Кандигирского и Челкагирского родов пытались захватить Баунтовский острог. В 1677 г. подняли восстание охотские тунгусы, пытавшиеся в 1678 г. захватить Охотский острог. В 1683 г. тунгусы уничтожили Ессейское зимовье, а в 1686 г. Тонторское зимовье. Значительный размах в 1684 г. получило восстание якутов и эвенков против представителей местной родоплеменной знати тайонов. Во многом подавить эти выступления русским удалось благодаря межплеменной розни коренных жителей Сибири.

В 1707 г. началось массовое восстание камчадалов против произвола служилых людей и казаков. Отправленный из Якутска отряд лишь только в 1709/10 г. смог усмирить восставших и построить разрушенный камчадалами Большерецкий острог.

В большинстве случаев противодействие местных жителей русскому господству было связано с произволом представителей государственной власти на местах. В целом же, основной тенденцией в государственной политике по отношению к автохтонным жителям являлось предоставление привилегий предста-

вителям знати коренных народов Сибири, а также сохранение за ними ряда управленческих функций в своих землях.

Представители «ясашных иноземцев» – «лутчие люди», если выражали желание, могли быть отпущены воеводой в Москву, для того чтобы предстать перед «царскими светлыми очами». Также «ясашных людей» одаривали «государевым жалованьем» и угощали «государевым угощением». Эти царские подарки были не только символом милости государя, его щедрости и великодушия, но также играли социализирующую роль, декларируя юридическое равноправие.

В последней трети XVI – первой половине XVII вв. русские власти в Сибири традиционно предоставили местной знати в соответствии с принципом местничества статус российских «служилых людей по отечеству». Например, в 1594 г. князю Игичею Алачеву и Онже Юрьеву были пожалованы в полное управление волости Васпалукук и Колпукулук. Таким образом, Москва, лишив суверенитета родоплеменную верхушку коренных жителей, тут же на иных основаниях делегировала им свои властные функции, включая фискальные и судебные, как это делал великий киевский князь в отношении местных славянских князей. Это приравнивало их к российским феодалам раннеклассового типа. Главной обязанностью кодских хантов было их участие в походах, предпринимаемых русскими против их иноплеменных соседей, и в основании острогов. Остальных хантов, потомков более слабых соседей, поголовно обязали платить ясак как признак подчинения роду Алачевых. Местные князья, получившие такой иммунитет, опиравшиеся на силу русского оружия, считали вправе подвергать чрезмерной эксплуатации своих сородичей. В челобитной от 1600 г. кондинские вогулы бьют челом царю и говорят: «... и ныне де жены их и дети, и сестры, и братья, и племянники у князя Игичея и у его людей в их волостях служат в холопах, и живучи де у него и у людей его, с работы и с нужи, и с голоду, и с наготы, и босоты в конец погибли». Русские власти вынуждены были

провести расследование, но все же изъять волости у князя не решились.

Во многом столь долгой истории правления местной династии в Коде (ее представители правили там до 1643 г.) способствовала крупная роль кодских хантов в деле присоединения Сибири. При содействии, а может быть, по инициативе князя Игичея, было завершено присоединение Пелымского княжества подчинением в 1594 г. Большой Конды, причем им были взяты в плен кондинский князь Агай и его семья. Им же было предпринято в 90-х гг. XVI в. несколько походов совместно с русскими в районы верхнего течения рр. Оби, Сургуты и Нарыма.

Представители местной знати очень быстро вошли в состав сибирской администрации и первыми из коренных жителей стали ощущать себя подданными Российского государства. В первые годы присутствия русских в Сибири некоторых инородцев, особенно представителей родовой знати, принимали на военную службу русскому царю. Обычно пленные князья и мурзы принимали христианство, и притом одни из них после крещения оставались жить в своих вотчинах, а другие переселялись в русские города и верстались в боярские дети. Так, например, в Пелыме в 1624 г. было семь боярских детей, и все они являлись выходцами из инородческих князей; такого же происхождения было несколько боярских детей в Тобольске. С одной стороны, это явление, наряду с активной военной помощью русским в подчинении соседей, было своего рода пэ-теновщиной – явлением социально-политическим, когда часть коренной знати переходит на службу колонизаторам и завоевателям. С другой стороны, данное сотрудничество было взаимовыгодным как для российской администрации, так и для местной знати и являлось проявлением своего рода классовой солидарности.

Особую ценность для Российского государства представляли сибирские пушные богатства, поэтому взимание ясака вы-

ступало основной формой взаимодействия между сибирской администрацией и местным населением. Российская власть, имевшая многовековой опыт усвоения на административно-политическом уровне иноэтнического влияния, законодательно санкционировала и использовала в своих целях традиционные обычаи народов Сибири. Шерть, аманатство и ясак, подтверждавшие принятие русского подданства, были институтами, привычными для сибирских «инородцев». Позиция московского правительства относительно взимания ясака была сформулирована следующим образом: «во всех сибирских городах воеводам и головам велено беречи того накрепко, чтоб сибирские земли ясашным людям насильства и убытков... и всем им велено льготить». Понимая, что Сибирь еще прочно не вошла в состав Российского государства, московское правительство в вопросе о сборе ясака с местного населения допускало множество послаблений.

Заинтересованность в регулярном бездоимочном поступлении в казну натурального ясака в XVI – XVII вв. присутствует не только в документах, непосредственно касающихся насаждения и ужесточения ясачного режима. Она повлекла создание правовой системы покровительства туземцам, направленной на сохранение их традиционных социальных и хозяйственных отношений, что отличало действия России от политики других колониальных государств.

Настойчивые предписания воеводам «беречь», чтоб ясачным «обид и насилства ни от кого не было», объяснялись в то время единственно заботой об интересах фиска: «...чтоб от того насильства они бы розно не разбрелися и наш бы ясачный сбор в том не залег».

Сам ясак предписывалось собирать «ласкою, а не жесточью», но в то же время «неоплочно и с великим радением, чтобы тот ясак и поминки из доимки выбрати, и ясашным бь людям в том жесточи не учинить». Разумеется, постоянные требования организовать сбор ясака «с радением, перед

прежними годами... с прибылью» практически сводили на нет действия тех правовых норм, в которых проводилась своеобразная защита ясачного населения, точнее, поддержка его платежеспособности.

Обычно ясак собирали при помощи местной знати. «Лучшие люди» доставляли его непосредственно в уездный центр, в иных случаях за ясаком отправлялись специальные сборщики. В качестве подтверждения внесенного ясака его плательщики получали отписи (расписки), в которых был засвидетельствован факт платежа.

В исключительных случаях местные жители полностью освобождались от ясака. Так, в 1599 г. по случаю восшествия на престол Бориса Годунова все тяглое население страны освобождалось на год от уплаты налогов, в том числе и автохтонные жители Сибири. Однако воеводы на местах многократно нарушали царские указы в отношении «сибирских инородцев» и, скорее всего, в своих интересах заставляли исполнять их многие поручения, что вызывало негативное отношение сибирского автохтонного населения к русской власти.

Первые воеводы встречали множество сложностей при ясачивании местного населения, особенно в 90-е гг. XVI в., когда хан Кучум продолжал сопротивляться. Нередко складывалась ситуация, когда один год местное население платило ясак русскому царю, а другой год албан выплачивался хану Кучуму. Это приводило к появлению в некоторых местах Сибири разорительного для коренных жителей института двоеданства. Наибольшее распространение в XVII в. институт двоеданства получил в приграничных зонах, где русские вели непрерывную борьбу с монголами и калмыками за право взимать албан или ясак «с порубежных областей» Томского, Кузнецкого и Красноярского уездов. Кое-где одержали верх кочевники, а в других местах русские; чаще устанавливался своеобразный синойкизм: монголы и русские то делят между собой полюбовно ясачных людей, то еще чаще путем договора устанавливают очередь в добыче.

На некоторых же территориях наблюдалась преемственность ясака. В южной части Западной Сибири, которая еще до прихода русских была завоевана монголо-тюрками, их обыкновения и приемы обложения были успешно заимствованы Российским государством, а ясак воспринимался автохтонными жителями как должное. Для обложения там воспользовались административными единицами, которые существовали до присоединения Сибири к Российскому государству. В ясачных волостях Тобольского и близлежащих уездов легко угадать «агарянские веси», входившие в состав прежнего Сибирского ханства, а ближайшими агентами при сборе ясака явились князьки и старшины, отцы и деды которых служили Кучуму. В бывших пределах собственно царства Кучума в основу деления на ясачные волости легли, по-видимому, те административные подразделения, которые и существовали в более ранние времена.

Помимо репрессивных мер, правительство использовало средства, чтобы привлечь коренное население Сибири «ласкою». Одним из инструментов осуществления этой политики служили подарки («государево жалованье»), которые выдавались ясачным людям «за ясачный платеж» в качестве известной премии. «Государево жалованье» дарилось как аманатам за добровольный призыв сородичей «к государевой милости», так и отдельным плательщикам непосредственно за уплату ясака. Подарки состояли из тех товаров, которые имели наибольший спрос среди нерусского населения. Кроме подарков товаром и хлебом, практиковалось угощение ясачных людей из казенных запасов. Запасы «на корм ясачным людям» посылались в дальние земли и зимовья.

По существу, выдача подарков, хлеба и угощения «за ясачный платеж» очень похожа на меновой торг. Местные жители приносят полагающиеся с них звериные шкурки и взамен «прошают» олова и одекуй. Ясачные сборщики, приняв ясак, выдают подарки, и коренные жители уходят восвояси. На не-

которых же территориях размеры ясака устанавливались всякий раз по соглашению, «договору» с «сибирскими инородцами». Такие могущественные и опасные плательщики ясака, как енисейские киргизы, могли настоять на тех размерах ясака, которые были им удобны; но чаще «договор» был фикцией, так как ясачные люди должны были подчиниться требованиям победителей.

В целом, система ясачных сборов в конце XVI – первой половине XVII вв. находилась на стадии формирования. Правительство на своем официальном языке различало два вида ясака – окладной и неокладной. При окладном ясаке заранее точно был зафиксирован размер дани, вносимый каждым отдельным плательщиком. Первоначально этот оклад рассчитывался по количеству шкурок, подлежащих взносу в казну. В первые годы колонизации Сибири, скорее всего, размер ясака строго не фиксировался. Он определялся исходя из возможностей местного населения. Так, во времена царя Василия Шуйского оклад пелымских манси был установлен в 7 соболей с человека; с подгородных и с куноватских хантов Березовского уезда ясак в начале XVII в. взимался по 5 соболей с человека и т.д.

В дальнейшем наблюдалась тенденция к увеличению размера окладного ясака. По справедливому мнению С.В. Бахрушина (1882–1950) и П.Н. Павлова (1921–1974), не было единого универсального размера ясака для территории Западной Сибири. В зависимости от природных условий в районах Западной Сибири устанавливались разные нормы сдачи ясака для «сибирских инородцев». Размер ясачного оклада на одного охотника в XVII – начале XVIII вв. колебался от 1 до 12 шкурок соболей. Так, в Енисейском уезде средний размер ясака равнялся 12 соболям, а у соседей тувинцев – 1 соболю. Ясачная политика Москвы была достаточно гибкой, так как во многих наказах говорится, что: «...с старых и с увечных, и с малых ребят, которые соболей в наш ясак добыти не могут, нашего ясаку сыскивая допряма, имати не велели». Правительство стреми-

лось максимально упорядочить сбор ясака, для этого воеводе вменялось в обязанность проводить перепись коренного населения и составлять ясачные книги, чтобы четко выяснить число людей, подлежащих обложению налогом и освобожденных от его уплаты. В этих книгах записывалось, сколько и в каком году сдано ясака. Сибирским администраторам предписывалось «наш ясак имати по сибирским книгам».

Ясак принимали преимущественно собольими шкурками. Очень редко его брали рыбой, скотом, оленьими шкурами. К концу XVII в. по мере истребления соболей стали принимать меха лис, бобров и других пушных зверей, также разрешалась выплата ясака деньгами. Однако правительство с большим нежеланием относилось к переводу ясачных плательщиков на денежный оброк, так как было заинтересовано в поступлении в казну сибирской пушнины.

Наряду с ясаком как данью обязательной и принудительной, русские власти получали с сибирских местных жителей якобы добровольные «поминки», соответствующие древнерусскому «дару», состоявшие из пушнины, рыбы, строганины. Первоначально «поминки» не являлись обязательной повинностью для «сибирских инородцев», но всемерно поощрялись московскими властями. Подношения и подарки были адресованы «государю» и самим воеводам, дьякам, сборщикам ясака. Следует отметить, что очень часто воеводы злоупотребляли этой традицией коренных жителей. Не случайно уже в 1599 г. выходит наказ тобольскому воеводе, запрещавший брать в свою пользу царские поминки. В своем чистом виде подарки, взамен которых дарящий рассчитывает получить соответствующие ценности – «отдарки», были представлены в Мангазейском уезде. Ежегодно некоторые самоедские князья платили по одному «поминочному» соболу. Очевидно, этот первоначальный добровольный дар, почетный подарок суверену, впоследствии правительство превратило в принудительный дополнительный сбор, который включался в обязательный размер ясака.

В конце XVI – первой половине XVII вв. имела место практика эпизодических наездов за ясаком при точно не установленной подведомственности тому или иному воеводству (городу) целых ясачных районов. Вооруженные столкновения между собой отдельных отрядов ясачных сборщиков – агентов власти царя – подрывали в глазах сибирских инородцев законность и авторитет центральной администрации. Возможность различных злоупотреблений, от которых страдали прежде всего ясачные люди, платившие ясак в двойном или даже тройном размере с применением в случае сопротивления «жесточи», только усугубляли это восприятие. Например, в 1602 г. произошло столкновение между сургутскими и мангазейскими властями. Причиной столкновения стало желание сургутского воеводы Я.П. Борятинского собрать ясак с мангазейских ясачных людей, которые уже платили ясак в Тазовский городок (Мангазею). В ответ на жестокое обращение остяки подняли бунт и «изменили», отказавшись платить ясак.

В целом, ясачные отношения являлись основой взаимодействия государства с коренными сибирскими жителями и во многом способствовали сохранению автохтонного населения при условии его покорности. До середины XVII в., по сути, ясак на большей части территории Сибири не отличался от дани, которую выплачивали слабые племена более сильным своим соседям, от которых зависели до прихода русских. Со второй же половины XVII в. в Западной и частично в Восточной Сибири ясак превратился в ренту, выплачиваемую коренным населением за право пользования землей и угодьями. При этом своевременная уплата ясака гарантировала коренным жителям защиту их имущества и прав личности со стороны Российского государства.

Взаимодействие русской власти с «сибирскими инородцами» не ограничивалось только ясачными отношениями. Механизм вхождения «сибирских инородцев» в состав Российского государства определяли три фактора. Первый – осознание не-

возможности успешно сопротивляться русскому господству. В полную силу этот фактор начал действовать после разгрома русскими сил хана Кучума – бывшего властителя Сибири. Второй – способность русских защитить местное население от набегов представителей потестарного типа политических образований с юга, которые являлись грозной силой на военно-политической карте Сибири. Третий фактор – это потребность в относительно независимом арбитре при решении местных споров. Исходя из двух последних особенностей, можно признать, что публичные функции государства играли важную роль на сибирской окраине. С момента принятия «сибирскими инородцами» подданства государство брало на себя функцию защиты их от внешних врагов, так же как и в отношении других подданных, обязывая воевод «оберегать Божьих и нашего Великого Государя православных христиан и иноземцев» от набегов соседних народов, чтоб им «какого внезапну разорения и убойства не учинилось». Воевода, приступавший к исполнению должностных обязанностей, давал «лутчим людям» из «иноземцев», равно как и представителям русских служилых, торговых, городских людей, официальное заверение от имени царя – «государево жалованное слово». Эта церемония имела значение не просто формально-этикетного события, но и являлась символическим подтверждением безусловной «включенности» коренных жителей Сибири в структуру государства в качестве полноправных подданных. Во многих случаях в глазах автохтонного населения русский царь выступал в качестве защитника и высшей инстанции для решения споров с соплеменниками. Так, в ответ на челобитную кондинских вогулов Борис Годунов в ответной грамоте от 1600 г. распорядился: «... и впредь бы князь Игичевы люди в Большую Конду воровски не ходили, и вогулич не били, и жон, и детей, и людей не имали, и насильства им никоторого не чинили».

На основе челобитных коренного населения заводились сыскные дела, и если обвинения подтверждались, то часть

имущества виновных «доправлялась» на челобитчиков, и последним давали льготу в ясаке с характерным объяснением такой компенсации: «за его терпение, что его издержали на Руси». Заметим, что жалобы подаются на действия и родовой знати, и других ясачных.

Для решения споров среди коренных жителей существовал также воеводский суд на местах. Однако решения по большинству судебных дел принимались на основе норм обычного права. Как правило, суд по мелким исковым и другим делам до 2 руб. вершила родовая знать. Судебные дела об исках от 2 до 10 руб. (с конца XVII в. – до 5 руб.) решал приказчик с представителями ясачных людей. Более крупные дела, а также криминальные (убийство, бунт) и тяжбы между ясачными и русскими относились к компетенции воевод. Стоит отметить, что при воеводском судопроизводстве с ясачных людей, в отличие от русских, предписывалось не брать судные пошлины.

В ведении сибирских администраторов также находились дела, связанные с «изменами» коренного населения «белому царю». В большинстве случаев центральное правительство неодобрительно смотрело на самоличное вынесение воеводой вердикта о смертной казни ясачных и его исполнение. Также 26 декабря 1695 г. вышел указ, запрещающий местным органам власти пытаться ясачных «без ведома государя», то есть без специального запроса в центр. Таким образом, в глазах чиновников центральных органов, управлявших Сибирью, значительно различалась ценность жизни объясаченных жителей и автохтонов, не вошедших в правовое поле Российского государства.

§ 6. Механизмы борьбы со злоупотреблениями сибирских воевод

Универсальность функций и известная автономность действий всех основных звеньев феодальной власти в специфических условиях Сибири с ее огромной удаленностью от центра приводили к небывалому произволу и злоупотреблениям, ко-

торые сами по себе были типичны для феодальной политической структуры. Особенно отличались присылаемые из России на срок от 2 до 6 лет в качестве воевод и письменных дьяков столичные чины – «служилые люди по отечеству» – князья, стольники, московские дворяне, стряпчие, чья власть была высшей инстанцией для местного населения в решении всех вопросов.

В реалиях XVII в. совсем «бескорыстное» исполнение обязанностей для самих сибирских администраторов считалось в какой-то мере нонсенсом. При всем многообразии воеводские злоупотребления можно свести к двум категориям: нарушение непосредственно государственных интересов и нарушение частных и общинных интересов разных слоев населения, их миров.

Механизмом пресечения данных нарушений являлась подача разного рода челобитных от общин на представителей власти как в Тобольск, так и в Москву. Челобитной на имя царя оформлялась практически любая просьба мира. Воевода был обязан отправить челобитную в приказ, управлявший Сибирью. Иногда к челобитной прилагалось сопроводительное письмо воеводы, в котором выражалось его отношение к просьбе общины. Нередкой являлась практика отправки в Москву вместе с челобитной самих просителей.

При всем народном «легализме», постоянном и упорном подчеркивании своей преданности государю и государевым властям сословные миры считали вполне законным реальный отказ от подчинения «плохому» администратору с той самой минуты, как ему будут предъявлены обоснованные претензии «всей земли» и он откажется удовлетворить их. Отказ подчиняться непопулярному администратору обязательно оформлялся в письменной форме – отказной челобитной. Челобитная составлялась на мирской сходке и подписывалась членами общины. В подавляющем большинстве подобных челобитных содержалась просьба сменить воеводу до окончания срока из-

за серьезных злоупотреблений. В частности, по содержанию челобитных к таким злоупотреблениям со стороны воевод относились различные поборы, взятки, вымогательства, заведение собственных винокурен, недоплата служилым людям жалованья, попытки создания частнофеодального хозяйства, введение разного рода «изделий» в свою пользу, захват земель, незаконная организация пушного промысла и экспроприации в свою пользу пушнины у коренных жителей Сибири. Особенностью содержания обвинительных челобитных являлось обязательное присутствие мысли о том, что злоупотребления воевод наносят вред не отдельному человеку или всей общине, а государству в целом. Например, казнокрадство, связанное с недоплатой жалованья, снижает боеспособность войска, и следовательно, это «изменное» «государево дело». Не случайно, воевода, вопреки закону, предпринимал попытки задержать такую челобитную и составивших ее челобитчиков, используя всевозможные ухищрения и не останавливаясь перед прямым насилием.

Серьезная мирская жалоба на воеводу и его аппарат инициировала «сыск» и «обыск». Сыск проводили специально присланные из Москвы (иногда из Тобольска) «сыщики». Если обоснованность претензий мира признавалась, то «сыщики» могли сместить воеводу и занять его место или временно, или на весь срок. При этом сыск мог быть организован при смене новым воеводой старого. Только после разбора всех исков против старого воеводы, он мог отправиться на другое место службы или же оказаться в остроге. На практике мирские челобитные шли до Москвы достаточно долго, а срок власти воеводы был сравнительно недолгим, поэтому в большинстве случаев сыск по фактам, приводимым в челобитной, проводил приехавший на смену воевода. Примечательно, что в законодательстве XVII в. отсутствует дифференциация между обычными мирными челобитными и челобитными, отправленными в условиях открытого вооруженного противо-

стояния, квалифицируемого как «скоп и заговор». Это было связано с тем, что воевода обычно квалифицировал подачу челобитной как «скоп и заговор», а восставшие миры считали, что реализуют свое законное право пожаловаться на неугодного администратора.

Москва как носитель публичной власти в большинстве случаев становилась на сторону челобитчиков, и провинившиеся воеводы и приказчики подвергались наказаниям. Такая гибкая политика правительства предупреждала возникновение открытых бунтов, а проводимые сыски и следствия по поводу злоупотреблений воевод успокаивали население и показывали «царскую справедливость».

§ 7. Социальные конфликты

В некоторых случаях локальные столкновения коренных жителей Сибири, миров или представителей войскового круга перерастали в масштабные конфликты с воеводской властью. Одной из причин такого варианта развития событий являлся состав населения первых сибирских острогов. В Сибирь шли преимущественно лично свободные люди пассионарного склада характера, остро реагировавшие на несправедливость со стороны представителей власти.

В условиях острой нехватки людей и отсутствия сети разветвленных коммуникаций воеводская власть во многом находилась в зависимости от настроения служилых людей и посада. Не случайно застрельщиками всех городских восстаний являлись служилые люди. Среди них было не мало казаков с Украины и Дона, участников антиправительственных восстаний, которые не испытывали пиетета перед властью воеводы. Местами сильные войсковые круги и посадские общины могли рассчитывать на удовлетворение своих требований во время организованных выступлений, так как в Сибири не был сформирован сильный аппарат принуждения.

Первые социальные конфликты в Сибири относятся ко времени движения И. Болотникова. В 1608 г. томские воеводы М. Ржевский и С. Бартев самовольно присвоили часть жалованья служилых людей и пушнину ясачных. На мирской сходке была составлена по факту злоупотреблений челобитная. Обвинения, приведенные в челобитной, носили политический характер: «от Семенова воровства земли отложилися». Воеводы пытались не отпустить челобитчиков в Москву и даже обвинить их в «государевом деле». В конце концов томскому миру удалось добиться царского решения о смене воевод и проведении тщательного расследования по мирской челобитной.

В городе Пелым смуты и противостояние между миром и воеводской властью длились с 1608 по 1618 г. В 1608 г. против воеводы И.М. Годунова вспыхнул мятеж. Когда И.М. Годунов стал служилых людей от «воровства унимать», то один из них, сын боярский Исак Албычев «убил его до смерти».

В 1616 г. жители Пелыма восстали против государевых воевод И.Я. Вельяминова и Г.Н. Орлова. Поводом послужили проводимые воеводами конфискации мирских земель служилых и крестьян для собственного хозяйства, попытки уездных правителей наложить на тех и других оброки и отработки в свою пользу и всевозможные другие притеснения, включая взятки пушшиной. В результате конфликта между сибирскими администраторами и подвластным населением воеводы вынуждены были сидеть в осаде на своем дворе. Во время обороны воеводского двора восставшие служилые люди убили второго воеводу Г.Н. Орлова.

В 1624 г. «всяких чинов пелымские люди» написали в Тобольск челобитную «ото всего города», квалифицируя воеводское взяточничество И.М. Вельяминова как «государево» дело. С челобитной были направлены от мира двое стрельцов. В Тобольске воевода Юрий Яншеевич Сулешев переправил челобитную в Москву, а самих челобитчиков повесил в десятники и отправил их обратно в Пелым. Несмотря на это, в Пелыме продолжались писаться челобитные. Вскоре в Москве

оказалось не менее шести челобитных пелымских служилых людей и пашенных крестьян. 16 февраля 1625 г. государь, рассмотрев все эти жалобы, одобрил действия тобольского воеводы и распорядился по всем пунктам обвинений «сыскать всякими людьми накрепко». Исход следствия точно неизвестен, но в 1626 г. в Пелыме уже правил новый воевода – Иван Петрович Вердеревский.

В мае 1626 г. произошло восстание в Енисейске. Сначала служилые люди во главе с В. Алексеевым уклонились от похода против тунгусского князца Тасея. Затем 9 мая 1626 г. казаки захватили острог и осадили двор воеводы А. Ошанина. Через три дня стороны пришли к соглашению, согласно которому А. Ошанин обязывался «жесточи не чинить», а казаки должны были слушаться воеводу. По результатам сыска, который проводил отправленный из Тобольска Б. Аршинский, выявилось значительное количество злоупотреблений воеводы. А. Ошанин был отозван из Енисейска, а 10 енисейских казаков вместе с атаманом заточили в тобольскую тюрьму.

В 1629 г. поддержали выступления енисейцев и красноярские казаки. Войсковой круг красноярских казаков в пику воли воеводы принял и осуществил решение о самовольном походе на Ангару.

Особо следует выделить городское восстание в Мангазее, так как ведущей движущей силой в нем являлись не служилые, а промышленные люди. В ходе противоборства мангазейских воевод Г.И. Кокорева и А.Ф. Палицына в 1631 г. посадский мир, состоявший преимущественно из промышленников, неоднократно призывал носителей государственной власти примириться, а затем решительно принял сторону А.Ф. Палицына. С февраля по май 1631 г. продолжалась осада острога, где заперся Г.И. Кокарев вместе со служилыми людьми. В июне 1631 г. с открытием навигации промышленники уехали в Туруханское зимовье для подготовки к новому сезону. Вместе с ними отправился и воевода А.Ф. Палицын.

Попытка томского воеводы И. Ромадановского сократить расходы на содержание служилых людей привела к крупному городскому восстанию в 1637 г. И. Ромадановский не только активно пытался заменять хлебное жалованье на земельный оклад, но и когда из Тобольска прислали хлебные запасы, воевода не передал их «войску», а отдал под контроль местных детей боярских и казаков. В 1638 г. служилые отправили челобитную в Москву и «отказали» воеводе от власти. К восставшим присоединились крестьяне, посадские и ясачные люди (остяки). Мятежники создали «круги и советы», которые управляли городом и уездом до 1640 г. После приезда нового воеводы репрессий по отношению к бунтовщикам не последовало, а все их требования удовлетворили.

Следующее крупное столкновение между служилым миром и воеводской властью произошло в 1641–1642 гг. в Красноярске. По известиям приказной документации, атаман Д. Злобин с казаками в съезжей избе «резал на смерть» воеводу А. Баскакова. Однако конфликт был замят и воевода остался на своем месте.

В 1642 г. началась «воеводская смута» в Якутске. Против первого воеводы П. Головина выступили второй воевода М. Глебов и дьяк Е. Филатов. П. Головин обвинил своих противников в деятельности по подстрекательству к «измене» якутов. В обстановке, накаленной до предела, по распоряжению П. Головина в Якутске в тюрьму заточили более сотни русских. Взрывоопасная ситуация в остроге существовала до смены воеводы в 1646 г. Причем, когда пришло известие о смене П. Головина, служилые люди готовы были убить воеводу, его людей и связанных с ним торговцев. Лишь заступничество новых воевод предотвратило кровопролитие.

Самое известное сибирское восстание произошло в Томске в 1648–1649 гг. Воевода О. Щербатов попытался сократить оклады хлебного жалованья служилым людям и увеличить объемы работ на десятинной пашне для крестьян. В ответ разразилось

восстание, к которому примкнул второй воевода И.Н. Бунаков. Объединившиеся силы служилых, посадских, крестьян и части ясачных остяков разгромили дворы зажиточных служилых людей, а О. Щербатова и его сторонников посадили в тюрьму. И.Н. Бунаков встал во главе приказной избы, но в своих решениях он опирался на решения посадских и служилых общин Томска. При этом мятежники исправно исполняли «государевы службы»: собирали ясак и налоги, вели переговоры с «немирными» инородцами, пытались организовать против них поход. Томские повстанцы призвали население Кузнецка, Нарыма, Красноярска, Енисейска свергнуть «лихих» воевод и захватить власть в свои руки. Под влиянием этих призывов восстали жители Кузнецка и Нарыма. Правительству удалось взять ситуацию под контроль только в 1650 г. после прибытия новых воевод. Окончательно волнения улеглись только в 1651 г. Серьезного наказания томичи не понесли: 31 человек наказали кнутом, а 11 из них перевели с семьями в Якутск.

В последующие 17 лет на территории Сибири не было крупных восстаний, пока в 1665 г. промышленные люди, якутские и верхоленские казаки, возмущенные ростовщической деятельностью илимского воеводы Л. Обухова и его окружения, убили воеводу, следовавшего с Усть-Киренской ярмарки. Попутно мятежники захватили и присвоили в свою пользу товары гостя А. Гусельникова и других купцов. Руководил «смуту» ссыльный Н. Черниговский. Во главе с ним восставшие ушли на р. Амур, где основали Албазин.

На протяжении 1660–1680-х гг. крупных восстаний за Уралом не было, но отдельные вспышки социальных противоречий то там, то тут возникали на бескрайних просторах Сибири. Наибольшее число «смут» приходилось на Якутск. В 1668 г. рядовые якутские служилые люди потребовали от воеводы И.П. Борятинского провести сыск о предпринимательской деятельности детей боярских и других представителей служилой верхушки. В 1677, 1683 и 1690 гг. последовало еще три «заго-

вора» промышленных, служилых и посадских людей. Все эти волнения были направлены против торговых людей, занимавшихся хлебными спекуляциями, и покровительствовавших им воевод. Как правило, служилые и промышленные люди предполагали поднять восстание и, захватив товары и имущество торговых людей, уйти от воеводской власти на дальние недоступные зимовья.

В конце же XVII в. ситуация в сибирских городах и острогах снова накалилась. В Сибири то там, то здесь вспыхивали восстания, смуты и шатости.

Начало череде мятежей против воеводской власти было положено в Красноярске самой длительной в Сибири «красноярской шатостью». В мае 1695 г. служилые люди после ряда «кругов», «дум» и «советов» арестовали воеводу А.И. Башковского, конфисковали его имущество в счет компенсации за невыплаченное жалованье, отправили в Москву челобитную с перечислением всех его злоупотреблений и организовали самоуправление. Эти действия поддержало крестьянское, посадское и ясачное население Красноярского уезда. Власть осуществляли сначала двое, а впоследствии семь выборных «судей», контролируемые «советом» служилых людей и «думы» всех восставших. В августе 1695 г. в Красноярск прибыл на воеводство брат арестованного воеводы М.И. Башковский. Попытка М.И. Башковского провести «сыск и расправу» над восставшими закончилась новым восстанием, в ходе которого М.И. Башковский заперся в крепости, где и просидел в осаде 10 месяцев. В феврале 1696 г. восставшие отказались передать власть воеводе Ф. Тутолмину, отправленному енисейским воеводой М.И. Римским-Корсаковым. Его поддержала лишь незначительная группа казаков во главе со ссыльным украинским полковником В. Многогрешным. В августе 1696 г. в Красноярск прибыл новый воевода С.И. Дурново. Его попытка восстановить воеводскую власть закончилась неудачно. Спасаясь от гнева красноярского войска, воевода, которого

казаки чуть было не утопили в р. Енисее, заперся в остроге. Спустя некоторое время С.И. Дурново бежал в Енисейск. Не удалось попасть в Красноярск думному дьяку Д. Полянскому, отправленному из Москвы для наведения порядка в мятежном городе. Его судно было остановлено на подступах к городу на р. Енисей, а самого Д. Полянского заставили вернуться в Енисейск. Окончательно удалось унять «красноярскую шатость» воеводе М.С. Мусину-Пушкину в 1700 г., предложившему возложить всю ответственность на «лихих» воевод, их окружение и ссыльных.

В октябре 1696 г. восстал гарнизон приграничного Нерчинска. Приборные служилые люди арестовали неугодного воеводе Антона Савелова и передали управление сыну боярскому И. Аршинскому и пятидесятнику Ф. Свешникову. Примечательно, что, в отличие от предыдущих восстаний, местное тунгусское население во главе с князем П. Гантимуровым отказалось поддерживать восставших. С трудом новому воеводе С. Николаеву удалось восстановить государственный порядок в Нерчинске.

Следующим сибирским населенным пунктом, где вспыхнуло пламя восстания, был Братский острог. Произволом письменного головы Х. Кафтырева были недовольны местные служилые и посадские люди, пашенные крестьяне и ясачные буряты. В 1696 г. восставшие выбрали двух «судеек» – казачьего десятника Л. Кириллова и казака Д. Терентьева, которые, согласуя свои действия с мирами и войсковым кругом, управляли острогом вместо арестованного Х. Кафтырева. 14 февраля 1696 г. восставшие отправили челобитную в Енисейск. В апреле 1696 г. в Братский острог приехал новый приказчик А. Галкин. Он встал на сторону восставших и провел сыск по поводу злоупотреблений Х. Кафтырева. Однако полностью овладеть ситуацией в остроге енисейским властям удалось спустя 2–3 года.

В марте 1696 г. началось крупномасштабное восстание в забайкальских острогах. Ведущей силой вспыхнувшего со-

циального протеста, по мнению видного советского историка-сибироведа Ф.А. Кудрявцева (1899–1976), являлись недовольные злоупотреблениями острожных приказчиков и иркутского воеводы Аф. Савелова служилые люди. Они не в полном объеме получили причитающееся им жалование. Начали восстание казаки Селенгинского острога во главе с сыном боярским П. Арсеньевым, пятидесятниками А. Березовским и Д. Таракановским. Затем 18 марта 1696 г. удинские казаки лишили власти местного приказчика А. Бейтона. После этого 21 марта 1696 г. удинские казаки помогли служилым людям Ильинского острога заточить в тюрьму местного приказчика Г. Турчанинова. Вскоре к восставшим присоединились казаки Кабанского острога. В апреле 1696 г. иркутский воевода Аф. Савелов отправил в Удинский острог послов для переговоров с восставшими. Однако восставшие не допустили их в острог. Одновременно служилые люди восставших острогов заключили между собой договор, согласно которому они должны были совместно бороться против произвола воевод и приказчиков, «верой и правдой» служить государю и сохранять традиции самоуправления казачьего войска. В мае 1696 г. объединенные силы казаков мятежных острогов под предлогом получения жалования подошли к Иркутску и осадили город. Наиболее радикально настроенные казаки предлагали «заглянуть за пазуху» иркутскому воеводе и его приближенным. Местный гарнизон Иркутска не поддержал восставших, и поэтому казаки забайкальских острогов не решились штурмовать город. Они отступили, разгромив по пути заимки иркутских детей боярских и служилых людей. В середине июля к восставшим присоединился гарнизон Баргузинского острога. В марте 1697 г. отряды мятежных острогов появились в предбайкальских Илгинской и Тутурской волостях, где поддержали восстание верхоленских казаков, крестьян и ясачных людей. Правительству удалось подавить восстание в мятежных забайкальских острогах и назначить подконтрольных ир-

кутскому воеводе приказчиков лишь к концу 1698 г. Примечательно, что после подавления восстания казнили всего трех казаков по обвинению в уголовном преступлении – убийстве иркутских казаков.

Параллельно с восстанием в забайкальских острогах мирские общины и войсковой круг Илимска «отказали» воеводе Б. Челищеву. Жители Илимска неоднократно жаловались в Москву на деятельность воеводы Б. Челищева, связанную с покровительством предпринимателям-винокурам, завывшавшим цены на хлеб и спекулировавшие им. Вместо него служилые и посадские люди, крестьяне назначили управлять острогом сына боярского И.Н. Качина и подьячего Г.С. Учюжникова. Восставшие ликвидировали все винокуренные предприятия, конфисковали имущество, хлебные запасы воеводы и раздали их нуждающимся местным жителям. Восставшие отправили в Москву челобитную, описывавшую все злоупотребления воеводы. Рассмотрев ее, судья Сибирского приказа И.Б. Репнин приказал строжайше наказать винокуров кнутом и конфисковать их имущество. После этой челобитной в Илимск из Иркутска прибыл О. Перфильев, который сменил И.Н. Качина и Г.С. Учюжникова, управлявших городом почти 10 месяцев. Однако воеводская власть в полной мере была восстановлена в сентябре 1698 г. с прибытием в город нового воеводы Ф. Качанова.

Самым «законопослушным» являлось свержение воеводской власти в Иркутске в 1697 г. Посланный на смену Аф. Савелову стольник С. Полтев умер не доехав до Иркутска. Но в Иркутск приехала вдова с его малолетним сыном Н. Полтевым. Воспользовавшись этим, иркутяне «отказали в воеводстве» Аф. Савелову и провозгласили верховным администратором уезда Н. Полтева, а ввиду его малолетства товарищем ему назначили сына боярского И. Перфильева. В ответ Сибирский приказ, получив сведения о «свержении» воеводы, поспешил подтвердить властные полномочия воеводы-младенца.

Фактически же Иркутском вплоть до приезда нового воеводы И.Ф. Николева в октябре 1698 г. управлял И. Перфильев.

Правительство молодого Петра I вину за череду прокатившихся восстаний возложила на прежних воевод и приказчиков. В 1696–1702 гг. в Сибири провели грандиозный сыск о воеводских злоупотреблениях. После сыска несколько сибирских воевод оказались за решеткой, многие дьяки, толмачи, ясачные сборщики были разжалованы и отправлены на службу в Якутию.

Помимо волнений в городах, в XVII в. в разных частях Сибири против произвола местных властей выступали жители сельских поселений. В 1626 г. крестьяне западносибирской Ницинской слободы, возмущенные постоянным ростом натуральных повинностей по обработке «государевых полей», убили приказчика. Туринские крестьяне в 1632 г. отказались обрабатывать пашни, которые воевода Г. Волынский попытался прибавить к уже имевшимся десятинным полям. Подобным образом в том же году поступили крестьяне Тагильской слободы (Верхотурского уезда), а в 1633 г. совместно с крестьянами Невьянской слободы воспрепятствовали сыску в своих слободах беглых крестьян. В Тагильской слободе выступление против приказчика повторилось в 1648 г. На территории Восточной Сибири в 1685 г. измученные различными феодальными повинностями, подняли бунт илимские крестьяне.

Значительные масштабы приобрело крестьянское движение в 1691–1692 гг. в Бирюльской слободе. Крестьяне «отказали» приказчику П. Халецкому и арестовали всех его сторонников. Затем они избрали из своей среды нового приказчика, вернули себе отнятое П. Халецким имущество, уничтожили все кабалы и долговые расписки. Иркутские власти оставили выборного приказчика, а П. Халецкого перевели в Чечуйский острог, где против него вспыхнуло восстание, а сам незадачливый управитель был убит.

После церковной реформы патриарха Никона появляется особый тип выступлений социального характера, основанный на религиозном протесте и описанный в работах В.Г. Карцова (1904–1977) и Н.Д. Зольниковой (р.1949).

В 1687 г. на одной из заимок недалеко от Тюмени собралось более 300 человек. Основным их требованием являлось призвание сибирского митрополита и прощение их «в раскольном во всем деле». Они были окружены отрядом казаков и 24 октября 1687 г. устроили самосожжение. «Гарь» в которой погибло 128 человек, произошла в 1688 г. на Пышме в Другановой деревне. Еще одно крупное самосожжение произошло в 1689–1690 гг. в ските, расположенном в Томском уезде. Помимо самосожжения, раскольники активно пропагандировали свои религиозные воззрения среди местного населения, демонстративно выступали против официальной церкви во время церковных служб.

Другой формой протеста являлись внутрисибирские миграции, способствовавшие утверждению правового самознания русских сибиряков и во многом носившие социальную направленность как своеобразную форму протеста против воеводского управления, претворявшуюся в стремлении ухода из-под его эгиды. Уход от воеводской власти мог иметь характер индивидуального бегства, одновременно группового или даже быть массовым. С середины XVII в. с упрочнением связей внутри Сибири и между отдельными ее областями население стало оседать на постоянное местожительство в приполярных районах и промысловые зимовья начали превращаться в постоянные поселения. Старожильческое население стало появляться по р. Енисею ниже Туруханска, по берегам рр. Пясины, Хеты и Хатанги, на севере Якутии. С середины XVII в. служилые люди Якутска, замученные долговыми обязательствами перед торговыми людьми и воеводскими злоупотреблениями при выдаче жалованья, неоднократно совершают попытки уйти из острога и жить там «особь» от воеводской власти.

Другим местом, куда активно переселялись сибиряки, недовольные воеводской властью, был бассейн р. Амура. В 1650-е гг. в Ленско-Илимском крае многие в поисках лучшей доли отправлялись в эти места. Во многом этому способствовали поход Е. Хабарова на р. Амур и распространявшиеся слухи о богатстве тамошних земель, оживившие народную мечту о легендарном Беловодье. Начало этому движению положил атаман М. Сорокин в 1655 г., уйдя с частью войска от илимского воеводы Б.Д. Оладьина в Приморье.

Таким образом, так же как и в европейской части Российского государства, члены формирующегося сибирского общества активно боролись за свои права на самоуправление и являлись влиятельной социальной силой. Причем лейтмотивом большинства выступлений против местных администраторов было нежелание последних править «по правде», без опоры на «мир». Царская же власть являлась сакральной и неприкосновенной. В большинстве случаев известная мягкость по отношению к восставшим определялась невозможностью применить массовые репрессии за Уралом. Репрессии были возможны только в отношении «ведомых воров и бунтовщиков». Правительство не хотело озлоблять местные гарнизоны и делало все возможное, чтобы удовлетворить их требования. Движение против представителей власти на местах вынуждало центральные власти идти на уступки населению Сибири в налоговой политике. На протяжении всего XVII в. сокращался объем работ, выполнявшихся крестьянами на «государевой десятинной пашне», уменьшались размеры оброчных платежей посадских людей. В конце XVII в. русским было запрещено охотиться и вырубать леса в ясачных угодьях. Следует отметить, что представители коренного населения совместно с русскими служилыми людьми и крестьянами боролись против злоупотреблений воевод. Это свидетельствует о начале проявления гражданской позиции у автохтонных жителей уже в роли подданных Российского государства.

Но во многом в основе народного сознания лежали идеи официального монархизма XVII в. о государственной воле как единственном источнике власти в государстве, о воеводах и боярах как верных исполнителях этой воли. Стоит отметить, что очень редко, но все же встречались и челобитные с просьбой оставить воеводу на новый срок. Так, в 1685 г. «жилецкие» люди Тюмени, местные пашенные крестьяне и ясачные люди просили оставить на второй срок воеводу Н.И. Колобова. В следующем году с аналогичной просьбой оставить воеводу М.И. Алфимова обратились жители Туринска. Однако нередко были случаи, когда под давлением самого воеводы миряне составляли челобитные подобного содержания или же сибирские администраторы отправляли поддельные челобитные о желании мира продлить их полномочия. Например, в 1698 г. велось следствие по подложной челобитной Д.П. Протасьева.

В конце XVI – начале XVIII вв. взаимодействие между центром страны и периферией осуществлялось посредством специального органа Сибирского приказа (до его появления Посольского, а затем Казанского приказа). Местную власть в Сибири, основанную на дворцово-вотчинном принципе управления, так же как и по всей России, осуществляли воеводы, но во многом через выборных администраторов сословных низов. Воевода имел широкий набор прав и обязанностей для решения текущих вопросов. Только такая система управления на местах была наиболее целесообразной в связи с огромной удаленностью от центра и отсутствием разветвленной и безопасной сети транспортных коммуникаций. Параллельно с воеводами в своих ясачных волостях и родах-сеоках управляли и местные князья. В системе управления Сибирью в конце XVI – начале XVIII вв. представители родовой знати коренных народов являлись своеобразными автоном-

ными звеньями единого аппарата управления, типичного для традиционных обществ. Поэтому можно сказать, что они приравнивались к низовым звеньям самоуправления. Злоупотребления воевод на местах являлись одной из основных причин возникновения социальных конфликтов, в которых совместно выступало как русское, так и коренное население Сибири. Многие из этих конфликтов заканчивались в пользу крестьян, служилых и ясачных людей. Верховная власть шла навстречу рядовым сибирякам, так как в своем ежедневном функционировании не могла обходиться без выборных от служилых людей и труженников, и в этом проявлялось социальное сотрудничество.

Вопросы для закрепления

1. Какие центральные органы управляли Сибирью в конце XVI – начале XVIII вв.? Назовите основные особенности управления Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.

2. Какие обязанности и полномочия разрядного воеводы вы знаете? Как соотносилась его компетенция с полномочиями уездного воеводы?

3. В чем заключалась специфика административно-территориального деления Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.?

4. Почему сибирские уездные и разрядные воеводы были наделены таким широким кругом полномочий?

5. Какие формы общин существовали в Сибири? Перечислите их функции и объясните особенности взаимодействия с воеводской властью.

6. Какие злоупотребления воевод были наиболее распространены в конце XVI – начале XVIII вв.? Объясните причины их появления.

7. В чем заключалась специфика положения коренных жителей Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.?

8. Какие виды ясака вы знаете? Почему именно ясачные отношения являлись ведущими во взаимодействии русских

и автохтонных жителей в конце XVI – начале XVIII вв. в Сибири?

9. Почему в первой половине XVII в. многим сибирским «князцам» удавалось сохранять свою власть в пределах своих родовых владений?

10. Какие основные социальные конфликты произошли в Сибири в XVII – начале XVIII вв.?

11. Какие формы индивидуального и мирского противодействия власти имели место в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.?

12. Как заканчивалось большинство социальных конфликтов в Сибири? Как относилась центральная власть к мятежным сибирякам?

Список рекомендуемой литературы

1. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII веке. Новосибирск: Наука, 1991.

2. Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 2. С. 9–85.

3. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр развивающего обучения, 1998.

4. Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002.

5. История Сибири с древнейших времён и до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в эпоху феодализма. С.124–152.

6. Карцов В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России: спецкурс: в 2 ч. Калинин, 1971. Ч.1.

7. Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С.43–53.

8. Кудрявцев Ф.А. Восстание крестьян, посадских и казаков в Восточной Сибири в конце XVII в. Иркутск, 1939.

9. Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М.: Просвещение, 1990. С.119–124.

10. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы часовенные на востоке России: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002.

11. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1978. С.16–40.

12. Хромых А.С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI – первая четверть XVII века): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2012. С.180–222.

ГЛАВА VII

КУЛЬТУРА СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

В конце XVI – начале XVIII вв. первые переселенцы начинают приносить на территорию Сибири культурные традиции Поморья и других регионов европейской части Российского государства. Привнесенные из Европейской России культурные ценности в новом регионе начинают взаимодействовать со сложившимся укладом традиционной культуры коренного населения Сибири. В результате заимствований из-за Урала и контактов с коренными жителями в изучаемый период формируются зачатки образования, науки, литературы, музыки, театра, архитектуры и живописи в Сибири.

§ 1. Образование и грамотность

В Сибири по мере вхождения в состав Российского государства заселения и хозяйственного освоения русским населением начали складываться первые очаги грамотности. В конце XVI–XVII вв. уровень грамотности среди русского населения был низкий. Очень часто не владели грамотой воеводы, таможенные головы, приказчики и другие должностные лица. Однако уже среди первых русских поселенцев – казаков, торговцев, промысловиков, крестьян и посадских людей – встречались грамотеи. Свидетельством этого являются многочисленные челобитные, «сказки», «расспросные речи», хранящиеся в Сибирском приказе. Более того, в 1689 г. получивший на откуп «площадное письмо» в Иркутске Ф. Демидов жаловался управляющему городом сыну боярскому И.М. Перфильеву, что иркутяне в обход его составляют документы. Другим при-

мером наличия грамотного населения в Сибири является то, что среди 53 человек, прибывших в Москву с различными служебными поручениями в 1705 г., 13 оказались грамотными, то есть почти 25 %. Правда, стоит учитывать, что из жителей сибирского города или острога в Москву старались отправлять преимущественно грамотных людей. В целом же, уровень грамотности первых сибиряков, как и жителей других регионов Российского государства, по-прежнему оставался низким.

В Сибири до начала XVIII в. не было школ. Основным способом получения знаний являлось индивидуальное обучение у писцов, подьячих, церковнослужителей и др. Обучение носило сугубо прикладной характер, так как в основном учили читать и писать. Более глубокие знания получали в основном за счет самообразования. В перечнях имущества сибиряков очень часто встречаются книги. Так, у якутского воеводы А. Барнешлева в 1681 г. оказались: псалтырь, апостол, часослов ветхий, «книга сказаний разных статей», «книга в полдсть, да 9 книг малых немецких».

В Сибири в начале XVII – начале XVIII вв. существовал устойчивый спрос на учебную литературу. С 1640-х гг. на рынках Тобольска, Верхотурья, Енисейска и Тюмени продавали грамматики, азбуки, псалтыри, часословы. В феврале же 1703 г. начальник Сибирского приказа А. Виниус централизованно закупил на Печатном дворе 300 азбук, 100 часословов, 50 псалтырей и отправил их в Верхотурье для продажи.

После прихода к власти Петра I был провозглашен курс на подготовку грамотных духовных и светских специалистов для реализации задуманных им преобразований.

В 1697/98 г. митрополиту Игнатию был отправлен указ об открытии провинциальной школы для подготовки низшего звена церковнослужителей. Однако вскоре он попал в опалу и инициативу открытия школы перехватили светские власти. По распоряжению тобольского воеводы И.Я Черкасского осенью 1701 г. в здании, выстроенном в кремле близ Троицкой церкви,

открыли школу. В тот же год в Тобольск послали «приказным человеком и дьяком» дворянина Андрея Ивановича Городецкого, который должен был организовать строительство здания под школу и нанять учителей. Прибыв на место, он обнаружил школу, в которой обучались у распопа Григория Дровнина и его брата Василия «тобольские дворяне и дети боярские и иных чинов». После приезда митрополита Филофея Лещинского первое школьное здание перенесли на митрополичий двор, так как оно предназначалось для архиерейской школы. А для школы Г. Дровнина М.Я. Черкасский распорядился выстроить новое здание и провести дополнительный набор учащихся из детей тобольских служилых и «всяких чинов людей». В итоге набрали 96 учеников, и 12 апреля 1702 г. занятия в школе Г. Дровнина возобновились. Деятельность М.Я. Черкасского по созданию первой школы получила одобрение в Сибирском приказе.

Первоначально в светской школе преподавали «словенскую грамоту» и латынь, а с 3 мая 1702 г. ввели арифметику, затем геометрию, фортификацию и артиллерийское дело, пригласив для преподавания математических и военных предметов пленного шведа А. Деловала. Интересно, что жалованье получали не только преподаватели школы М.Я. Черкасского, но и ученики, которым выдавали поденное «кормовое жалованье» по 3 деньги (1,5 коп.).

Обучение же в школе, подведомственной Филофею, по его настоянию организовали по образцу юго-западных духовных школ. В 1702 г. в Киев отправили сына боярского Еремея Иванова, который в Печорском монастыре приобрел 206 учебных и богослужебных книг и нанял шестерых преподавателей-монахов (Григорий Гошкеевич, Митрофан Орловский, Гаврил Мартвней, Рафаил Бонцевней, Мефодий Коложинский, Стефан Городицкий).

В школу принимали детей церковнослужителей. Их обучали читать (букварь, часослов и псалтырь), писать и петь церковные

службы. С 1703 по 1726 г. здесь обучалось 33 человека. Из них 4 человека были уволены от церковной службы, а остальные 29 поступили на дьяконские и причетнические должности.

Одной из первых после Тобольска открылась духовная школа в туруханском Троицком монастыре. В 1720 г. у дьячка В.Т. Фролова обучались 6 «учеников монастырских» в возрасте от 8 до 12 лет.

Первую духовную школу в Восточной Сибири открыли в 1725 г. при Иркутском Вознесенском монастыре на 25 учеников под названием «мунгальской». Принимали в школу сирот и детей церковнослужителей, обучали русской грамоте и монгольскому языку.

Особым типом духовных школ являлись миссионерские. В первой четверти XVIII в. началась подготовка миссионеров из детей северных народностей в школах Верхотурского и Кондинского монастырей, а также в Тобольске в некоторых домах священников.

В соответствии с петровскими указами в 1716 г. в Сибирскую губернию отправили учеников Московской навигационной школы Н. Пилецкого и Я. Ладойникова. Достоверных данных об открытии ими в Сибири цифирных школ нет, однако в 1722 г. в отчетах Сенату числилась Тобольская школа, в которой обучалось 224 человека (возможно, это была школа, которую в начале XVIII в. открыл М.Я. Черкасский).

Первым узкоспециализированным учебным заведением в Сибири являлась школа переводчиков в Тобольске. Она возникла после того, как в городе не нашлось человека для прочтения послания от калмыцкого хана. Специальным царским указом от 11 июня 1696 г. тобольскому воеводе А.Ф. Нарышкину повелевалось отобрать нескольких человек из молодых казаков для обучения иностранным языкам. В итоге в 1698 г. в Тобольске числилось на жалованье 8 толмачей (вогульский,

калмыцкий, 2 остяцких, 4 татарских) и 2 «переводчика писем» (с монгольского и калмыцкого).

Помимо государственных и церковных школ, в Сибири существовали и частные учебные заведения. Так, в 1713 г. с официального разрешения властей пленный шведский офицер капитан К.Ф. фон-Врех для обучения детей своих соотечественников открыл в Тобольске школу. Это была типичная немецкая школа религиозно-мистического направления. Школа имела хорошее материальное обеспечение благодаря финансовой поддержке соотечественников ее основателя, живших за пределами Российского государства. При школе находились пансионат, квартиры для учителей и воспитателей, больница и аптека. Вместе с детьми пленных шведов в школе Вреха занимались и дети некоторых тобольских чиновников. За семь лет существования школы численность учащихся увеличилась с 14 до 139 человек.

Коренные жители Сибири в основном придерживались традиционной практики передачи бытовых и хозяйственных навыков и знаний от поколения к поколению. Большая их часть даже не имела собственной письменности. Однако под влияние миссионерской деятельности Русской православной церкви некоторая часть автохтонов перенимала азы русской грамоты. Скорее всего, часть новокрещеных умела читать и писать. Так, в 1705 г. в Сибирский приказ подали коллективную челобитную служилые люди во главе с ротмистром Я. Чередовым и татарским головой М. Чередовым, которую они же собственноручно подписали.

В целом, в конце XVI – начале XVIII вв. начинается формирование системы образования в Сибири. Качественный скачок от обучения у частных «мастеров грамоты» до получения образования в церковных и светских школах произошел в эпоху петровских преобразований. В это же время активизируется в основном через миссионерские школы получение образования коренными народами Сибири.

§ 2. Зачатки научных знаний

В конце XVI – начале XVIII вв. научные знания первых сибиряков, как и жителей других частей Российского государства, носили сугубо прикладной характер. Попав на огромную неизведанную территорию, русские столкнулись с многочисленными племенами коренных жителей и многообразием флоры и фауны. Безусловно, все это подлежало фиксации и описанию в отчетах и «сказках», отправляемых в Сибирский приказ землепроходцами и служилыми людьми. Само правительство обязывало первых сибирских воевод собирать сведения о путях сообщения, пушных богатствах, месторождениях полезных ископаемых, возможности организации пашенного земледелия, численности и занятиях местного населения, его взаимоотношениях с соседними народами.

Особняком стоят географические знания первых русских землепроходцев. В 1648 г. Семен Иванович Дежнев впервые из европейцев прошел через пролив, отделяющий Азию от Америки. В результате экспедиции 1639–1640 гг. И.Ю. Москвитина было значительно уточнены очертания побережья Охотского моря. В 1657 г. М.В. Стадухин доложил о существовании полуострова Камчатка. В это же время анадырские казаки впервые проведали о существовании Аляски. «Сказки» землепроходцев, совершавших путешествия на северо-востоке Азии, изобилуют сведениями об очертаниях берегов, направлениях ветров и морских течений, особенностях дрейфа льдов.

Ценные сведения были собраны в XVII в. о странах, находившихся к югу от Сибири. Безусловно, часть сведений получили от купцов-бухарцев, осевших в Западной Сибири. Но уже в 1618 г. томский казак Иван Петлин первым из русских совершил путешествие в Китай, а после возвращения предоставил подробный статейный список пути своего следования, а также «чертеж» путешествия. Наблюдения И. Петлина интересны тем, что в них он впервые достаточно подробно разбирает

особенности религиозных верований монголов и китайцев. В частности, он описывает веру в перерождение человеческой души, внутреннюю обстановку храмов и особенности проведения культовых церемоний. В 1640 г. М. Перфильев с отрядом казаков поднялся по р. Витиму до Большого Ципирского порога, где у местных жителей расспросил о китайцах. Полученные сведения нашли отражения в его послании в Сибирский приказ. Данные сведения использовал и расширил В. Поярков во время путешествия по р. Амуру в 1643–1646 гг. Дополнили эти сведения посольства в Пекин Федора Байкова (1654–1657), Игнатия Милованова (1672) и Николая Спафария (1675–1677).

У властителя Монголии побывали в 1646 г. И. Похабов, в 1647 г. – К. Москвитин, 1653 г. – Ф. Афанасьев, 1665 г. – О. Васильев. Все они оставили подробные описания земель, прилегающих с юга к территории Сибири.

В 1694 г. достаточно подробные сведения о казахских степях предоставили Ф. Скибин и М. Трошин, отправленные послами к хану Тевхикану. Несмотря на то что они попали в плен к войнам Тевхикана, казаки подробно записали пройденный путь, определили в днях время путешествия, характер местности, особенности дорог, водоемов и рыб. После побега они передали все эти сведения в Сибирский приказ.

К началу XVIII в. относятся ценные сведения о Японии и японцах, содержащиеся в «сказках» В. Атласова.

Много сведений русские получили и от коренных жителей. Ряд известий о Монголии и новых путях в Китай первопроезцы получили от селенгинских тунгусов и бурят. От автохтонных жителей р. Амура русские узнали в 1643–1644 гг. о маньчжурах, а в 1652–1653 гг. – о японцах, ближайшие поселения которых в то время находились в южной части острова Хоккайдо.

Во второй половине XVII в., особенно в его последней четверти, любому начинанию по освоению территорий, особен-

но в тех случаях, когда требовались затраты труда и средства на какие-либо сооружения, предшествовало географическое и статико-экономическое обследование территории. Полученные данные закреплялись письменным отчетом – «рописью» и картой – «чертежом». В случаях же нерадивого исполнения наказов на виновных налагались взыскания.

Русские исследователи в первой четверти XVIII в. особо обратили внимание на сбор сведений о Камчатке и Курильских островах. В 1711 и 1713 гг. к Курильским островам отправились две экспедиции И.П. Козыревского. В 1716–1719 гг. под руководством воеводы Я.А. Елчина велась подготовка большой морской экспедиции для систематизации сведений о Камчатке и Курилах. Однако вместо большой морской экспедиции была снаряжена малая геодезическая экспедиция во главе с И.М. Евреиновым и Ф.Ф. Лужиным, которые нанесли на карту западные берега Камчатки и Курильских островов.

В 1719 г. в Сибирь для изучения ее внутренних территорий была отправлена экспедиция Д.Г. Мессершмидта. Он посетил районы бассейнов рр. Оби, Иртыша, Енисея, Лены, Амура и оз. Байкал. Он собрал огромные естественно-исторические и этнографические коллекции, составил карты местности, сделал многочисленные филологические записи.

Деятельно помогал Д.Г. Мессершмидту швед Ф.И. Табберт (Страленберг). Он еще до экспедиции Д.Г. Мессершмидта занимался картографией Сибири. С началом экспедиции немецкого исследователя он принял в ней активное участие в 1721–1722 гг. в качестве художника и ближайшего помощника Д.Г. Мессершмидта.

Значимость подвига русских землепроходцев трудно переоценить. За 150 лет русским, первым из европейцев, удалось составить достаточно точные представления о территориях Западной и Восточной Сибири, Китае, Монголии, Казахских степях, Японии, определить очертания северо-восточной части Азии, доказать наличие пролива, отделяющего Северную

Америку от Евразии. Все это дает основание назвать XVII в. эпохой великих русских географических открытий.

В связи с географическими открытиями значительных успехов достигла картография. Еще в конце XVI в. был создан не дошедший до нас «чертеж Сибирский от Чердыни». В 1598–1599 гг. в Сибири составили чертежи, положенные в основу сибирской части «старого» чертежа Московского государства.

В 1626 г. Тобольскому воеводе А. Хованскому государевым указом предписывалось составить общий чертеж известных сибирских земель. Правда, неизвестен ход дальнейшей работы над этой общесибирской картой, но некоторые исследователи полагают, что составленная в 1633 г. «Роспись сибирским городам и острогам» являлась приложением данного чертежа.

В 1627 г. была составлена «Книга Большого Чертежа», в которой Сибирь была картографирована до р. Оби, а бассейн этой реки до Нарыма. Отображен был также и бассейн р. Таза.

Первое изображение Сибири до Тихого океана было сделано в 1667 г. по приказу воеводы П.И. Годунова. После создания к нему была сделана чертежная роспись. В 1668 г. на основе этого чертежа живописец Станислав Лопуцкий сделал еще один чертеж Сибири. Летом 1673 г. при воеводе И.Б. Репнине в Тобольске были проведены новые картографические работы, после их завершения появился новый чертеж Сибири и тобольский вариант чертежа всего Московского государства.

Следующим этапом сибирской картографии являлась «Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольского и до самого рубежа Китайского», составленная главой русского посольства в Китае Н.Г. Спафарием. По сравнению с предыдущими подобными заметками в ней было дано достаточно подробное описание местности в бассейне р. Амурса и части Китая.

Значительную роль в развитии сибирской картографии сыграли переписи населения и земель – «дозоры». Во время самого крупного «дозора» в начале 80-х гг. XVII в. было созда-

но немало местных чертежей, на основе которых спустя 3–4 года были составлены новые уточненные карты Сибири. Итогом, обобщившим эту работу, выступило составление в 1686 г. «Описания новья земли Сибирского государства, в которое оно время и каким случаем досталось за Московское государство и какой той земли положение». По мнению авторитетного источниковеда А.И. Андреева, его составил Никифор Венюков.

Древние сибирские чертежи активно использовали зарубежные авторы в своих сочинениях о землях за Уралом. Так, например, в книге голландского географа Н.К. Витсена «О северной и восточной Татарии» (1692) активно использовались материалы из Чертежа Сибири 1667 г., росписи чертежа Сибири 1673 г., «Описания новья земли Сибирского государства». На их основе Н.К. Витсен составил в 1687 г. большую карту Татарии, которая, правда, содержала множество неточностей. Значительно исправил карту Н. Витсена Избранд Идес, проезжавший через Сибирь в составе русского посольства в Китай.

Новый этап сибирской картографии начался в 1696 г., когда Сибирский приказ распорядился в каждом воеводстве за Уралом составить чертеж входящих в него земель. В Тобольске чертежные работы возложили на сына боярского С.У. Ремезова. В 1696–1697 гг. он лично объездил многие районы Западной Сибири. К осени 1697 г. был составлен настенный «чертеж части Сибири». Осенью 1698 г. С.У. Ремезов вместе с сыном Семеном на основе восемнадцати чертежей, присланных в Сибирский приказ, создал два общих чертежа всей Сибири размером 6×4 аршина. После этого с 1698 по 1701 г. С.У. Ремезов вместе с сыновьями Семеном, Леонтием и Иваном составлял подробную «Чертежную книгу Сибири», в которой были собраны карты городов, включавшую в себя 23 чертежа. Помимо этого, в конце XVII – начале XVIII вв. Ремезов оставляет ценный памятник картографии – «Служебную чертежную книгу». В этот сборник чертежей и рукописей вошли копии «городо-

вых» чертежей 1696–1699 гг., ранний чертеж Камчатки 1700–1713 гг. и др. карты.

Однако, несмотря на множество достоинств, в картах С.У. Ремезова были существенные недостатки. Они не имели масштаба, градусной сетки, четкой ориентации по сторонам света. Не случайно уже в первом десятилетии XVIII в. «иконников» начинают заменять специально подготовленные геодезисты. Так, в 1710-е гг. геодезические съемки в Западной Сибири и на Енисее проводили П. Чичагов и И. Захаров, в Восточной – Федор Молчанов.

Помимо общих чертежей, следует отметить, что в XVII в. появлялись чертежи отдельных местностей. Например, в 1640–1641 гг. были составлены чертежи «Рекам и порогам от Енисейского острогу вверх до Ленского волоку, по которому шли на государеву службу, на великую реку Лену в Якутской острог из Енисейского острогу стольники и воеводы Петр Головин, Матвей Глебов, дяк Еуфимий Филатов, во 148 году, и сколько до которой реки судового ходу, и сторонним рекам, которые пали в Тунгуску и в Илим реку» и роспись к ним. Данная роспись составлена очень подробно и содержит множество примечаний, содержащих специфические особенности данной местности. В 1655 г. по указанию С. Дежнева был составлен «Анадыре чертеж: с Анюя реки и за Камень на вершину Анадыри и которые реки впали большие и малые и до моря и до той корги, где вылягает зверь». Курбат Иванов составлял чертежи р. Лены, озера Байкал, побережья Охотского моря и др.

Уже в XVII в. зарождались основы сибирской этнографии. При сборе ясака волей или неволей служилые люди вынуждены были фиксировать численность, этнический и родовой состав местного населения, местоположение их поселений. Вместе с этим в отчетах сборщиков ясака есть информация о социальных отношениях коренных народов, их образе жизни, о таежных и речных промыслах, об орудиях охоты и средствах передвижения, о домашних животных, об устройстве жилищ.

Значимые сведения о расселении и численности отдельных племен также содержатся в «сказках» и «рописях» землепроходцев. Например, в «Рописи рекам и имяна людем, на которой реке какие люди живут...», составленной в 1636–1638 гг. И.Ю. Москвитиним, есть сведения о жизни и быте многочисленных эвенкийских родов, населявших Охотское побережье. В 1646 г. достаточно точные сведения о численности нивхов (гиляков) предоставил В. Поярков. Дополнил эти сведения спутник Е. Хабарова С. Поляков в своей «сказке» в 1652 г. Интересное описание железодельного промысла коренных жителей Кондомы содержится в анонимном донесении XVII в. В начале XVIII в. в своих «сказках» В. Атласов перечисляет и описывает целый ряд народностей крайнего северо-востока. На Чукотском полуострове он выделяет чукчей. На «Пенжинной» – «пустобородых коряков», характеризуя их особенности языка. Далее – люторцев, говоря об их схожести с коряками. Он описывает различные племена камчадалов. В его «сказках» выделяются оленные коряки и курильцы. Вышеприведенные племена В. Атласов не просто описывал, но и сравнивал между собой.

Составление «переписных книг» вносило определенную лепту в накопление этнографических знаний. В этих книгах содержались достаточно подробные сведения об основных занятиях, хозяйстве и семейном положении. В 1699 г. центральное правительство попыталось провести народную перепись населения. К сожалению, ее результаты до нас не дошли.

На принципиально новый уровень этнографические знания вышли в начале XVIII в. Перу С.У. Ремезова принадлежит ряд этнографических сочинений. Наиболее известное из них «Описание о сибирских народах и граней их земель». Также он попытался составить первую этнографическую карту Сибири. В этот же период в 1715 г. появляется ценный этнографический труд Григория Новицкого «Краткое описание о народе остяцком».

В XVII – начале XVIII вв. зарождались зачатки зоологии и ихтиологии. В Сибири было немало опытных звероведов, знавших пушнотрофные уголья, повадки соболя и других зверей. Помимо этого, они владели способами охоты на разных зверей, умели обрабатывать пушнину и считались сведущими ценителями различных ее сортов. В знаменитом «Описании новые земли, сиречь Сибирского царства» содержится описание зверей, встречающихся в Сибири и на р. Амуре.

В XVII в. зарождалась сибирская орнитология. В достаточном количестве сохранились описания сибирских птиц. Первое упоминание о птицах, живущих за Уралом, встречается в «Росписи рекам и имяна людям, на которой реке какие люди живут...» И.Ю. Москвитина. Достаточно подробные описания птиц встречаются в сочинениях Н.Г. Спафария и в «Описании новые земли, сиречь Сибирского царства» 1686 г. Также сведения о пернатых содержатся в «сказках» первого исследователя Камчатки В. Атласова.

Первые сибирские землепроходцы были знатоками сибирских рыбных богатств, и во многом их наблюдения можно определить как зачатки сибирской ихтиологии.

Деятельность русских землепроходцев в указанный период способствовала появлению первых знаний о ботанике. Первые «травники», которых называли «помясами», занимались поиском, сбором и описанием различных свойств сибирских растений. В 1668 г. из Аптекарского приказа пришло распоряжение, согласно которому «сыскивать для лекарственных составов и водок трав и иных вещей знающим людям, и, набрав, лекарственных трав, строить из них лекарства и водки, и присылать к Москве, в Сибирский Приказ». На это распоряжение откликнулся помяс Семен Епишев, который в 1674 г. занялся сбором трав недалеко от Якутска. Из его сообщений следует, что он знал травы, растущие не только в окрестностях Якутска, но и на территории всей Сибири. В отправленном отчете от 1681 г. он перечисляет 20 целебных растений с описанием их внешне-

го вида, вкусовых признаков, мест произрастания и лечебного действия.

В эпоху Петра I большое внимание уделялось поискам ревеня, имевшего важное экспортное значение. В 1692 г. поиски ревеня по приказу воеводы М.Ф. Арсеньева производились в Якутии. Материалы показывают, что сибиряки того времени достаточно хорошо разбирались в особенностях ревеня, его сортах и условиях произрастания.

Подробные сведения о флоре Камчатки содержатся в «сказках» В. Атласова. В них даются описания кедрового стланника, березняка, лиственничника, осинника, ельника, брусники, черемухи, съедобной камчатской жимолости, сахаристого камчатского борщевика.

Сибирские землепроходцы способствовали расширению геологических знаний о Сибири. Прежде всего, они начали собирать сведения о соляных источниках. В конце 1630-х гг. русские нашли соляные ключи в Енисейском уезде на притоках р. Ангары, р. Тасеевой и р. Манзы, 1660-е гг. соль была найдена недалеко от Иркутска. До нас дошли подробные описания казенного соляного промысла на оз. Ямыш (1620) и соляных варниц Е.П. Хабарова на р. Куте (1630).

Поисками железной руды в Кузнецкой земле в 1620-е гг. занимался томский рудознатец кузнец Федор Еремеев. Чуть позднее, чем в Томске, в 1628 г. железная руда была обнаружена на р. Нице в Приуралье. В 1640-е гг. были найдены залежи железа недалеко от Якутска. В 1645 г. железная руда была обнаружена в Верхотурье Григорием и Петром Стрешневыми. На поиски железной руды из Тобольска в Кузнецк через Томск были направлены в 1673 г. сын боярский Савва Жемотин и подьячий Иван Лосев. Также они должны были осмотреть обнаруженные за год до того месторождения слюды и горного хрусталя на Томи, выше Кузнецка. Первым иностранным специалистом, который занимался горным делом в Сибири, был греческий мастер сибирских рудокопных дел Александр Ле-

вандиан. В 1696–1699 гг. он вел рудные работы сначала на границе Томского и Красноярского уездов на р. Каштаке, потом в «Даурии» недалеко от Аргунского острога. В Нерчинском уезде А. Левандиану удалось найти серебряную руду по речке Серебрянке. Помимо поиска полезных руд и ископаемых, в его обязанности входило подготовить 12 сведущих людей для организации горного дела в Сибири. Опрошенные в Нерчинске в 1709 г. подмастерья А. Левандиана подтвердили, что грек свою обязанность выполнил, и они владеют рудокопным делом.

Помимо железной руды, до второй половины XVII в. активно велись поиски серебряной руды в Забайкалье. В этих поисках интересы служилых людей иногда выходили за пределы Сибири. Так, в 1647 г. атаман Ангарского острога Василий Колесников отправлял в Мунгальскую землицу четырех казаков и тунгусов с заданием найти серебряную и золотую руду. В 1673 г. с Телецкого озера служилый человек-серебряник привез в Москву образцы руды, которые были забракованы в связи с малым содержанием серебра в горной породе.

Не оставались без внимания сибирских рудознатцев XVII в. и заброшенные древние, так называемые «чудские» копи. Копи эти обследовались, изучались и по возможности в них возобновлялась добыча руд. Так, в 1682 г. нерчинский сын боярский Григорий Иванович Лоншаков со служилыми людьми и караваном верблюдов ходил на речку Тузачи, приток реки Монгучи для исследования древних серебряных копий. По окончании экспедиции он представил «доезд», в котором содержалось достаточно подробное их описание. Через год нерчинский воевода Федор Воейков повторно отправил на эти копи отряд Г. Лоншакова.

Также в отписках землепроходцев упоминаются «горючая» сера, селитра, краски и даже нефть. Так, Алексей Жилин с 1642 по 1657 г. занимался небезуспешными поисками слюды в Приенисейской тайге. В середине XVII – начале XVIII вв. русские

нашли богатые месторождения слюды в Нижнем Приангарье, на берегах Байкала. В районе Верхотурья в 1666–1669 гг. вел свои изыскания потомственный рудознатец Михаил Александрович Тумашев, который нашел залежи горного хрусталя, железной руды, наждака и других драгоценных камней. В 1684 г. для поиска минеральных красок на р. Витим из Яравинского острога ездил Нестор Афанасьев. По окончании экспедиции около шести пудов красок было взято для опыта. В этот же год из Иркутска на р. Витим отправили отряд во главе с казаком Яковом Турчаниновым и иконником Василием Кориловым, а из Баргузинского острога служилого человека Григория Турчанинова с товарищами. О залежах нефти недалеко от Иркутска в мае 1684 г. сообщал письменный голова Лев Кислянский.

В последней четверти XVII в. начались работы по поискам ископаемых, которые ранее не привлекали внимания. Например, в 1681 г. якутский воевода И.В. Приклонский отправил экспедицию на р. Олекму для поиска селитры и горючей серы. В начале эпохи Петра I усилился интерес к различным редкостям и примечательным предметам. В контексте этого в 1696 г. нерчинскому воеводе С.Ф. Николаеву предписывалось искать на р. Витиме камень сердолик.

В процессе поиска полезных ископаемых значительную помощь русским оказывали представители коренного населения. Преимущественно они передавали полезные сведения после опроса их сибирскими служилыми людьми. Так, в 1682 г. эвенк Изягда показал служилому человеку Ивану Власову залежи слюды на Байкале, на речке Катюган. В 1691 г. двое братьев-эвенков объявили прибывшему адмиралу Головину о нахождении на р. Аргуни серебро-свинцовых руд.

В целом, геология Сибири находилась в зачаточном состоянии и носила прикладной характер. В ее становлении приняли участие как русские, так и представители коренного населения. В это время начали появляться первые люди, для которых геологические изыскания становились главным занятием в жизни.

С XVII в. русские переселенцы осуществляли в Сибири тщательные агрономические исследования, стоящие на уровне того времени. Так, в наказе служилому человеку О. Бояршину присутствует четкая инструкция обследования возможностей ведения земледелия в районе р. Лены. Повсеместной практикой в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. являлась организация на новом месте опытных посевов.

В XVII в. складывались предпосылки к зарождению исторической науки. Первой сибирской летописью считается «Синодик» тобольского архиепископа Киприана, составленный на основе более раннего сочинения «Написания, как придоша в Сибирь», созданного непосредственно участниками похода Ермака. Согласно сведениям Г.Ф. Миллера, после приезда в Сибирь Киприан велел расспросить нескольких оставшихся в живых казаков из отряда Ермака Тимофеевича обо всех подробностях их пребывания в Сибири. Он особенно старался узнать, где у них «с погаными были бои и на тех боях кого именем из них поганили побиха на бранех». Казаки принесли ему списки, в которых рассказали о своих делах и перечислили своих товарищей, убитых за отечество. Чтоб сохранить эти имена в памяти потомков, архиепископ приказал вписать их в синодик соборной церкви в Тобольске.

На основе «Синодика» в 1636 г. тобольский подьячий Савва Есипов составил знаменитую Есиповскую летопись. Во второй половине XVII в. появляется Строгановская летопись (написанная неизвестным автором, близким к дому Строгановых). А в начале XVIII в. была создана «История сибирская» С.У. Ремезова (Ремезовская летопись). Летописи представляют собой синкретичный источник. Помимо сведений о походе Ермака, в них содержатся упоминания о природе, отдельные описания народов, их веры и т.д. В Есиповской летописи с позиций провиденциализма предпринимаются попытки объяснить ход сибирской истории. Концепция же Строгановской летописи предполагает активное участие знаменитого купече-

ского семейства в подготовке «сибирского взятья». В какой-то степени можно говорить о зарождении исторических концепций со своими трактовками начала русского освоения Сибири. Достаточно специфическим историческим сочинением является «Книга записная», появившаяся в конце XVII в. В ней содержится погодное описание событий сибирской жизни до 1687 г. Возможно, эти записи делались для личного пользования, что подтверждается огромным количеством помарок. В отличие от летописей, в данной рукописи используется документальный материал. В ней отсутствуют мифологические и библейские сказания, прослеживается тяга к освобождению от провиденциализма, который выступал неотъемлемой частью более ранних летописей.

До нас не дошло каких-либо свидетельств о том, что в конце XVI – начале XVIII вв. коренные жители Сибири обладали какими-нибудь зачатками научных знаний в современном их понимании. Однако их повседневные наблюдения, знания местности и сибирской природы оказывали неоценимую помощь русским в исследовании и изучении Сибири.

В целом, в конце XVI – начале XVIII вв. был собран при помощи простейших научных методов (наблюдение, описание и т.д.) значительный эмпирический материал. Его же теоретическое осмысление началось в XVIII в., и именно с этого периода можно говорить о зарождении сибирской науки.

§ 3. Литература

О литературе конца XVI – начала XVIII вв. известно немного. В основном в круг сибирского чтения входили богослужебные книги. С открытием новой церкви в сибирских острогах для нее со временем, преимущественно в Москве, закупали апостолы, евангелия, псалтыри, минеи, требники. Также книги церковнослужебного характера привозили с собой купцы.

Достаточно полное представление о сибирской литературе дают енисейские ценовые росписи 1649 и 1687 гг. В них зафиксированы: евангелия толковые, «напрестольные» и «запрестольные», триоды постные и цветные, уставы, «небеса», новый завет, октоихи «осмогласные» и «четверогласные», шестодневны, прологи четвертные и полугодовые, минеи общие и месячные, апостолы, псалтыри «со следованием» и «учительные», потребники, ирмосы, часословы, служебники, часовники, «книга многосложный свиток», канонники, библии, святцы печатные и святцы «письмянные», патерики, вечерни, «книга Ермолог», житие Николино, поминальники, книги «Маргарит», грамматики, «азбуки печатные в переплетах» и «азбуки печатные в тетратех», «книга Апокалипсис», «Ефрем Сирийский». Исходя из этих росписей, ведущее место занимает церковная литература, однако встречаются и книги развлекательного характера («Житие Николино», «Маргарит»), а также азбуки, грамматики, псалтыри «учительные».

В монастырских и церковных библиотеках Сибири в основном находились церковнослужебные книги, богословские и житийные сочинения, а также учебная литература. Например, у сибирского митрополита Игнатия из 77 книг 4 выходили за рамки сугубо церковной литературы.

Особым спросом среди церковной литературы пользовались переводные и русские жития святых. Из переводной агеографической литературы следует отметить жития Евстафия Плакиды, Марии Египетской, Георгия Победоносца, Николая Мирликийского, среди русских – жития Варлаама и Иоанна Новгородских, Антония Сийского, Зосимы, митрополита Филиппа, Прокопия Уродивого. В основном в Сибири господствовала северорусская житийная традиция. Во многом появлению такой ситуации способствовали первые сибирские митрополиты – Киприан и Нектарий, привозившие с собой из Новгорода не только книги, но и книжных людей.

Под влиянием общерусских сказаний в Сибири были созданы местные повести-легенды о местных чудесах и жития си-

бирских святых. Примерами, таких сказаний служат легенда об Абалацкой иконе (1640-е), повесть о явлении иконы богородицы в Тобольске (1660-е). В конце XVII в. были созданы житие Василия Мангазейского и Симеона Верхотурского. В какой-то степени эти жития отклоняются от общерусской традиции и представляют собой не подробную биографию святого, а перечень его посмертных чудес, описанных разными людьми в разное время.

Помимо духовной, в ограниченном количестве в Сибири была распространена и светская литература. Среди географических сочинений преобладали космографии и литература хождений. В частности, к такой литературе можно отнести хождение Трифона Коробейникова, игумена Даниила и Василия Гагары. Не меньшей популярностью пользовались исторические повести о Мамаевом побоище, о Темир-Аксаке (Тамерлане), о взятии Царьграда, «История о Казанском царстве». Сибиряки XVII в. с удовольствием читали Есиповскую, Строгановскую и Ремезовскую летописи.

Помимо летописей, сибирская литература представлена произведением «Повесть о Таре и Тюмени», написанным в 1635–1642 гг. в Томске. В повести описываются события, происходившие в этих городах в указанные годы.

В Сибири творили находящиеся в ссылке видные литераторы XVII – начала XVIII вв. С 1609 по 1613 г. тобольским воеводой был служилый князь И.М. Катырев-Ростовский, перу которого принадлежит одно из наиболее ярких произведений о Смуте «Повесть книги сея от прежних лет» (1626). С 1622 по 1625 г. в ссылке в Тобольске, в 1629–1630 гг. воеводой в Енисейске был князь С.И. Шаховской, автор знаменитой в первой половине XVII в. «Повести известно сказуема на память великомученика Димитрия». В течение 15 лет отбывал ссылку в Тобольске Юрий Крижанич, известный автор, перу которого принадлежит интересное описание Сибири и ряд философских сочинений. За Уралом находился в ссылке с 1653 по 1662 г.

вождь раскольников протопоп Аввакум. Здесь он написал часть своего знаменитого «Жития», в котором присутствует достаточно подробное описание сибирских пейзажей, особенно р. Ангары и озера Байкал.

Среди людей духовного сана выделялся своим литературным дарованием сибирский митрополит Иоанн Максимович (1711–1715). Он являлся ярким представителем сибирского «барочного» красноречия, которое приобрел во время обучения в Киево-Могилянской духовной академии. В его произведениях ярко подчеркивается малороссийское влияние.

В силу отсутствия собственной письменности и незначительного уровня грамотности в конце XVI – начале XVIII вв. коренные жители, по всей видимости, не могли получить широкого доступа к литературным сочинениям. Однако практически у всех автохтонов существовал достаточно развитый фольклор, включавший в себя сказания, предания и эпосы, которые впоследствии в разные века были записаны русскими. В качестве примера можно привести предания о предках якутов Омогоэ и Эллэйе.

В XVII – начале XVIII вв. происходит зарождение сибирской литературы. Безусловно, на ее развитие влияло господство религиозного мировоззрения. Однако в ее развитии уже проглядывались светские мотивы, что соответствовало общерусской тенденции «обмирщения» культуры, характерной для XVII в.

§ 4. Музыка

Сибирские первопроходцы несли за Урал музыкальную культуру своих регионов своего времени. В новых условиях она развивалась в русле российской музыкальной культуры, но в то же время подвергалась изменениям под влиянием местного быта.

Согласно свидетельствам, первые русские музыканты появились в Сибири вместе с дружиной Ермака. В Ремезовской

летописи упоминается, что в его дружину входили трубачи, сурначи, литаврщики и барабанщики, а также монах-расстрига, который пел церковные песнопения.

Условно с этого момента можно разделить сибирскую музыку на духовную и светскую, а в последней выделить народную и военную.

О народной музыке содержатся упоминания в «Памяти верхотурского воеводы Рафа Всевожского приказчику Ирбитской слободы Григорью Барыбину», «Сказании об Абалацкой иконе», «Сказании о явлении Николая Мирликийского томскому горожанину Григорию». Из этих произведений следует, что сибиряки слушали песни, водили языческие хороводы и смотрели веселые музыкальные представления скоморохов.

Репертуар народных песен был достаточно широк. Начиная с XVII в. в Сибири были широко распространены исторические песни о взятии Казани, Кострюке-Мастрюке, Ермаке, Михаиле Скопине, Никите Романовиче, Степане Разине. Появляются песни сугубо сибирского содержания. Наиболее распространенные были «Ермак взял Сибирь», «На Бузане-острове», «Поход селенгинским казакам», «Во сибирской Украине, во Даурской стороне».

Помимо исторических, в Сибири получили распространение бытовые, шуточные и сатирические песни. К таким песням можно отнести «Чурилья-игуменья», «Из монастыря Боголюбова старец Игрищо», «Сергей хорош», «Кто Травника не слыхал», «Песня про Ванцов». Широко распространенная в Сибири в XVII в. песня «Когда было молодцу пора-время великая» может служить примером лирического творчества. В это же время активно исполнялись застольные песни «Стать почитать, стать сказывать» и «Свиньи хрю, поросята хрю».

К народным песням примыкали былины, которые обычно исполнялись под музыку. В Сибири широко были распространены былины о Добрыне, Тите Фарафонтьевиче, Илье Муромце, Иване Годиновиче, Алеше Поповиче, Михаиле Потуке, Дунае Ивановиче, Чуриле Пленковиче, Иване Гостином сыне.

При исполнении народных песен сибиряки в конце XVI – начале XVIII вв. использовали такие инструменты, как покрытые корою трубы, сопели, зурны, домры и литавры. В начале XVIII в. появляются первые скрипки.

Военная музыка была распространена в кругу служилых людей. Она поднимала боевой дух во время сражений и организовывала их повседневный быт. Сохранилось множество упоминаний о присутствии музыкальных инструментов сибирских воинских частях. Так, в отряде Я. Тухачевского, выступавшего против киргизов, было несколько барабанов и литавр. В переписных книгах Красноярска от 1672 г. фигурируют два человека по фамилии «Барабанщик».

Спецификой сибирской военной музыки конца XVII в. являлась большая роль инструментов прикладного значения – вестового и набатного колокола, рогов биричей.

Военная музыка и сигнальная служба украшали местные официальные торжественные мероприятия. Например, подписание мирного договора России с Китаем 27 августа 1689 г. происходило «при звуке труб и музыки». В XVII в. военные оркестр не имел еще строго регламентированного состава, но вышеупомянутые инструменты входили в число употребляемых в быту и войсках феодальной Руси. К сожалению, документы не позволяют достоверно установить репертуар сибирских военных оркестров XVII в.

В начале XVIII в. организация военных оркестров коренным образом изменилась после принятия «Примерной таблицы Воинского артикула» 1711 г., по которой в состав воинского оркестра в пехотных полках входило 9 музыкантов, в кавалерийских – 11 музыкантов, артиллерийский – 6 музыкантов. Помимо этого, пехотная рота обязана была иметь двух барабанщиков, а кавалерийская – двух барабанщиков и литавриста. Известно, что в 1711 г. Первый Тобольский пограничный гарнизонный батальон имел 5 флейтистов и 10 барабанщиков. Следует отметить, что с начала XVIII в. активно начинают формироваться в Сибири гарнизонные духовые оркестры.

Возможно, в начале XVIII в. в Сибири появился первый домашний оркестр. Записи расходных книг тобольской губернской канцелярии от 1713 г. о выдаче бумаг «на губернаторский двор на нотные книги», по мнению А.Н. Копылова (1924–2007), дают основание сделать предположение о попытке создать оркестр при доме первого сибирского губернатора М.П. Гагарина.

С появлением первых церквей в Сибири получила распространение церковная музыка. В документах конца XVI – начала XVIII вв. присутствует множество упоминаний о постройках звонниц и приобретении в сибирские поселения колоколов. Только в конце XVI – начале XVII вв. из Москвы в Сибирь привезли примерно 10 колоколов весом в 30 пудов каждый. К середине XVII в. почти каждая церковь и монастырь имели наборы колоколов разного веса и размера, а следовательно, высоты и тембра; это давало широкие возможности для исполнения многоголосых композиций. В сибирских документах присутствует описание колокольных звонов по поводу бракосочетания царствующих особ, в частности Петра I с Евдокией Лопухиной в 1689 г., приездов архиепископов, рождений наследников, военных успехов и т.п. Сохранились и имена сибирских мастеров колокольного звона. Ими являлись Первушка, бывший звонарем тобольского Софийского дома в 1624 г. и Лартка Григорьев, выполнявший там же обязанности звонаря в 1636 г. Интересно отметить, что на пасхальной неделе по обычаю доступ на колокольную был открыт и звонить мог любой из прихожан.

В церквях и монастырях пели хоры и солисты. Уже в 1636 г. в «Окладных книгах Софийского дома в Тобольске за 1636 г.» упоминается два хора певчих дьяков, состоявших из восьми и девяти человек. Все это свидетельствовало о том, что в Сибири получило распространение демественное многоголосое пение. Во второй половине XVII в. с приездом пятого архиепископа Симеона (1651–1664) в Сибири многоголосное пение начало за-

меняться на единогласное. Сохранился документ, в котором зафиксирована доставка в Тобольск увеличенной «дачи» воска и ладана. Единогласное пение было значительно продолжительнее многоголосного, следовательно, старой нормы уже не хватало.

Безусловно, монастыри, церкви, духовные миссии способствовали распространению в Сибири музыкальной культуры. В условиях отсутствия книжной торговли они в значительных для того времени количествах получали певческие книги. Например, крупные партии таких книг поступили в 1600 г. в Туринскую церковь, 1603 г. – в Мангазейскую, в 1626 г. – в Томскую. Есть свидетельства, что по православным духовным книгам пели не только пришедшие из-за Урала жители Европейской России, но и крещенные усилиями церкви ханты в Коде, коренное население (буряты, тунгусы) Иркутского, Удинского, Баргузинского, Нерчинского, Албазинского, Аргунского, Теленбинского, Селенгинского, Братского острогов, Посольской пустыни на Байкале и представители 14 крещеных родов князя Гантимура.

По косвенным данным, с момента создания сибирской епархии при Тобольском архиерейском доме существовала школа, в которой «искавшие степени священства» учились чтению, пению по нотам и выполнению ритуала.

Новый этап развития музыкально-просветительской деятельности церкви начинается с приездом в Сибирь энергичного митрополита Филофея Лещинского. Сразу же по приезде в Сибирь в 1702 г. он добился брать в церковные хоры украинцев Поднепровья, из которых впоследствии создал хор. Содержание певчих он ввел в ругу монастырей. Именно с этого времени начинается процесс перетекания церковного песнопения в домашнюю жизнь сибиряков. Таким образом, организация певческого церковного дела приобрела централизованный характер.

Музыку коренного населения в основном представляли культовые песнопения. Так, в одном из документов, относя-

щихся к 1608 г., говорится, что казаки, двигаясь на восток от р. Енисея, повстречали людей, повторяющих напевом слово «Ом, ом». Скорее всего, это были буряты, и звукосочетание «ом» являлось частью их молитвенной песни. В 1675 г. Н.Г. Спафарий сообщал о песнях и плясках остяков в их культовых местах.

Однако, помимо культовой музыки, имеются сведения об исторических песнях коренного населения. Например, в Кунгурской летописи приводится отрывок татарской песни о гибели пяти отважных дружинников Ермака. Таким образом, уже в XVII в. наблюдается взаимовлияние русской и автохтонной музыкальной культуры.

Интересной чертой музыкальной культуры Сибири стала серия концертов пленных шведов в салонах сибирских городов от Тобольска до Енисейска. Таким образом, сибиряки получили возможность приобщиться к достижениям европейской музыки.

В Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. сибирская музыкальная культура находилась в «зачаточном» состоянии. По сравнению с развитием музыкальной культуры в Европейской России, где функционировали школы русских распевщиков, пользовались известностью крупные исполнители, авторы и теоретики музыки, она отставала.

§ 5. Театр

Формы и содержание театрального искусства у русского населения Сибири в процессе колонизации нового края складывались на основе многовековых традиций народного искусства, истоками ушедшего в языческие культовые обряды.

Не случайно первые ростки сибирской театральной жизни можно связывать с появлением скоморохов, пришедших из северных областей Российского государства вместе с первыми переселенцами в конце XVI в. Хотя основная масса населе-

ния и любила музыкантов, песенников, жонглеров, потешников-игрецов, но они подвергались преследованию со стороны правительства и духовенства, поэтому нередко оказывались за Уралом как добровольно, так и в качестве ссыльных. Известно, что с середины XVII в. народные зрелища, устраиваемые скоморохами, были широко распространены в Сибири. Их выступления сопровождалась игрой на музыкальных инструментах, пением, плясками, показом акробатических номеров, демонстрацией дрессированных животных и прототипом театральных представлений. В этих представлениях в сатирической форме высмеивались негативные явления сибирской действительности: воеводский произвол, несправедливый суд и невежество духовенства.

Неспроста по сибирским городам была разослана грамота, согласно которой предписывалось уничтожать домры, гусли и прочие инструменты и наказывать скоморохов батогами. Однако этот указ фактически не исполнялся. Недаром архиепископ Симеон в 1653 г. жаловался об «умножении скоморошества».

В начале XVIII в. в Сибири появился первый церковный школьный театр. Инициатором его открытия стал сибирский митрополит Филофей Лещинский. Первые театральные представления начались не позднее 1705 г. Точного репертуара сибирского театра мы не знаем. В основном ставились духовно-назидательные пьесы. В пьесах воспевались догматы христианской религии, стойкость ее первых апостолов, высмеивались языческие культы и народные обряды, клеймилось вероотступничество и пропагандировалось православие. Исходя из этого, наверняка в репертуаре театра Ф. Лещинского были такие пьесы, как «О Новуходоносоре царе, о теле злате и о триех отрощех, в печи не сожженных» Симена Полоцкого, «О Владимире, славянороссийских стран князе и повелителе...» Феофана Прокоповича. Первыми актерами были преподаватели и ученики тобольской архиерейской школы. Сама сцена театра устраивалась на площади вблизи архиерейского дома.

Параллельно со школьным театром в Сибири широкое распространение получил кукольный театр – вертеп. А.Н. Копылов связывает появление вертепа с усилением в начале XVIII в. украинского влияния на русскую культуру. По внешнему виду (двухъярусный ящик) и репертуару (традиционной была пьеса «Смерть царя Ирода») вертеп мало отличался от староукраинского бурсацкого театра. Есть свидетельство брауншвейгского резидента в Петербурге Вебера, что в начале XVIII в. один пленный шведский лейтенант «завел в Тобольске кукольную комедию», которая пользовалась большим успехом у зрителей.

Таким образом, уже с начала XVIII в. можно говорить о зарождении школьного и кукольного театра в Сибири. У коренных народов театрального искусства не существовало, однако с большой вероятностью можно говорить, что они могли наблюдать театральные сценки скоморохов и представления школьного церковного театра.

§ 6. Живопись

Живопись Сибири конца XVI – начала XVIII вв. в основном была представлена иконописью.

До середины XVII в. иконы привозили преимущественно сами переселенцы и торговцы, их присылали в дар церквям и монастырям от царей и князей, организовывались казенные закупки в Москве через центральные органы управления Сибирью. Согласно авторитетному мнению А.Н. Копылова, в Сибирь иконы в основном привозили из Владимирского и Суздальского уездов.

Первые иконописцы в Сибирь пришли из Европейской России. Так, в начале XVII в. в Сибирь переселился из Устюга Великого «иконник» Спиридон, автор популярной тюменской иконы «Знамения божия матери» (Знаменский монастырь). Тогда же переехал в Сибирь протодьякон тобольского кафе-

дрального собора Матвей, автор «чудотворной» Абалацкой иконы. В 1636 г. митрополит Нектарий привез из Ниловой пустыни иконописца монаха Антония, который занимал должность иконописца Тобольского архиерейского дома до 1645 г. При приемниках Нектария иконописное дело в Тобольском архиерейском доме продолжало успешно развиваться, а архиепископ Г. Кремлев (1640-е) сам писал иконы. Были иконописцы среди лиц, сосланных за разные провинности в Сибирь для поселения на «государеву пашню». В 1691 г. в Енисейск по подозрению в союзнничестве с Федором Шкловитым сослали для поселения на пашне в Братском остроге московских иконописцев И. Владимирова и Ф. Алексева. Однако, исходя из содержания челобитной Красноярского воеводы, Ф. Алексеев остался в Красноярске на посаде, а И. Владимирова послали в Кузнецк, где не было иконописцев.

Свои иконописцы появились в Сибири не позже 1621 г., еще до учреждения Сибирской епархии. В 1630-е гг. в Тобольске при сибирском архиепископе открыли специальные мастерские для письма икон и обучения детей иконописному искусству и резьбе по дереву. По просьбе архиепископа в них для обучения детей прислали иконописца Дмитрия Бутусина из Соли Вычегодской и Первого Цыркува из Устюга Великого. Помимо обучения детей живописному искусству, они написали в 1638–1639 гг. иконы для предполагавшейся к постройке в Якутске Троицкой церкви. Также эти мастера расписывали тобольскую соборную Софийскую церковь. С середины XVII в. потребности населения Сибири в иконах удовлетворялись местными художниками.

В первой четверти XVII в. иконописцы известны среди посадских ремесленников Тобольска. Так, по дозорной книге 1624 г., было зарегистрировано четыре иконописца. Со второй половины XVII в. иконописцы были почти во всех монастырях и в более или менее крупных городах. В Енисейске на посаде в 1669 г. жило 4 иконописца и один их ученик. Среди них были масте-

ра, специально работавшие на рынок. Известно, что два брата и отец енисейского иконописца Григория Михайловича Кондакова, жившие вместе с ним, в 1650–1660-е гг. вели интенсивную торговлю на деньги, выручаемые от «иконного письма» Григория. Иконописец тобольского Знаменского монастыря Мирон Кириллов в 1675 г. писал копию Абалацкой «чудотворной» иконы для жены тобольского воеводы П.М. Салтыкова. Иконное дело получило развитие и в Тюмени, в частности, в начале XVIII в. работали сын боярский Н.Ф. Стрекаловский, конный казак Л. Мурзин и бобыль В.Н. Богданов.

В Сибири сложилась своеобразная система иконного письма. Сибирские иконы не отличались высокими художественными достоинствами, но имели свои особенности, импонировавшие широкому потребителю. Во многом сибирские иконы были схожи с иконами строгановской школы, однако уже в начале XVII в. сибирское иконное письмо обособилось от Строгановского в отдельную группу. Для сибирского письма были характерны разнообразная красочная гамма, сильно обогащенная золотом, и сосредоточение внимания художника на внешней композиции рисунка, что проявилось в изображении лиц и пейзажей. Лица выполнялись путем нанесения нескольких толстых слоев красок, поэтому они выступали несколько вперед в виде полурельефа, что обычно производило сильное впечатление на молящихся.

Несмотря на господство иконописания и религиозной фресковой живописи, в Сибири в XVII – начале XVIII вв. имела место и светская живопись. С конца XVII в. в домах местной духовной и светской знати стали появляться парсуны и картинки с изображением церквей и монастырей. Так, у тобольского митрополита Игнатия была парсуна «великого государя заморской печати», а также 3 парсуны «великих государей» и 1 патриарха. Кроме парсун, в доме Игнатия находились рисунки Соловецкого монастыря, части Московского государства и части Европы, московского Успенского собора и стол «писан

красками, столешница кедровая, на ней писан чертеж Сибирской земли».

Сибирские иконописцы занимались росписью стен и внутреннего интерьера зданий. В Енисейске в середине 90-х гг. XVII в. по распоряжению воеводы М.И. Римского-Корсакова расписали караульный чердак казенного амбара, где хранилась денежная казна.

Есть сведения о проведении масштабных художественных работ в доме первого сибирского губернатора М.П. Гагарина. У него работали С.У. Ремезов, его сын Семен, а также его племянник Афанасий Никитич Ремезов, 6 местных и 3 приезжих художника. За три месяца они написали масляными красками 18 больших картин на библейские сюжеты. Возможно, среди этих картин были и портреты. О существовании портретной живописи косвенно свидетельствует описание ныне утраченных портретов митрополита Иоанна Максимовича (1715) и митрополита Филофея (первая четверть XVIII в.).

По всей видимости, М.П. Гагарин являлся любителем разных видов живописи. Он пытался наладить в Тобольске серийное производство картинок светского содержания с медных штампов, приобретя в 1717 г. у пленного шведского поручика Бормана «две доски медные картинные по пять рублей за доску».

Также иконописцы расписывали военный инвентарь и привлекались к изготовлению наиболее ответственных чертежей местности. Так, енисейский иконописец Максим Протопов Иконник в 1688 г. расписал для казны 12 лукошек для барабанов, а через несколько лет принял участие в составлении карты окрестностей Иркутска. В конце XVII в. С.У. Ремезов богато иллюстрировал рисунками в красках «Историю Сибирскую» и «Чертежную книгу Сибири». В атласы С.У. Ремезова вошел ряд карт-чертежей, выполненных тюменским иконописцем М.Ф. Стрекаловским.

В начале XVIII в. о значительном увеличении числа живописцев говорит содержание челобитной тобольских живопис-

цев от 1713 г. По ней живописцы делили себя на следующие три группы: 1) «которые малюют наготово» («маляры»), 2) «которые подмалевывают» («подмалеватели») и 3) «которые краски трут». Звание маляров в Тобольске имели С.У. Ремезов, С.С. Ремезов, Ф.А. Букеев и Г. Лупанов.

Таким образом, можно говорить, что в Сибири за первое столетие русской колонизации сформировался своеобразный «цех» живописцев-иконописцев с местной спецификой письма, в который входили церковные иконописцы и иконописцы-живописцы «светской команды».

У коренных жителей Сибири в силу более примитивного, нежели у русских, уровня общественного развития существовала преимущественно орнаментальная живопись. Рисунками расписывали юрты, чумы, культовые предметы, одежду. В силу прикладного характера живописи до нас фактически не дошли оригиналы их произведений конца XVI – начала XVIII вв.

Общая тенденция «обмирщения» в русской живописи XVII в. в Сибири нашла весьма ограниченное распространение. За Уралом не существовало четкого разделения между иконописью и светской живописью. В начале XVIII в. с увеличением числа населения возрос спрос на иконы. Общее количество икон увеличилось, однако уникальные шедевры среди них стали встречаться значительно реже.

§ 7. Архитектура

В развитии сибирской архитектуры конца XVI – начала XVIII вв. можно выделить два основных этапа. Первый этап – с конца XVI по конец XVII вв. – характеризовался строительством исключительно деревянных зданий. На втором этапе, в конце XVII – начале XVIII вв., появляются строения из камня.

На первом этапе можно выделить крепостное, церковное и гражданское зодчество.

Первыми постройками, которые появлялись с приходом русских на новую территорию, являлись остроги. Внутри них располагались воеводская и таможенная избы, амбары, цер-

ковь, тюрьма, гостиный двор. По форме остроги представляли собой неправильные четырехугольники размером 400–600 м. Сначала строили «стоячий острог» (когда в землю закапывали заостренные бревна), затем рубленый город (вместо «острожин» в стену ставили квадратные бревенчатые связи – «городни», имевшие форму одноstopных изб). Обычно высота тынового острога была 5–6 метров. Такая же высота была и у рубленых острогов. Стадию тыновых прошли все остроги Сибири, начиная с первых, основанных в конце XVI в. (Тюменский, Тобольский), и кончая теми, что возникли в XVIII в. (Абаканский, Саянский и др.). Особенностью тынового острога являлось устройство изнутри настила для «верхнего боя». За внешним обводом острога иногда выкапывали ров и почти всегда устраивали «надолбы» или «чеснок». После возведения рубленого острога в случае сохранения военной опасности вокруг посада сооружался более вместительный «стоячий» острог. Со временем в Тобольске и других сибирских городах тыновые укрепления заменялись рублеными стенами. Однако в Красноярске малый и большой остроги долгое время оставались стоячими.

В рубленых острогах по углам и кое-где в стенах острога стояли 4, 6 или 8 башен, возвышавшиеся над уровнем стен. Существенной особенностью острожных башен являлось наличие такой конструктивной особенности, как облам. Помимо этого, острожные башни, как и стены, имели «нижние и верхние бои» (отверстия для ведения стрельбы), а высокие башни – еще и «средние бои». Среди башен были глухие и проезжие. Большое внимание обращалось на декоративную сторону строительства. В частности, нередко сооружались высокие шатры на башнях, увенчанные орлами. Помимо военных, острожные башни очень часто выполняли и хозяйственные функции. В них располагались казенные амбары, жилые помещения и склады. Кроме острожных, существовали так называемые «дозорные», или «сторожевые», башни. Из памятников деревянного зодчества до нас дошли две башенки Братского острога (1654), крепостная

Спасская башня в Илимске (XVII в.), башня Якутского острога (1683), Бельская «дозорная» башня (начало XVIII в.).

В сибирской церковной архитектуре XVI – начала XVIII вв. было две основные группы храмов.

Первая группа – это клетские храмы. Они представляли собой два рядом поставленных сруба, один из которых (восточный) был выше другого. Каждый сруб был покрыт двухскатной крышей. На крыше восточного сруба находился небольшой четверик, покрытый «бочкою», повернутой поперек главной оси здания. Бочка несла на круглых шейках две «луковичные» главки, обитые чешуей. Храмом такого типа были Вознесенская, Софийская и Богородицкая церкви в Тобольске (первая четверть XVIII в.), Введенская (1673) и Казанская (1676–1679) церкви в Илимске, а также Богородицкая церковь (1693), находившаяся в двух верстах от Илимского острога.

Вторая группа – это шатровые храмы. Они обычно состояли из трех частей. Центральная представляла собой четырех- или восьмигранник, заканчивающийся вверху восьмигранной пирамидой в виде шатра. Шатер увенчивался небольшим куполом луковичной формы. Вторую и третью часть церкви составляли пристройки к восточной (алтарь) и к западной (трапезная) стороне. В некоторых шатровых храмах к основному срубам пристраивались приделы с севера и юга, которые придавали храму форму креста. Шатровыми были верхоленская Вознесенская (1661), илгинская Богоявленская (середина XVII в.), иркутская Спасская (1684) и Спасо-Зашиверская (конец XVII в.) церкви. Среди храмов этого типа выделялась своими размерами соборная Троицкая церковь в Томске (1652–1653).

Особым типом культовых сооружений были «надвратные» церкви, стоявшие над острожными и монастырскими воротами. Ярким примером является надвратная церковь в Киренске, построенная в 1693 г.

Также были острожные церкви, часто размещавшиеся во втором ярусе обычных крепостных башен. Например, такой

была Спасская церковь Туринского острога, построенная в 1652 г.

В Сибири обычно рядом с церковным храмом располагались церковные лавки, которые церковники сдавали в аренду.

Гражданская архитектура отличалась многообразием построек. Дома и избы сельских и городских жителей строились из толстых бревен (минимальная толщина 35–40 см), рубились они в «обло» с выемкой в верхнем бревне. Жилые помещения сибиряков в XVII в. представляли собой одно-, двух- или трехкамерную связь. В деревнях получили распространение одно- и двухкамерные (изба и клеть) дома. В городах преобладали трехкамерные (изба, сени и клеть) дома. Крыши изб были высокими и двускатными. Вверху на стыке скатов концы досок перекрывались толстым выдолбленным снизу бревном «охлупнем», прижимавшим всю конструкцию крыши и придававшим ей необходимую прочность.

Окна были небольшие, высотой 50–70 см, квадратной или круглой формы. В деревянные рамы вставлялась сшитая кручеными волосяными нитками слюда. Также на уровне человеческого роста прорубались небольшого размера «волоковые» («смотровые») окна, которые задвигались изнутри доской. В домах, которые топились «по-черному», такие окна служили еще и дымоходами. В XVII в. печи, топившиеся «по-белому», то есть имевшие выведенные кирпичные печные трубы, не получили в Сибири повсеместного распространения. Даже в городах они имелись не во всех домах. В XVII в. в быт сибиряков начала входить русская печь, наиболее эффективная из существовавших в то время отопительных систем.

Внутри избы обычно стоял прямоугольный стол; вдоль стен располагались лавки, а вверху полки для хозяйственных нужд; под потолком были «полати» – специальный настил, где спали в зимнее время.

В декоративном убранстве сибирской избы обращалось внимание на обработку наличников и роспись оконных став-

ней, а внутри избы – на роспись потолка и дверей. В декоративной резьбе и росписи в Сибири прослеживается усвоение культур коренных народов. Например, на юге Красноярского края в русском декоре нашли отражение орнаментальные узоры гончарных изделий древних культур Минусинской котловины, а в Бийске – войлочных узоров алтайских казахов.

Среди городских строений выделялись по размерам и архитектурному оформлению таможенные и приказные избы, гостиные дворы, воеводские дома, имевшие по два-три этажа.

Сибирские города, основанные в XVI–XVII вв., отличаются характерным положением и живописным видом. Обычно это острог, расположенный на высоком берегу как стратегический пункт и группирующий вокруг себя остальную часть города. В архитектурно-планировочном отношении сибирские города были специфичны и в известном смысле опережали города европейской части страны. Уже с конца XVI в. в городском строительстве Сибири прослеживаются элементы регулярности, обусловленные спецификой возникновения здесь городских поселений как укрепленных военно-административных центров. Во многих из них не только административное ядро, но и основная часть посада включалась в ограниченные рамки острожных стен. Эта особенность диктовала необходимость регулирования застройки населенных пунктов. Прямоугольные остроги предопределили соответствующую им прямоугольно-параллельную сеть улиц. Однако в каждом отдельном случае и план острога, и сеть улиц определялись в силу практической целесообразности и необходимости. В сельской застройке Сибири в XVII в. господствовала свободная планировка.

Начало второму этапу сибирской архитектуры положило строительство Софийского двора в Тобольске (1683–1688). В 1677 г. во время пожара сгорели все деревянные постройки центра сибирской епархии. После ряда челобитных сибирских митрополитов Корнилия и Павла в 1681 г. было получено разрешение на каменное строительство. За десять лет на террито-

рии резиденции сибирского митрополита построили большой Софийский собор (1681–1686), сооруженный приехавшими из Европейской России архитекторами Герасимом Шарыповым, Гаврилой Тютиным и их помощниками Василием Харионовым и Савелием Мироновым, «святые ворота» (главный вход на территорию Софийского двора) с церковью Сергея Радонежского над ними (1686–1688), колокольню (1685), архиерейский дом (1691) и крепостную стену с 9 башнями (конец 1680-х – 1690-е). В конце XVII в. в целях борьбы с очень частыми в сибирских городах пожарами приказывалось все казенные здания строить из камня. Однако из-за отсутствия каменщиков и нехватки средств масштабное каменное строительство удалось развернуть лишь в Верхотурье и Тобольске. Так, в Тобольске мастера-строители местного Софийского собора возвели Спасо-Преображенскую церковь в Знаменском монастыре (1685–1691), Троицкую на Базарной площади верхнего посада (1691–1694) и Богоявленскую на нижнем посаде (1690–1691), впоследствии была построена Спасская церковь (1709–1713).

В других городах строили лишь отдельные здания. Например, с 1700–1704 гг. в Тюмени под руководством мастера Якова Афанасьева построили казенные амбары с Благовещенской церковью над ними. С 1708 по 1750-е гг. велось строительство каменного комплекса тюменского Троицкого монастыря. К 1715 г. построили главный собор Троицкий и небольшую одноэтажную церковь Сорока мучеников с монастырскими службами. В это же время появилась вторая церковь – Петропавловская. Предполагается, что строителем собора был мастер Матвей Максимов. В Иркутске в начале XVIII в. возвели приказную палату с амбарами под нею (1703–1704) и Спасскую церковь в южной стене острога (1706–1710), в Якутске – приказную палату и церковь (1706–1708), в Илимске – церковь Рождества предтечи (1707), недалеко от Верхотурья при Далматовом монастыре – Успенскую церковь (1707–1713). Имеются сведения о постройке в

Енисейске в 1712 г. каменной Богоявленской церкви, в Нерчинске в 1712–1720 гг. – Троицкого собора.

В Тобольске составление проекта каменного города в 1697 г. поручили С.У. Ремезову. За год С.У. Ремезов составил 5 проектов Тобольского кремля. В 1698 г. его вызвали в Москву для защиты своих проектов. Там же он прошел обучение каменному делу в Оружейной палате. Зимой 1699 г. после возвращения из Москвы С.У. Ремезова назначили главным строителем каменного города. Итоговый проект каменного города включал крепостную стену протяженностью 494,64 м с тремя проезжими и тремя круглыми башнями, Вознесенскую церковь, приказную палату, воеводский двор и хлебные житницы. Планировалось возведение гостиного двора. Однако данный проект «каменного города» был осуществлен не полностью.

По нему в 1700–1704 гг. построили двухэтажную приказную палату с амбарами под ней и с устроеными над карнизом в ряд бочкообразными чердаками. В ней С.У. Ремезов реализовал новый принцип слитной композиции, основанный на симметрии и регулярности, который сочетался с элементами старой «хоромной» архитектуры (примыкающий объем лестницы, живописное завершение кровли и т.п.).

Вторым по плану С.У. Ремезова возвели гостиный двор (1703–1706). На его первом этаже было 30 торговых помещений, на втором – 35, а под ними находились склады. Третья каменная постройка С.У. Ремезова – Вознесенская церковь – была спроектирована с ошибками. Не выдержавший собственной тяжести храм рассыпался в 1717 г. Четвертой постройкой по проекту С.У. Ремезова был каменный кремль с рентереей (казнохранилище-склад пушнины). В рентерее наблюдается отход от присущего древнерусскому зодчеству многообразия форм, в ней господствуют симметрично расположенные стандартные элементы. Помогал С.У. Ремезову пленный шведский архитектор Я.И. Бекен.

Менее крупным, но весьма значительным в архитектурном отношении был Верхотурский кремль. Строительство комплекса

Верхотурского кремля началось в 1700 г. под руководством мастера Тимофея Гусева. Он был поставлен на отвесном скалистом берегу р. Туры, на Троицком камне, вдоль оврага р. Свяги. В его состав входили воеводский дом, стоявший на территории кремля вне связи с крепостными стенами, Троицкая церковь (1703–1710), пересекавшая своим объемом восточную стену, примыкавшее к западной стене каменное здание кладовой и поварня воеводского дома, расположенная в северо-восточном углу.

Также С.У. Ремезов во исполнение указов Петра I о введении в российских городах регулярной застройки и строительстве типовых каменных зданий составил проекты образцов для строительства обывательских домов – одноквартирной «каменной палаты» и брусяного деревянного дома на две квартиры. В основу своего каменного дома С.У. Ремезов положил принцип огнестойкости. Его экономичный и дешевый образец для жителей Тобольска представлял из себя жилую ячейку с сенями общей площадью 40 м². В избе предполагалось 3 небольших спаренных окна, в сенях два, вход через сени, печь находилась в жилой части, но могла и обогревать сени. В проекте предусматривалась возможность строительства второго этажа. Во исполнение петровских указов Ремезов проектировал вынос на линию улицы всего фасада дома (палаты и сеней с выходом), а крыльцо заменил входной аркой. В качестве украшения помещения применялись белые наличники на красном фоне стены, известковые швы на кирпичной кладке, высокая черепичная кровля с прорезанной фигурной короной на трубе. В типовых домах С.У. Ремезова сочетались русские архитектурные традиции допетровской Руси с западноевропейскими инновациями, появившимися в XVIII в. Стоит отметить, что типовое строительство не было обязательным, поэтому не получило широкого распространения на территории Сибири.

Обычно за неимением мастеров и отсутствием опыта каменные здания в Сибири в начале XVIII в., как правило, возводили присланные мастера. Так, Спасскую церковь в Иркутске строили два московских мастера, присланных из Верхотурья в

1701–1702 гг. В Томске в начале XVIII в. каменным строительством занимались С. Михайлов и Н. Тихонов, присланные в 1701 г. из Москвы. В 1712–1713 гг. 90 пленных шведов во главе с И. Лемом построили дом для губернатора М.П. Гагарина.

Некоторые каменные здания в сибирских городах были исполнены в шатровом стиле. Например, гостиный двор в Тобольске, шатровые колокольни в Енисейске, Таре и Тюмени. Однако большинство каменных построек: гостиные дворы, административные здания, крепостные постройки – строились в стиле московского барокко.

Каменное строительство в Сибири прекратилось в связи выходом указа о повсеместном прекращении каменного строительства в связи с необходимостью активизации застройки Санкт-Петербурга.

В конце XVI – первой четверти XVIII в. архитектура автохтонных жителей Сибири, с одной стороны, сохраняла свои традиционные формы и приемы, с другой – отличалась многообразием. В зависимости от географического расположения жилищами коренных жителей Сибири являлись чумы, юрты, полуземлянки и примитивные деревянные постройки, которые не сохранились до настоящего времени.

Своеобразие сибирской архитектуры конца XVI – начала XVIII вв. обусловил синтез стилей и школ, привнесенных в процессе освоения земель за Уралом переселенцами из европейской части России, а также из-за границы. Приспособление веками сложившихся в Европейской России традиций к природно-климатической обстановке в Сибири и к условиям жизни за Уралом стало главной чертой сибирской архитектуры в конце XVI–XVII вв. С развитием с конца XVII в. каменного зодчества в сибирской архитектуре появляются стили, характерные для украинского и западноевропейского зодчества. В целом, зодчество Сибири развивалась в рамках общерусских архитектурных тенденций. Однако более тесное, чем в европейской части страны, взаимодействие каменной и деревянной архитектуры, включение в русские архитектурные формы

и в орнаментальное убранство отдельных элементов из художественной культуры коренных нерусских народов Сибири и Востока предопределили ее специфику и своеобразие.

§ 8. Быт первых сибиряков

Переселенцы в Сибирь принесли с собой особенности организации повседневной жизни «по русскому обычаю». Они жили в деревянных домах с полом, печью и слюдяными окнами. Дома сибиряков обычно были больше, нежели в европейской части страны. Неотъемлемым атрибутом русского жилища в Сибири являлась баня, которая использовалась как в санитарно-гигиенических, так и в лечебных целях.

В силу суровых природно-климатических условий сибиряки часто страдали от цинги, оспы, различных «горячек» и других болезней, которые могли закончиться летальным исходом, так как отсутствовала квалифицированная медицинская помощь. До начала XVIII в. врачи были только в составе крупных военных экспедиций, высылаемых непосредственно центральным правительством. В начале XVIII в. появились лекари и лазареты в воинских гарнизонах Сибири. В конце XVI – начале XVIII вв. сибиряки лечились преимущественно настоями из зверобоя, сосновой хвои, черемши, девятильника, березовых почек, малины, шиповника, белены, ревеня, «волчьего корня».

В повседневной жизни сибиряки любили в выходные дни посмотреть выступления скоморохов (песенников, плясунов, музыкантов, жонглеров, клоунов, дрессировщиков животных, кукольников). Они также в свободное время пели, плясали, играли в различные игры. Среди игр популярностью пользовались шахматы, бабки, городки, чехарда с шаром и свайка. В свободное время жители Сибири с удовольствием катались с гор на лыжах. Среди массовых развлечений сибиряков можно выделить катание с ледяных гор, взятие снежной крепости, проводы «масленицы», качели, борьбу, кулачные бои, конные состязания и игры в лапту. Нередко представители духовенства жаловались на то, что по

праздникам и в осенние вечера сибиряки устраивали «бесовские игры» – рядились в маски, пели песни, плясали и «в ладони били».

Среди праздников выделялись зимние святочные увеселения, начинавшиеся с первого дня Рождества и продолжавшиеся до «крещенского сочельника». Сначала ряженные ходили по домам и «славили» Христа, а затем, собравшись в одном доме, устраивали застолье с танцами. Шумными массовыми гуляниями сопровождалась и Масленица. В программу праздничных действий во время Масленицы входило катание с ледяных гор, сожжение чучела и взятие ледяного городка. От Масленицы до Пасхи во время великого поста какие-либо развлечения осуждались. На пасхальной неделе цикл игр и развлечений состоял из качелей (одиночных и двойных), «скакелей» (доска с упором для прыжков), игры в свайку, городки, мячом в лапту, одиночных кулачных боев под качелями, борьбы «в обхватку» и «с носка», скачек на верховых лошадях. Осенью после уборки урожая устраивали «капустки». Нарядные гости приходили «на помочь» рубить капусту, работали с песнями, затем пили чай, после которого начинались пляски, пение и игры молодежи.

Однако большую часть времени первые сибиряки проводили на пашне, на промысле или на государственной службе.

Безусловно, с приходом русских изменился и быт коренных жителей Сибири. Они стали активно использовать ножи, топоры, орудия земледельческого труда. Произошел переход представителей некоторых этнических групп от охоты, рыболовства и других промыслов к занятиям земледелием. В отдельных местах наблюдается смена типов жилищ. В это же время начался активный процесс ассимиляции пришлого и коренного населения, в ходе которого происходило взаимообогащение сформированными в течение многих веков бытовыми навыками.

На протяжении первого столетия освоения края шло становление культуры русских в Сибири. В данном процессе происхо-

дило приспособление имеющегося культурного опыта и традиций к местным условиям жизни. Отсутствие крепостного права в Сибири и наличие большей свободы в жизни первых русских переселенцев способствовали творческой переработке эталонов культур, имевших место в Европейской России. В Сибири светские элементы достаточно быстро проникали в церковную живопись. Менее строго, чем в центре страны, проводился принцип социального ограничения для поступающих в учебные заведения, развивалась критическая антиклерикальная линия в «вертепе». Все это способствовало появлению самобытной и своеобразной сибирской культуры.

Вопросы для закрепления

1. Каков был уровень грамотности у пришлого и коренного населения Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.?
2. Какие типы школ появились в Сибири в XVII – начале XVIII вв.?
3. Почему картография занимала ведущее место среди других начальных форм научных знаний в Сибири?
4. Каких известных исследователей и «ученых» людей конца XVI – начала XVIII вв. вы знаете? Опишите их основные достижения.
5. В чем заключалась специфика развития сибирской литературы в конце XVI – начале XVIII вв.?
6. Какие светские произведения и церковные книги читали сибиряки в конце XVI – начале XVIII вв.?
7. В чем заключалась специфика сибирской музыки конца XVI – начала XVIII вв.?
8. Когда появился первый театр в Сибири? Каков был его репертуар?
9. Какие произведения светской и духовной сибирской живописи вы знаете? Назовите их авторов.
10. Какие этапы в развитии сибирского зодчества выделяются в конце XVI – начале XVIII вв.? Кратко охарактеризуйте каждый этап.

11. Какие примеры сибирского деревянного и каменного зодчества XVII – начала XVIII вв. вы знаете?

12. Кто руководил строительством комплекса Тобольского кремля? Почему его строительство приостановили в начале XVIII в.?

13. Как изменился быт коренного населения Сибири с приходом русских?

Список рекомендуемой литературы

1. История Сибири с древнейших времён и до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в эпоху феодализма. С.153–178.

2. Евменова Л.Н. Культура русских переселенцев Приенисейского края. Красноярск: СФУ, 2007. С. 37–188.

3. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1974.

4. Кочемамов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1977.

5. Прыгун Е.В. Из истории музыкальной культуры Красноярска: от «бесовских игр» скоморохов – к Народной консерватории (1628–1920). Красноярск, 2007. С. 7–35.

6. Роменская Т.А. История музыкальной культуры Сибири от походов Ермака до крестьянской реформы 1861 года. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992. С. 12–84.

7. Скалон В.Н. Русские землепроходцы и исследователи Сибири XVII века. М.: Изд-во Московского общества испытателей природы, 1951.

8. Хромых А.С. Сибирские летописи как свидетельство кругозора русских людей XVII в. // История науки, образования и культуры в Сибири: сб. материалов II Всероссийской научной конференции с международным участием, г. Красноярск, 23–24 октября 2007 г. / Краснояр. гос. пед. ун-т. Красноярск: ИПК КГПУ, 2008. С. 221–227.

ГЛАВА VIII

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Одним из основных институтов формирующегося сибирского сообщества в конце XVI – начале XVIII вв. была Русская православная церковь. Именно она во многом определяла состояние духовного мира первых сибиряков. В Сибири первые переселенцы, являвшиеся носителями устоев традиционного общества, воспроизводили те формы общественной жизни, которые были присущи их современникам, отцам и дедам. Венчание при заключении брака, крещение родившихся, причащение и исповедь, таинства, связанные с желанием очистить душу, отпевание умерших являлись неотъемлемой частью повседневной жизни первых русских за Уралом. Религиозные праздники и дни памяти святых определяли время начала тех или иных сельскохозяйственных работ. Церковь была своеобразным духовным стержнем для русских, переселившихся на бескрайние и неосвоенные просторы Сибири, и претендовала на эту роль у новокрещеных.

§ 1. Структура Русской православной церкви в Сибири

В Сибири к началу 1620-х гг. существовало значительное число монастырей и церквей. Их деятельностью напрямую руководила Московская патриархия. Однако стремительное продвижение русских землепроходцев в глубь Сибири неизбежно вело к увеличению территории Российского государства и, соответственно, к увеличению числа храмов и монастырей. Поэтому объективно назрела необходимость координировать

деятельность Русской православной церкви на местах. По инициативе патриарха Филарета, активно лоббировавшего интересы церкви при дворе и ее претензии на распространение своего влияния на бескрайних просторах Сибири, в 1620 г. с согласия его сына царя Михаила Федоровича была основана Тобольская епархия. Во главе ее стал Киприан, бывший архимандрит Хутынского монастыря, находившегося вблизи Новгорода. В Тобольск он прибыл 30 мая 1621 г.

Получив сан архиепископа, он осуществлял контроль за исполнением на местах норм догматической и культовой системы, способствовал распространению православия среди коренного населения, произносил проповеди, идеологически доказывающие правомерность присоединения Сибири.

По приезде в Сибирь Киприан возглавил Тобольский архиерейский дом, являвшийся центром управления Тобольской епархии. Это учреждение имело свою структуру, штат служащих, которые помогали архиепископу управлять подведомственным ему духовенством, вершить над ним суд, руководить хозяйственной деятельностью епархии. В структуру Тобольского архиерейского дома входили Архиерейский, Казенный и Духовный (Судный) приказы. Архиерейский приказ появился во второй четверти XVII в. В его функции входило: обслуживание архиерейского хозяйства, создание необходимых бытовых условий для жизни главы епархии, организация выездов архиепископа, ведение делопроизводства, деловая переписка с церквями и монастырями, подготовка бумаг и решений на подпись главы епархии, рассмотрение вопросов назначения церковнослужителей. Штат архиерейского приказа состоял из церковного воеводы, двух дьяков, казначея, эконома и других должностных лиц. Церковный воевода руководил вооруженными людьми, охранявшими архиепископа и его владения. Обязанности эконома заключались в управлении всеми хозяйственными делами. Ему подчинялись ризничий, житенный, конюшенный, сушиленный и другие служители, выполняв-

шие разные виды хозяйственных работ. Казначей ведал финансами и хранением имущества ризницы. Дьяки оформляли разного рода бумаги, необходимые для управления епархией, а впоследствии митрополией. Казенный приказ являлся высшим финансовым учреждением епархии и ведал распределением и контролем церковных денежных средств в пределах Сибири. Духовный приказ осуществлял судопроизводство на территориях, подведомственных Тобольскому архиерейскому дому. Церковный суд распространялся на священнослужителей, церковнослужителей, монахов, служилых людей архиерейского дома и монастырей, на крестьян церковных вотчин. В структуре Тобольского архиерейского дома ведущая роль принадлежала Софийскому собору, который являлся местом хранения архиерейской ризницы. Также в состав Тобольского архиерейского дома входили духовенство и церковные служители кафедрального собора, домовые служители (светские лица, работающие в архиерейской резиденции).

В Тобольской епархии была своеобразная система управления приходами. Первоначально территория епархии была разделена на три разряда: Тобольский, Верхотурский и Енисейский. Во главе разрядов находились настоятели крупнейших монастырей. В конце XVII в. значение разрядов в управлении епархией падает, а в начале XVIII в. при Филофее Лещинском их упразднили в связи с разделением Российского государства на губернии. Параллельно с существованием разрядов в 1678 г. появляется административно-территориальная единица – десятина. С момента своего возникновения она становится основной в территориально-административном делении Тобольской митрополии. Духовными делами в ней ведал заказчик, в обязанности которого входили контроль за поведением приходского духовенства, наблюдение за отношением к православной вере русского населения и обязательным исполнением православных служб. По всем сложным вопросам заказчик напрямую обращался к архиерею. Финансово-адми-

нистративными делами в десятине ведали десятильники, или десятинники. На территории Тобольской епархии (митрополии) в качестве сборщиков податей в пользу архиерейского дома выступали поповские старосты. Во главе вотчин Тобольского архиерейского дома стояли управители и приказчики. Монастырскими же вотчинами управляли посельные монахи.

Впоследствии в 1668 г. Тобольская епархия была преобразована в митрополию. В дальнейшем масштабный проект реформирования церкви представил на Московском соборе 1681 г. царь Федор Алексеевич. По этому проекту предполагалось разукрупнение церковно-территориальных единиц и создание архиепископств в крупных сибирских городах для противостояния развивающемуся в Сибири расколу. После ранней смерти Федора Алексеевича проведение реформы отложили в долгий ящик, а структура Русской православной церкви в Сибири до 1740-х гг. в. оставалась без существенных изменений.

§ 2. Сибирские церкви и приходы

С основанием первых русских острогов за Уралом обычно сразу же строились церкви. К 1680-м гг., по приблизительным данным, в Сибири насчитывалось около 150 церквей с приходами. К началу XVIII в., по подсчетам И.М. Покровского, во всей Сибирской митрополии, включая территорию будущей Иркутской епархии, насчитывалось 160 церквей. По переписи 1719 г., в 13 заказах митрополии (без заказов будущей Иркутской епархии) насчитывалось уже 283 церкви (соборные, приходские, вотчинные и т.д.). В Сибири проводились богослужение в приходских, вотчинных, монастырских и ружных церквях. Ружными церквями обычно являлись главные городские соборы, церкви, построенные за счет казны в процессе колонизации Сибири, а также церкви, появившиеся в землях автохтонных жителей, принявших христианство. С конца XVII в. Петр I начал проводить политику сокращения ружного обеспечения церквей. Так, например, в 1699 г. согласно распо-

ряжению государя на самообеспечение перевели духовенство трех городских и пяти уездных церквей, а также духовенство и монахов Томского Алексеевского монастыря.

Основную массу церквей за Уралом в конце XVI – начале XVIII вв. составляли приходские церкви, они являлись центрами местной городской или сельской религиозной общины. Инициатива постройки церкви исходила от приходской общины. Оформлялась она челобитной или прошением мира к архиерею. Обычно главным аргументом для строительства нового храма являлась дальность расстояния группы деревень от действующей церкви и связанные с этим неудобства в отправлении культа. Получив прошение, архиерей наводил справки о материальном обеспечении новой церкви и размере прихода, и если не усматривал препятствий, то выдавал грамоту на ее строительство. Очень часто строительство затягивалось из-за неверных расчетов материального обеспечения, и тогда приходская община была вынуждена прибегать к сбору средств на территории епархии. После окончания строительства архиерей разрешал освятить церковь и начать богослужение.

Помимо церквей, в Сибири в приходах было распространено строительство часовен. Много часовен было в глухих деревнях. Очень часто со второй половины XVII в. в них тайно отправляли богослужение старообрядцы беспоповских согласий, поэтому по указу от 25 ноября 1707 г. строительство часовен было запрещено.

Вокруг церкви складывалась приходская община. Спецификой сибирской приходской общины являлась ее многословность. Это было обусловлено как сложным составом светских общин, входивших в один приход, так и наличием внутри его однородных общин с разной сословной принадлежностью. Следовательно, в Сибири часто территория приходской общины не совпадала с крестьянской и посадской.

Руководил общиной выборный приходской (церковный) староста, котрый решал текущие вопросы и контролировал

расход средств прихода. Должность приходского старосты была связана с немалыми хлопотами и тяжелой материальной ответственностью и рассматривалась не как привилегия, а как повинность. Нередко старосту церкви сменяли по его просьбе. В более мелких церковных единицах – часовнях аналогичные функции исполняли часовенные старосты. Верховным же органом власти являлся приходской сход. В XVII в. место его сбора находилось рядом с приходской церковью или в ее трапезной, где, к слову, собирался и мирской светский сход. Приходской сход решал вопросы выделения средств на строительство новой церкви или на капитальный ремонт храма. На общем собрании принимались обязательства о материальном снабжении церкви и духовенства, определялись нормы взноса с каждой семьи прихода, утверждалось наделение местного клира угодьями из земельного фонда светских общин. К хозяйственным функциям приходского схода относились контроль за приходской казной, распределение доходов от торговли свечами и иными предметами, необходимыми прихожанам для проведения культовых действий. На приходском сходе выбиралось духовенство местной церкви, а иногда и сторожа, и ходатаи по церковным делам (приходские поверенные). Их направляли к церковному и светскому начальству с просьбами о разрешении на ремонт, восстановление, строительство и освящение храма, на сбор подаяний для нужд приходской церкви за пределами общины и т.д. Сход мог принять решение об отказе кандидату на духовный чин, а иногда и отказать в занимаемом месте члену местного клира. На приходском сходе обсуждались жалобы на местный клир, велись споры по всевозможным вопросам конфессиональной жизни, в частности по организации крестных ходов, временного перемещения икон и т.д.

Здания и прилегающие территории приходских церквей использовались не только для культовых целей. Нередко в сибирских городах – центрах торговли при церквях были лавки, а деньги за их аренду составляли солидную долю приходских

средств. Также в церквях хранили разнообразное нецерковное имущество: архив мирских общин, всевозможные драгоценные вещи купцов и зажиточных сибиряков. На протяжении всего XVII в. церковь на законных основаниях являлась центром приходских пиршеств, которые затевались по поводу храмовых праздников. У большинства приходских церквей было специальное помещение для канунных празднеств и оборудование для варки пива, сырье для которого собирали с прихожан, а доход с его продажи шел в приходскую казну. С начала XVIII в. начинают издаваться указы, строжайше запрещающие подобную практику.

Таким образом, в конце XVI – начале XVIII вв. церковь являлась центром духовной, общественной, политической и религиозной жизни русских общин в Сибири.

§ 3. Монастыри в Сибири

Помимо церквей, с первых десятилетий русской колонизации Сибири активно создавались монастыри, которые имели земли и вели на них активную хозяйственную деятельность.

Согласно справедливому мнению И.Л. Маньковой (р.1961), в указанный период в Сибири существовало три пути возникновения монастырей. Первый путь – создание обители в городе при поддержке светских властей, посадского населения и сельскохозяйственной округи. Так возник в 1604 г. Верхотурский Никольский монастырь. Второй путь – основание монастырей «сверху», то есть по инициативе областных церковных властей, чтобы включить в сферу своего влияния новые районы крестьянского освоения (Невьянский Богоявленский монастырь – 1621 г.). Третий – основание монастыря как практическая реализация идеи пустынножительства (Далматовский Успенский монастырь – 1644 г.).

Самым древним сибирским монастырем являлся Тобольский Знаменский мужской. Первые документальные упоминания о его деятельности относятся к 1596 г. С момента

возникновения и до 1610 г. монастырь носил название Зосимо-Савватиевского, в тот же год монастырь перенесли из-за р. Иртыша на посад в верхнюю часть Тобольска, в нем построили Успенскую церковь и кельи. В 1621 г. монастырь сгорел и по распоряжению архиепископа Киприана его перенесли на нижний посад за Татарские Юрты на правый берег р. Иртыша при впадении в него р. Абрамовки. С 1610 по 1623 г. Тобольский мужской монастырь назывался то Успенским, то Никольским, и только с 1623 г. стал именоваться Знаменским по имени построенной здесь церкви. Первыми настоятелями монастыря являлись строитель Логвин и игумен Дионис, а первым архимандритом был Мефодий. В 1623 г. на месте сгоревшего Тобольского Знаменского монастыря по распоряжению архиепископа Киприана построили Тобольский Рождественский женский монастырь.

В Туринске в 1604 г. был основан Туринский Покровский женский монастырь. В 1616 г. казанский монах Нифонт основал Тюменский Преображенский монастырь. Он был построен в северо-восточной части Тюмени, рядом с Ямской слободой, на мысу поймы р. Бабарынки. В 1702 г. его переименовали в Свято-Троицкий монастырь.

При епископе Киприане в Сибири в течение четырех лет было основано 7 монастырей. В 1620 г. возник Тарский Параскево-Пятницкий женский монастырь. В 1621 г. во время своего пребывания в Верхотурье Киприан основал Верхотурский Покровский женский монастырь при устье р. Дернейки, ниже города. В 1624 г. в нем находились храм Покрова Богородицы и 3 кельи. Чуть позже, в 1624 г. завершилось строительство Невьянского Богоявленского монастыря. В 1621 г. возник Томский Успенский мужской монастырь. С 1630-х гг. он стал называться Богородице-Алексеевским. В 1662 г. в целях безопасности монастырь с р. Большая Киргизка, находящейся в 8 верстах от города, перенесли на окраину Томска в район р. Ушайки. В 1620–1624 гг. при Киприане появились Тюмен-

ский Успенский (Ильинский) женский (1620–1624), Туринский Николаевский мужской (1624) и Тарский Спасский мужской (1624) монастыри. По мысли Киприана, монастыри в Сибири устраивались вблизи городов для содействия принятию православия сибирскими инородцами и укреплению основ веры у пришлого населения.

В 1635 г. был основан Березовский Воскресенский мужской монастырь, в 1656 г. монастырь закрыли, а его братию перевели во вновь построенный Кондинский монастырь. Восстановлен монастырь был в 1696 г., затем в 1699 г. его снова упразднили.

В 1639 г. в 10 верстах от Красноярска при впадении р. Березовки в Енисей появился Красноярский Введенский мужской монастырь, просуществовавший до второй половины XVIII в. В 1640–1641 гг. возник Енисейский Спасский мужской монастырь.

В 1644 г. на левом берегу р. Исети старец Далмат (в миру казак Дмитрий Иванович Мокринский) основал знаменитый Далматовский Успенский мужской монастырь. Известность монастырю принесли аскетичная жизнь и фанатичная вера его основателя Далмата, а также чудотворная икона Успения Божьей матери. В 1650 г. при монастыре появилась деревянная Успенская церковь. В 1696 г. для защиты от набегов башкир монастырь обнесли толстой стеной из бревенчатых срубов с бойницами и пушками.

В 1648 г. на р. Томи, недалеко от Кузнецка возник Кузнецкий Христорождественский мужской монастырь.

В 1651 г. на берегу р. Исети при впадении р. Ялынки, в 85 верстах от Тюмени появился Троицкий мужской монастырь, который по имени основателя стали называть Рафаиловым. В XVII – начале XVIII вв. при монастыре находилось духовное училище, в котором обучались иконописанию.

По-своему уникальным был основанный в 1653 г. в 8 верстах к востоку от Тобольска при р. Шаталыке Междугорский Иоанно-Введенский мужской монастырь. Это был единствен-

ный в Сибири монастырь, приписанный к Тобольскому Софийскому архиерейскому дому. По сути, монастырь являлся загородным домом для тобольских архиереев.

В Сибири чаще встречались случаи приписки одних монастырей к другим. К Далматовому монастырю был приписан с 1680 до 1743 г. женский Введенский монастырь. Рядом с Верхотурским Николаевским стоял приписанный Покровский женский. К Невьянскому Богоявленскому был приписан Богородицкий женский монастырь, к Якутскому-Спасскому – Покровский монастырь, к Троицко-Селенгинскому – Посольский монастырь.

В 1657 г. на правой стороне р. Оби, в устье р. Кондушки, в 240 верстах от Березова для распространения и упрочнения христианства среди «кодских остяков» основали Кондинский Троицкий монастырь.

Опальный священнослужитель, «черный поп» Тихон, сосланный в Мангазею в 1660 г., близ устья р. Нижняя Тунгуска дал начало Туруханскому Троицкому мужскому монастырю. В основанную обитель Тихон привез редкие рукописные книги, жития святых, летописи, царские грамоты и памяти, положив начало богатой монастырской библиотеке.

В 1663 г., благодаря инициативе служилого человека якутского острога Ивана Афанасьева, появился Якутский Спасский монастырь. В том же году «черный поп» Гермоген по просьбе и на средства пашенных крестьян и служилых людей Илимского острога основал Троицкую Усть-Киренскую пустынь.

В 1664 г. недалеко от Енисейска, в устье р. Мельничной возник Енисейский Рождественский женский монастырь. Его основание протоиерей Енисейского Богоявленского собора Дмитрий Евтихеев датирует 1623 г., но эта дата не подтверждена никакими свидетельствами исторических документов. В 1671 г. появилось три монастыря: Албазинский Спасский монастырь, Томский Рождественский женский монастырь, Братская Спасская пустынь на р. Ангаре в шести верстах от Братского острога.

Иркутский Вознесенский монастырь основали в 1672 г. на возвышенном берегу Ангары, в четырех верстах к северу от Иркутска. Первым настоятелем его стал старец Герасим. С 1707 по 1741 г. Иркутский мужской монастырь был кафедральным и являлся резиденцией иркутских епископов.

Примерно в 1677 г. на р. Кети по инициативе местных монахов появилась «Новая пустынь». В XVIII в. Кетская пустынь превратилась в Лосиноборский Спасо-Преображенский монастырь. В 1680 г. возник Далматовский Введенский женский монастырь.

В 1681 г. из Москвы в Забайкалье, на р. Селенгу прибыла миссия игумена Феодосия в составе 12 человек. Основной задачей миссии являлось основание монастыря «для призвания иноверных в православную христианскую веру». В результате деятельности этой миссии появился Селенгинский Троицкий монастырь. В 1684 г. на р. Селенге построили соборную Троицкую церковь. Основав монастырь на р. Селенге, игумен Феодосий на Байкале, на Посольском мысу велел занять заимку и пустынь, где для монахов построили Николаевскую часовню. В начале XVIII в. там была сооружена Знаменская церковь. Таким образом, сформировался комплекс Посольского Спасо-Преображенского монастыря.

В 1693 г. был основан Иркутский Знаменский женский монастырь, строителем которого являлся некий Влас Сидоров. Монастырь построили на правом берегу р. Ангары, в версте к северу от Иркутска.

В конце XVII в. возникли Кодская Троицкая мужская пустынь и Нижнеудинский Спасский мужской монастырь. Кодскую пустынь основали иноки Троицкого Кондинского монастыря в 98 верстах к юго-западу от Ялutorовска при р. Исети. Также в конце XVII или в начале XVIII вв. на берегах р. Лены, в 65 верстах от Якутска появился Якутский Покровский мужской монастырь.

В 1698 г. по инициативе Петра I издали указ, согласно которому фактически запрещалось строительство монастырей в Сибири. Однако вопреки этому указу и, более того, с одобрения правительства в 1706 г. в шести верстах к юго-востоку от Нерчинска основали Нерчинский Успенский мужской монастырь. Скорее всего, в начале XVIII в. возник Кашиношиверский Спасский (Преображенский) мужской монастырь в 615 верстах к востоку от Енисейска на правом берегу р. Ангары.

В 1711 г. недалеко от Нижне-Камчатского острога, в устье р. Ключевки камчатский миссионер архимандрит Мартиниан основал Нижнекамчатскую (Ключевскую) Успенскую мужскую пустынь. В 1717 г. монах Игнатий Козыревский устроил при ней молитвенный дом.

Многие монастыри играли важную роль в социально-экономической, политико-идеологической и культурной жизни Сибири. Обычно при каждом монастыре была церковь, а в крупных – их могло быть несколько. Стоит отметить, что при каждой церкви был свой штат священно- и церковнослужителей. Само же существование монастыря как общежития людей, покинувших мир, давших обет бедности, послушания и безбрачия, было своего рода наглядной агитацией правильного служения богу.

Сибирские монастыри выполняли важную оборонную функцию – охрану подступов к городам. Они, как правило, имели крепостные стены с башнями. Наиболее ярким примером является Далматовский Успенский монастырь, не раз в течение XVII в. отражавший нападение башкиров и калмыков на долину р. Исети.

Также сибирские монастыри содействовали распространению православия среди нерусских народов и укреплению позиций правительства и церкви в присоединенном крае. Некоторые из них были специально основаны для христианизации «сибирских инородцев». В частности, такими монастырями являлись Березовский Воскресенский, Кондинский Троицкий,

Селенгинский Троицкий и др. Родоплеменная знать коренных народов Сибири относительно добровольно и больше из политических соображений принимала христианство в Москве или в сибирских острогах. Так, например, поступали Анастасия, жена Алача, и ее родственница Анна Пуртиева, Игичей Алачев. В начале XVII в. в их вотчинах появился первый храм. Но в 1628 г. из 600 человек мужского пола живших в Кодском княжестве, насчитывалось только 10 человек новокрещеных, и это были исключительно дворовые люди самого князя.

Со второй половине XVII в. церковь активизировала свою деятельность по распространению христианства среди нерусских народов в Сибири. В 1681 г. официально утверждается Даурская православная миссия в Забайкалье с целью христианизации местного населения. В конце 1706 г. Петр I издал указ о массовой христианизации хантов и манси. Для этих целей вновь в 1706 г. открыли Березовский Воскресенский монастырь, упраздненный в 1699 г.

Сибирские монастыри, так же как и монастыри в Европейской России, имели тюрьмы, в которых содержались религиозные и политические преступники. С начала XVIII в. тюрьмы находились при Верхотурском женском, Далматовском Успенском мужском, Далматовском Введенском женском, Кондинском Троицком мужском, Томском Христорождественском женском, Енисейском Спасском мужском, Енисейском Рождественском женском, Туруханском Троицком мужском, Якутском Спасском мужском, Нерчинском Успенском мужском.

Условия ссылки и заточения в сибирских монастырях были достаточно суровыми. В монастырские тюрьмы Сибири садили наиболее важных и опасных преступников, причем очень многие из них присылались не только без объяснения того, в чем состояла их вина, но и даже без указания их имени и фамилии. Это были анонимные арестанты. Заключенные держались по одному в казематах или «каютах» и были закованы в цепи. Наиболее суровыми условиями содержания заключенных про-

славился Селенгинский Троицкий монастырь. В Енисейском Рождественском монастыре было устроено особое тюремное отделение с железными решетками для содержания женщин.

Монастыри занимались активной земледельческой колонизацией края и основывали крестьянские деревни и слободы. Значительную долю монастырских земель обрабатывали будущие кандидаты в монашеский чин – трудники. Правительство активно использовало духовные корпорации для освоения новых районов Сибири. Не исключено, что указы, направленные на ограничение роста церковного землевладения, преследовали также цель заставить монастыри разрабатывать пустоши, расположенные на границе их владений. В 1622 г. на р. Тавде на займище хана Кучума была основана архиерейская Тавдинская слобода. Одновременно Киприан положил начало подгородной Курдюмовской вотчине. Тобольский воевода отвел архиерейскому дому по челобитью архиепископа луг за р. Иртышом и пахотную землю за р. Курдюмкой, рядом с Тобольском (53 чети в поле и сенных покосов на 400 копен).

В вотчинах многих монастырей Сибири в XVII – начале XVIII вв., кроме земледелия, были развиты самые разнообразные промыслы.

В конце XVII в. Кондинский Троицкий монастырь имел кузницу с пятью наковальнями и добывал железную руду на берегу р. Оби. Также ему принадлежали свечная мастерская и прииск слюды на р. Оби. Из слюды монастырь изготавливал оконницы на продажу.

Рыбный промысел играл заметную роль в хозяйстве Тобольского архиерейского дома, Тобольского Знаменского, Кондинского Троицкого, Посольского Преображенского и других монастырей. В 1719 г. в вотчинах архиерейского дома было 17 рыбных озер.

В конце XVII – начале XVIII вв. в вотчинах Туруханского Троицкого и Енисейского Спасского монастыря значительное развитие получили соляные промыслы. Так, в 1670-х гг. Ени-

сейский Спасский монастырь в своей Усольской вотчине добывал 1–1,5 тысячи пудов соли в год, а к концу 1680-х гг. – по 3–4 тысячи пудов. Добываемую соль монастырь реализовывал в Енисейске. Троицкое же усолье давало ежегодно от 4500 до 7000 пудов соли. Также имели свои промыслы Иркутский Вознесенский и Якутский Спасский монастыри.

В вотчинах Туруханского Троицкого монастыря, помимо солеварения, значительное развитие получил пушной промысел. Ряд зимовьев в низовьях р. Енисея принадлежали монастырю. Добыча пушного зверя в монастырских зимовьях осуществлялась наемными работниками-покрученниками. Руководил организацией пушного промысла в монастыре приказчик-передовщик. О размере пушных промыслов монастыря говорит тот факт, что в 1700 г. в его пользу покрученники сдали 740 песцов белых, 30 песцов голубых, 10 недопесков.

Монастыри являлись самостоятельными хозяйственными единицами, обладающими значительными по размеру вотчинами, управляемыми специальными должностными лицами. Большую часть доходов монастыри Западной и Восточной Сибири получали от продажи продуктов собственного хозяйства, помольных денег, ростовщической деятельности и вкладов. При этом почти у каждого монастыря были расходные статьи на приобретение различных товаров и оплату труда наемным работникам.

К концу XVII в. деятельность монастырей была настолько успешной, что они вступали в конкурентную борьбу с государственной слободской администрацией за привлечение «гулящих людей», добываясь при этом значительных успехов. По характеру колонизационно-хозяйственной деятельности сибирские монастыри были схожи с северорусскими. Создание церковных вотчин проходило теми же путями, что и в других районах Российского государства.

К началу XVIII в. на территории Сибири существовало 39 монастырей. Правительство в первое столетия освоения но-

вых территорий в большинстве случаев поддерживало строительство монастырей недалеко от острогов. Но важно подчеркнуть, что деятельность Русской православной церкви была больше направлена не на привлечение в свое лоно неофитов, а на сохранение своего влияния на русских людей на территории Сибири.

Политика московского правительства по отношению к церкви, монастырскому землевладению была двойственной и противоречивой. В центре страны, особенно с возвращением патриарха Филарета из польского плена, шла активная борьба между «священством» и «царством». До 1630-х гг. власть содействовала хозяйственной деятельности Русской православной церкви, а затем, видя ее успехи в деле освоения Сибири, стала ее ограничивать.

С одной стороны, государство не хотело, чтобы у него в Сибири появился сильный конкурент в лице Русской православной церкви, поэтому оно стремилось всячески ограничить монастырское землевладение в Сибири. На протяжении всего XVII в. в Сибирь посылались царские грамоты, в которых монастырям запрещалось приобретать новые земли «без государева указу».

С другой стороны, для русского сибирского населения церковь была единственным социальным институтом, где оно могло удовлетворять свои духовные потребности. Для правительства же Русская православная церковь являлась тем инструментом, с помощью которого возможно было проводить эффективную христианизацию аборигенного населения, способствовавшую включению его в состав полноправных подданных Российского государства. Так, монастыри, которым поручили заниматься христианизацией нерусского населения (например, Селенгинский Троицкий, Посольский Спасо-Преображенский), пользовались особой благосклонностью правительства и местной администрации в XVII – начале XVIII вв. и получали пожалования. Поэтому власти вынуждены были

смотреть сквозь пальцы на рост вотчин этих монастырей. В течение всего XVII в. в Сибирь направлялись, наряду с запретными, ограничительными предписаниями правительства, царские грамоты, жаловавшие Тобольскому архиерейскому дому и местным монастырям новые земельные владения или подтверждавшие право пользования землями, которые были приобретены ранее другим путем, при содействии сибирской администрации.

В эпоху Петра I вышли указы от 24 и 31 января 1701 г., согласно которым всем имуществом российских монастырей стал управлять специально созданный Монастырский приказ. В него должны были поступать все сборы с жителей церковно-монастырских земель. Следить за хозяйственными делами монастырей должны были лица, назначенные светскими властями. Монастырский приказ также распоряжался доходами от принадлежавших сибирскому архиерейскому дому и монастырям мельниц, перевозов, мостов, рыбных ловель и т.д. Монастырям запрещалось самостоятельно, без разрешения Монастырского приказа тратить крупные средства на свои нужды, в частности производить строительные и ремонтные работы.

Монастырский приказ со своим ограниченным штатом не мог контролировать и эффективно управлять находящимся в разных концах страны монастырским хозяйством. Через несколько лет из ведения Монастырского приказа изъяли малодостаточные монастыри, а потом и крупные монастыри получили обратно право управлять своими землями и крестьянами.

§ 4. Сибирское духовенство

Белое и черное духовенство являлось особым сословием-конфессией в Российском государстве XVII в. За редким исключением они принадлежали к нетяглому населению страны.

В среднем в XVII в. на одну церковь в Сибири приходилось семь церковнослужителей. Службу в церквях и установленные обряды исполняло белое духовенство – попы, дьяконы, дьяч-

ки, пономари. В соборных храмах – протопопы, протодьяконы, попы, дьяконы, дьячки и пономари. В течение всего XVII в. основной проблемой Русской православной церкви в Сибири являлась нехватка церковнослужителей. В новых церквях и монастырях ощущался острый дефицит в попах, протопопах и дьяконах. Проблему комплектования духовенства в начале XVII в. взяло на себя государство. Оно осуществляло «прибор» духовных лиц в Сибирь. Так, в царской грамоте тюменским воеводам от 1600 г. говорится: «... да с ними же послан на Тюмень черный поп Никон, да церковный дьячок Ефтифейко Фомин с женою».

Впоследствии в Сибири служителей культа часто выбирали посадские и крестьянские миры, считавшие служение в церкви одной из мирских служб. В Тобольском архиерейском доме чаще всего признавали их выбор и ограничивались взиманием пошлины за поставление священнослужителей. При этом необходимо учитывать, что на протяжении всего XVII – начала XVIII вв. государство стремилось ограничить институт церкви минимальным количеством людей. С конца XVII в. обычной становится практика, когда священник выдвигал согласованных с приходской общиной кандидатов в причетники. Основной тенденцией комплектования сибирского духовенства в XVII – начале XVIII вв. стало сокращение инословных источников его пополнения. Резко уменьшился приток в духовное сословие со стороны «гулящих людей». Во второй половине XVII в. решением церковного собора 1666–1667 гг. юридически был запрещен переход в духовное сословие беглых крепостных. Следовательно, со второй половины XVII в. основным источником воспроизводства белого духовенства стали сами церковнослужители.

В целом, уровень грамотности сибирского духовенства был невысок, а зачастую встречались и просто неграмотные церковнослужители. Обычно своих сыновей представители духовного сословия обучали чтению, письму и счету и пере-

давали им навыки и знания, которые были необходимы для повседневной церковной службы. Только в начале XVIII в. указом от 15 января 1708 г. предписывалось всем поповским и дьяконовским детям учиться в греко-латинских школах, а по указу 1710 г. обязаны были пройти обучение дети всего духовенства. Однако многие сибирские города от Тобольска отделяли бескрайние просторы, путешествие по которым исчислялось месяцами пути, поэтому священно- и церковнослужители не хотели отправлять детей на учебу, приводя в качестве доводов для отказа отсутствие средств на дальнюю дорогу.

Большую часть церковнослужителей составляло выборное приходское духовенство. Очень часто их выбирали из среды прихожан, которые вносили за них подати до очередной переписи или «вечно». Их социальное положение было двояко: они освобождались от воинской повинности, были лично свободными и, как правило, нетяглыми по отношению к казне людьми, но зависели от своих архиереев. Низшее приходское духовенство платило церковную десятину в архиерейский дом и возмещало расходы, связанные с ее сбором. Основным источником доходов приходского духовенства составляла оплата паствой совершаемых священником обрядов (треб). Доход также приносила приходская руга хлебом и деньгами, размер которой прописывался в договоре со священником. Ругу собирали подворно с каждого мужчины от 15 до 60 лет. Благосостояние приходского клира зависело от количества посещавших церковь верующих и их состоятельности. Другим источником доходов сибирского духовенства являлось использование земли, отводимой церкви. Причем нередко священнослужители на этой земле собственноручно осуществляли весь цикл сельскохозяйственных работ.

Поступление от прихожан были добровольными, их размер не был определенным; при расчетах пастыри по необходимости торговались с прихожанами. Эта система предполагала массу конфликтов, которые иногда приводили к «неблагообразию» местных пастырей.

Обычно между общиной и клиром существовали договорные отношения. Они закреплялись в челобитной архиерею, «выборе» и договоре общины с кандидатом на церковный чин, в котором фиксировались обязанности сторон. К моральному облику ставленника предъявлялись достаточно высокие требования: «жития доброго и неподозрительного», «добрый человек, не пьяница, в домостроении своем нелинивый, не клеветник, не сварлив, не любодей, не убийца, в воровстве и обмане не обличен». Однако нередко в среде сибирского духовенства встречались и такие пороки, как вымогательство, воровство, пьянство, драки, разного рода насилия, пренебрежение профессиональными обязанностями, а также отказ от треб или их несвоевременное исполнение, вымогательство дополнительной платы у населения.

Если одна из сторон нарушала условия договора, то договор расторгался, и другая сторона должна была получить компенсацию. Провинившемуся духовному лицу община могла отказать от места. С конца XVII в. под давлением высшей церковной иерархии количество таких договоров сокращается.

Часть церковнослужителей в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. получали статус государственных служащих с определенным содержанием. Им, так же как и служилым людям, выплачивалось денежное и хлебное жалованье – ругу. Размеры его различались в зависимости от сана и условий назначения, но оно обязательно было достаточно высоким по сравнению с окладами других служилых людей. Так, в той же грамоте от 1600 г. в Тюмени определялся следующий размер жалованья: «... а нашего денежного жалованья руги попу Никону дано на Москве на нынешней 108 год 10 рублей, а дьячку дано 4 рубли, а хлебного жалованья дали на Тюмени попу Никону 7 четьи муки ржаной, четверть круп, четверть толокна, и дьячку Ефтифейку Фомину дали б есте 5 четьи муки, осмину круп, осмину толокна». Вследствие нехватки людей и удаленности от центра Российского государства, возможно, отсутствовал четко фиксированный единообразный оклад в среде церковных

служащих, поэтому в зависимости от уезда и сложности службы платилось различное жалованье. В более поздний период с образованием Тобольской епархии более четко оформилась церковная структура и упорядочилась выплата ружного жалованья. Помимо руги, они получали доходы от исполнения треб и использования церковных земель.

В Сибири с конца XVI – начала XVIII вв. наблюдался дефицит духовенства, поэтому некоторые церкви десятилетиями оставались «праздными», а приходы обслуживались соседними причтами. В этих условиях население напрямую обращалось к архиерею с просьбой «приискать» к их церкви духовное лицо. Поэтому выборное начало и в XVII, и XVIII вв. действовало не всегда.

Отличительной особенностью социального положения сибирского духовенства до 1621 г. являлась его подсудность воеводскому суду. Но даже после основания в 1621 г. церковного суда при Тобольской епархии неоднократно поступали жалобы на вмешательство воевод в духовные дела. В XVII в. еще не произошло четкого разграничения компетенции в решении разного рода вопросов между различными инстанциями. Решения приходилось принимать быстро, и тот институт управления, который имел больший опыт и более четко оформившуюся структуру, брал на себя инициативу. В какой-то степени активное участие воевод в осуществлении судопроизводства в отношении сибирского духовенства в первой половине XVII в. предвосхитили нормы, установленные Соборным Уложением 1649 г. Судебные привилегии церкви по Соборному Уложению были отменены, а в 1650 г. был создан Монастырский приказ, который возглавляли судьи из светских феодалов. Следовательно, правонарушения черного и белого духовенства рассматривались наравне с преступлениями мирских людей в одной судебной инстанции.

Эта ситуация не могла устроить как верховных иерархов церкви, так и представителей основной массы российского и

сибирского духовенства. На церковном соборе 1666–1667 гг. им удалось провести решение о создании в патриаршем и архиерейских домах приказов духовных дел с судьями из духовных лиц и передачу им суда над духовенством. За ненадобностью в 1677 г. Монастырский приказ упразднили.

Специфические черты были присущи черному сибирскому духовенству. В монахи в Сибири шли бывшие крестьяне, посадские люди, стрельцы и другие служилые люди «по прибору», бывшие церковнослужители. Среди сибирских монахов XVII – начала XVIII вв. было довольно много активных, чистлюбивых и иногда творчески одаренных людей. Они не находили себя в миру, где положение людей и их занятия определялись принадлежностью по происхождению к тому или иному сословию или даже к более узкой сословной корпорации. В монашестве происхождение было второстепенно, а следовательно, существовали большие возможности для реализации способностей человека. К тому же некоторые талантливые, энергичные и чистлюбивые выходцы из низов становились элитой духовенства – келарями, игуменами, архимандритами. В отличие от белого духовенства, жившего в острогах, они преимущественно проживали в своих монастырях.

В сибирских монастырях была достаточно разветвленная иерархия черного духовенства. Прежде чем стать монахом, человеку необходимо было определенное время побыть трудником, послушником без пострига, послушником в постриге, иноком. Выше монаха в иерархии черного духовенства находились иеродиаконы, которые имели право участвовать в богослужении в церкви при монастырях. Руководил ими архидиакон. Службы же в монастырской церкви вел более высокий сан – иеромонах. Женскими монастырями управляла игуменья, мужскими – игумен, а особо важными и крупными мужскими монастырями – архимандрит.

Кроме того, в монастырях существовали специальные должности, связанные с организацией хозяйственной деятель-

ности. Их обычно занимали монахи. Общим хозяйственным управлением монастырской вотчины занимался келарь. Казной монастыря ведал казначей. Письменные дела монастыря вел дьяк или подьячий. Судебными делами монастыря занимался стряпчий. Все эти должностные лица обычно выбирались монастырской общиной.

В основном представители черного духовенства имели более высокие доходы, нежели представители белого духовенства, так как, помимо государева жалованья, получали доходы от принадлежащих монастырям земель, которые обрабатывали зависимые крестьяне. Например, в государевой грамоте от 1621 г. в Туринск говорится следующее: «... в Покровском монастыре черново священника Макария... и по нашему указу велено покровскому игумену Макарию нашего жалованья руги дати 8 рублев, хлеба 8 чети ржи и овса на один на 130-й год».

В петровскую эпоху резко сократилось выделение средств на содержание монахов. Если в 1701 г. на содержание одного монаха полагалось 10 руб. деньгами и по 10 четвертей хлеба на человека в год, то в 1705 г. эта норма уменьшилась вдвое. Параллельно ограничивалось количество обслуживающего персонала монастырей, сужался круг лиц, которые могли стать монахами. Активизировался процесс переселения в монастыри больных и нищих, людей неспособных к труду и отставных солдат. Ужесточались и правила повседневного поведения монахов. Им нельзя было выходить самочинно из монастыря, запрещен был переход духовных лиц с одного места на другое, было ограничено общение монашествующих с мирскими, в кельях запрещалось писать письма.

Представители же белого духовенства проживали преимущественно в сибирских городах. Так, в Туринске, по сведениям дозорной книги 1624 г., лиц духовного звания было 8, а если учесть, что всего в городе проживало 202 человека мужского пола, то удельная доля церковнослужителей составляет почти 4 %.

В большинстве своем служители церкви составляли оседлое население, редко переводимое правительством из города в город, а впоследствии из их среды вышло много сибирских старожилов.

§ 5. Сибирские староверы

В Сибири староверы появились практически сразу после раскола церкви в 1650–1660-е гг. Н.Н. Стахеева, видный специалист по проблеме раскола в современном сибиреведении, выделяет два потока старообрядческих переселений: санкционированные и тайные. Первые – ссыльные, переселенцы из пашенных крестьян, служилые люди – были сосланы правительством, жили в селах, городах и острогах вместе с никонианами. Вторые – стремились удалиться от властей, «слуг антихристовых», тайно селились в труднодоступных для людей местах. Если в Западной Сибири преобладали добровольные переселенцы-старообрядцы, то в Восточной – ссыльные. В XVII в. наибольшие группы староверов появились Красноярском, Якутском и Нерчинском уездах.

В начале XVIII в. ревизии и подушная подать, стрелецкие казни, перенимание иноземных обычаев и одежды наводили староверов на мысль, что на русском престоле в лице Петра I воцарился антихрист. Поэтому многим старообрядцам предписывалось отказаться от общения с «мирскими». В староверческой среде популярность приобретают проповеди о добровольном уходе от «мира» путем саможжения или бегства от слуг антихристовых. Все это способствовало в начале XVIII в. массовому переселению старообрядцев в Сибирь.

§ 6. Особенности восприятия православия у сибиряков

В силу отдаленности Сибири от центра Российского государства у русских сибиряков сложилось специфическое восприятие христианства, сильно отличавшееся от канонов тради-

ционной церкви. Показательна в этом плане грамота от 1622 г. патриарха Филарета к архиепископу сибирскому Киприану о религиозном состоянии его паствы и о мерах к установлению благочестия. Согласно сведениям, приведенным в ней, многие крещеные там не носили крестов, не соблюдали постные дни, вступали во внебрачные половые отношения с «поганскими женами» и ближайшими родственниками, закладывали своих жен на время поездок на дальние расстояния, при этом не встречали осуждения со стороны местного духовенства. Очень часто черное духовенство проживало вместе с мирянами и «ничем от мирских людей не рознилось». Постригшиеся из прихожан во многих случаях впоследствии заводили мужей и жен. Существовала практика, когда многие служилые люди, приезжавшие с государевой денежной и соболиной казной, привозили девушек из других русских городов, вместе с ними сожительствовали, а затем продавали сибирским служилым людям.

Во многом это отражало религиозное безразличие, ростки которого стали проявляться в русских городах в 20–40-е гг. XVII в. Во второй четверти XVII в. относится увеличение пропуска церковных служб. Во время службы очень часто обсуждали мирские новости и свои заботы, сводили счета и ссорились, а иногда и дрались. Нищие же во время службы двигались, собирая подаяние, бранились между собой и с верующими, дрались. Заметно снизилось почитание православных символов и возросло число злоупотреблений религиозными клятвами, целованием креста и икон. Неудовлетворенность церковными службами, с одной стороны, способствовала росту влияния на жизнь людей скоморошества, корни которого уходили в язычество, с другой – рождала духовные поиски, результатом которых был осознанный отход от общепринятых норм православной веры.

К тому же даже в конце XIX в., по подсчетам Л.В. Островской, причастившихся и исповедавшихся прихожан было

около трети. Причем слабость церковного влияния в Сибири объяснялась разбросанностью приходов, длительными отъездами на заработки и т.п. Зная это, церковнослужители рекомендовали записывать и запоминать свои грехи, чтобы потом рассказать их священнику. При этом сибиряки воспринимали приходскую церковь как объект собственности, построенный на собственные средства. Поэтому предпочитали оставаться в своем исконном приходе, в котором находились могилы предков.

Крайне неблагоприятные для земледельческого труда природно-климатические условия порождали в сознании сибирского крестьянина идею полной зависимости от Господа Бога результатов своей деятельности. Одновременно в сознании крестьян происходил синтез христианского идеала творца с языческими традициями поклонения силам природы. Сама по себе, по справедливому мнению Л.В. Островской, религиозность сибиряков была сложной и противоречивой. Она представляла собой своеобразный конгломерат верований различных исторических эпох. Восприятие сибирскими крестьянами бога и нечистой силы было весьма далеко от официального богословия и приспособлено к повседневной жизни. На территории Сибири русский человек сталкивался с новыми природными условиями и этническим окружением, его жизнь находилась в постоянной опасности, и иногда все зависело от воли случая, поэтому в его сознании жило множество суеверий и предрассудков. Например, в Томске в 1607 г. часть служилых и посадских людей заболели неизвестной болезнью. Виноватым объявили новокрещена татарина Ивана, которого вместе с несколькими татарами посадили в тюрьму. Также стоит учитывать, что местное православное население жило в тесных хозяйственных и территориальных контактах с языческими народами и неустойчивыми в вопросах веры новокрещеными, которые вольно или невольно склоняли их к своим культам. Так, в середине XVII в. протопоп Аввакум обличал енисейско-

го воеводу Афанасия Пашкова в том, что он призывал шамана лечить своего сына.

§ 7. Русская православная церковь и коренные жители

Начало крещению сибирских инородцев положил указ Бориса Годунова, по которому предписывалось строить церкви для новокрещеных. В XVII в. правительство не стремилось провести быструю поголовную христианизацию аборигенов. Во главу угла ставились геополитические и фискальные интересы государства. Следовательно, сохранилась автономия их внутренней жизни, авторитет родовой знати, атрибуты властной самоорганизации, не происходило вмешательства в семейно-брачные отношения. Терпимость верховной власти в отношении иноверия сибирских народов проявляется не только в использовании ее в юридической практике собственных норм, основанных на нехристианских верованиях (шерть), но и в запрете осквернять места языческих молений и захоронений, о чем специальной государевой грамотой велено было «заказ учредить крепкой». Правда, в челобитных и воеводских грамотах иногда упоминаются случаи нарушения запрета и осквернения русскими людьми могил автохтонного населения. Так, в 1609 г. русские казаки на территории Березовского уезда раскопали могилы местных остяков.

В XVII в. в сибирских острогах зачастую священники крестили попавших в плен автохтонов или жителей подгородних областей. Так были обращены в христианство кочевавшие недалеко от Красноярска качинцы и аринцы. В конце XVII в. значительное число новокрещеных из татар, вогулов остяков встречаются в районах расселения русских людей.

В этот период во многом отрицательное отношение коренного населения к Русской православной церкви было вызвано активной деятельностью монастырей, направленной на расширение своего хозяйства. Подобно монастырям Русского Се-

вера сибирские монастыри также часто практиковали захваты земли, принадлежавшей местному ясачному населению. Так, Тобольский Знаменский монастырь часть своих земель приобрел путем вытеснения в 20-х гг. XVII в. из-под Бегишевских гор татар. Правда, аналогичным образом он поступал с землями русских крестьян.

В начале XVIII в. христианизация приобретает характер государственной политики. В конце XVII в. выходит указ Петра I, разрешавший крестить коренных жителей только священникам. Он положил начало оформлению миссионерской деятельности. Следовательно, к этому времени на первый план выходит задача идейного закрепления достигнутых политических и экономических успехов в присоединении Сибири. Политика христианизации инородцев являлась логическим продолжением всего курса реформ Петра I, для которого были характерны: стремление охватить жесткой регламентацией все стороны жизни, прагматизм, идея всеобщей пользы и жесткие методы внедрения этих идей в жизнь. На практике, с одной стороны, предписывалось, сжигать все языческие кумирницы и на их месте строить часовни и церкви, а с другой – новокрещены получали налоговые льготы, награждались землей и освобождались от уголовных наказаний. В 1700 г. особым указом сибирским митрополитом был назначен Филофей Лещинский, который в 1705 г. отправил православную миссию на Камчатку во главе с архимандритом Марининым. В 1707 г. православные миссии посетили березовских остяков и Монголию. Сам же митрополит совершил миссионерские поездки по Березовскому краю, вниз по рр. Иртышу и Оби, в Пелымский, Сургутский, Нарымский, Кеткий, Томский и Енисейский края.

Таким образом, можно констатировать, что христианизация сибирского населения происходила в двух формах. До начала XVIII в. коренные жители приобщались к христианской вере в процессе совместной хозяйственной деятельности, повседневной жизни. С начала XVIII в. проводится целенаправлен-

ная государственная политика, осуществляемая служителями культа, миссионерами через сеть церковных учреждений посредством проповедей или насильного обращения в православную веру инородцев-язычников.

Итак, в рамках деятельности Русской православной церкви в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. были основаны церкви и монастыри, что позволило открыть Тобольскую епархию. Среди первых русских в Сибири господствующим являлось православное христианское мировоззрение, правда, языческая составляющая у них проявлялась особенно отчетливо. Основной задачей Русской православной церкви было сохранение православной веры и культурных традиций среди первых сибиряков. Отличительной чертой в идеологической политике Российского государства являлась религиозная терпимость к традициям «сибирских инородцев». В условиях формирования сибирского общества церковь не имела такого влияния на светскую власть, какое наблюдалось в центральной части страны. Тем не менее там, где строились первые остроги, почти всегда можно было увидеть присутствие Русской православной церкви.

Вопросы для закрепления

1. В чем заключалась специфика сибирской приходской общины?
2. Какими путями шло образование монастырей в Сибири?
3. Почему в начале XVIII в. практически перестали появляться новые монастыри за Уралом?
4. Какие функции осуществляли монастыри в Сибири?
5. В чем заключалась специфика хозяйственной деятельности сибирских монастырей в конце XVI – начале XVIII вв.?
6. Когда была образована отдельная Тобольская епархия? Каково было ее значение для судьбы Русской православной церкви в Сибири?

7. Каково было положение сибирского духовенства?
8. Как осуществлялось взаимодействие Русской православной церкви и коренного населения Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.?
9. В чем заключалась специфика сибирского варианта православия?
10. Почему в Сибири широко были распространены суеверия среди пришлого христианского населения?

Список рекомендуемой литературы

1. Асочакова В.Н. Русская православная церковь в истории Хакасско-Минусинского края в XVIII – первой четверти XIX вв. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2005.
2. Асочакова В.Н. Христианизация хакасов в XVIII веке – 1861 г. (до образования Енисейской епархии). Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2008. С. 59–83, 134–149.
3. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. С.14–177.
4. Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1981. С. 53–151.
5. Иверский (Христорождественский) монастырь / под ред. В.И. Царева. Красноярск: АО «БИЗНЕСПРЕССИНФОРМ», 1994.
6. Стахеева Н.Н. Старообрядчество в Восточной Сибири в XVII – начале XX вв. Иркутск, 1998.
7. Хромых А.С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI – первая четверть XVII века): Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2012. С. 222–239.
8. Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1983.

Заключение

Исторические процессы, происходившие в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв., сложны и многообразны, поэтому не случайно до настоящего времени ученым однозначно не удалось определить точным термином суть процесса освоения русскими сибирских просторов.

За этот относительно короткий период времени русским удалось пройти расстояние от Уральских гор до Тихого океана. На территории Сибири они развернули масштабную хозяйственную деятельность по освоению края. Уже с конца XVI в. активно развивался пушной промысел, так как именно желание добыть «мягкую рухлядь» являлось мощным побудительным стимулом для русских к проникновению и деятельности в Сибири. Затем на большей части Сибири господствующим занятием русского населения становится земледелие. Именно благодаря развитию сибирского земледелия бескрайние просторы за Уралом прочно вошли в состав Российского государства. Знаковой являлась практика привлечения на государеву сибирскую пашню местного населения. С середины XVII в. активно развиваются ремесло и торговля, появляются зачатки добывающей промышленности в Сибири.

Географическая и этнонациональная пестрота пришлого и русского населения, диспропорции полов в пользу мужчин и общая малочисленность русских создавали питательную почву для метисации, выражавшуюся в заключении браков с «сибирскими инородцами», а также смешанных браков между выходцами из разных российских районов и иноземцами, что в конечном итоге создало почву для образования будущего нового сообщества сибиряков.

В процессе формирования сословно-социальной структуры сибирско-русского общества в наименьшей степени проявился перенос из центра принципа жесткого обособления сословий, их прикрепления к определенному роду деятельности и месту

жительства. Практически все служилые люди активно занимались в различных сферах производительным трудом и торговлей. Они, а также трудовое население, включая сибирских инородцев, через казацкие круги, сельские и городские общины обладали на низовом уровне властными и хозяйственными функциями вплоть до отказа коронным властям от воеводства и прямой апелляции к верховной власти. В имущественных и сословных отношениях стиралась жесткая зависимость от происхождения и местничества, а положение людей определялось их личными качествами, что обуславливало интенсивную социальную вертикальную и горизонтальную мобильность. При этом не стоит забывать, что в конце XVI – начале XVIII вв. существовали различные типы и формы эксплуатации: государственно-феодалная зависимость, частновотчинная зависимость и этническая эксплуатация.

Отличительной особенностью сформировавшегося сибирского общества являлась органичная интеграция инородческого населения в состав Российского государства. Коренные жители, приобщаясь к новым формам хозяйственных занятий, получали гражданский статус и являлись субъектами гражданского и публичного права, а новокрещены и племенная знать входили в число местных представителей коронной власти на местах.

Сибирь являлась особой частью Российского государства, находившейся под непосредственным управлением сначала Посольского приказа, а затем специальных территориальных приказов – Казанского и Сибирского. Сибирь воспринималась как государева вотчина, на которую распространялись старофеодалные принципы управления дворцово-вотчинным хозяйством. За Уралом находился значительный сектор государственной экономики в виде десятинной пашни, казенных мельниц, солеварен, мастерских. На местах власть осуществляли уездные воеводы. Очень часто первые сибирские администраторы злоупотребляли своими полномочиями, тем

самым провоцируя выступления широких масс населения против их власти. Однако в условиях нехватки людей для освоения новых территорий и относительной слабости местной власти государство было вынуждено вести борьбу с произволом воевод, тесно сотрудничать с мирами города и деревни, идти им в ряде вопросов на уступки. Следовательно, изначально в Сибири складывались развитые формы социального партнерства.

Взаимоотношения центральной власти с «сибирскими инородцами» сводилось к распространению русской власти на новые территории, ясачным отношениям и к осуществлению публичных функций. Здесь ключевую роль играли ясачные отношения. В ясачной политике сочетались как меры, направленные на защиту ясачных людей от разного рода притеснений, так и карательные репрессии в случае уклонения от выплаты ясака. Но уже к концу первой четверти XVII в. вследствие осознания коренными жителями положительных аспектов цивилизационного влияния со стороны колонистов количество вооруженных столкновений уменьшилось. К тому же и сама традиционно гибкая политика центральной власти по отношению к автохтонному населению, предусматривавшая включение «сибирских инородцев» в состав полноправных подданных, давала свои плоды.

В конце XVI – начале XVIII вв. начали формироваться основы сибирской культуры. Несмотря на относительно небольшое количество грамотных людей, появились первые зачатки научных знаний о территории и природе Сибири. В это время были написаны знаменитые сибирские летописи, происходило развитие сибирской живописи, архитектуры, музыки и театра. В целом, в конце XVI – начале XVIII вв. культура Сибири с небольшим отставанием развивалась в русле общерусской культуры, однако тесное взаимодействие с коренными народами Сибири предопределила ее локальные особенности и специфику.

Воспроизводство системы духовных ценностей и ментальности русского народа на востоке от Урала осуществлялось, с одной стороны, снизу через переселенцев, а с другой – с различной степенью активности светскими и особенно духовными властями. Опасение лишиться части доходов вызывало в XVII в. сдержанное отношение центральной власти к активной деятельности Русской православной церкви в Сибири, направленной на основание монастырей и организацию конфессионально-корпоративного землевладения.

До начала XVIII в. при соприкосновении разного типа обществ не было насильственного втягивания и насаждения системы духовных ценностей колонистов через жесткую христианизацию, а присутствовала веротерпимость, которая закладывала основу взаимодействия разнотипных культур. Хотя некоторые «сибирские инородцы» принимали христианство и становились новокрещенцами, но вера их была непрочной, и во многом они совершали крещение для получения каких-либо привилегий.

Значение включения территории Сибири в состав Российского государства в конце XVI – начале XVIII вв. трудно переоценить. Во многом благодаря присоединению части Азии Российское государство впоследствии получит статус империи. Именно с вхождением Сибири актуальным станет вопрос о европейском или азиатском пути развития российского общества. Огромные бескрайние просторы за Уралом во все века являлись бездонной кладовой, обеспечивающей развитие российской экономики. Однако всего этого могло и не быть, если бы русские первопроходцы не совершили своего подвига по первоначальному открытию и освоению Сибири. Именно деятельность первых переселенцев на пашне, промыслах, ратной службе в конце XVI – начале XVIII вв. сделала Сибирь неотъемлемой частью Российского государства.

Словарь основных терминов

Автохтоны – коренные жители страны или ее отдельного региона.

Албан – дань или обязательная служба, которую выплачивали (несли) зависимые коренные племена Южной Сибири по отношению к своим иноплеменным хозяевам.

Аманат – заложник знатного происхождения из представителей коренного населения, находящийся в сибирских городах и острогах как гарант своевременной уплаты ясака и подчинения определенного племени «белому царю», местной русской администрации.

Архидиакон – монашеский сан, предполагающий, что его обладатель имеет право помогать иеромонаху проводить богослужения в церкви при монастыре и является старшим среди иеродиаконков.

Архимандрит – настоятель крупного православного монастыря.

Бесправное население – в традиционных обществах социальная группа населения, представители которой временно или навсегда вследствие личной кабалы за долги (либо кабалы родителей) или продажи лишаются каких-либо гражданских прав и находятся в полном распоряжении своего хозяина. В конце XVI – начале XVIII вв. в Сибири такой категорией являлись холопы, работавшие в хозяйствах сибирских служилых людей и крестьян.

Бирич – представитель местной администрации, занимающийся объявлением ее распоряжений.

Бобыль – изначально бездворный человек, пришедший в Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв., а затем осевший на государственной или монастырской земле и несущий повинности.

Бухарцы – обобщенное название купцов или выходцев из Средней Азии, находившихся в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.

Великие русские географические открытия – экспедиции русских землепроходцев В. Пояркова, И. Москвитина, Е. Хабарова, С. Дежнева, К. Иванова, М. Перфильева, В. Атласова и др. в XVI–XVII вв., благодаря которым европейцам стали известны просторы Западной и Восточной Сибири, а также очертания Евразии.

Вкладчик – человек, который для проживания в монастыре до смерти должен был внести имуществом или деньгами вклад либо отработать его своим собственным срочным или бессрочным трудом.

Выдельный (отсыпной) хлеб – налог, взимаемый в пользу государства с казаков и посадских за право иметь собственную пашню.

Гарь – самосожжение раскольников-староверов в Сибири, совершаемое в знак протеста против распространения на них власти царя или попыток приобщить их к обрядам, введенным Никоном после церковной реформы 1650–1660-х гг.

Годовальщик – служилый человек в Сибири, который год должен был нести службу в неземледельческом остроге с сугубо военной специализацией. Такими острогами в Сибири были Березов, Кетск, Нарым, Канск, Ачинск и др.

Государева (десятинная) пашня – специфическая натуральная повинность пашенных крестьян Сибири, существовавшая до 1762 г., согласно которой крестьянин должен был выполнить на специально отведенной государством пашне весь цикл агротехнических работ (семена ему предоставлялись, а тяговая сила и сельскохозяйственный инвентарь – нет) за право обрабатывать отведенный ему участок, находившийся на земле, верховным собственником которой являлось государство. Причем объем обрабатываемой в пользу государства земли соотносился с объемом «собинной пашни» как 1:4, 1:4,5, 1:5, 1:6 в разных районах Сибири.

Государственный феодализм – система, господствовавшая в Поморье и Сибири, основанная на верховной и отчасти ре-

альной иерархической земельной собственности государства и централизованных формах эксплуатации тружеников города и деревни.

Гулящие люди – специфическая категория сибирского населения, включавшая в себя юридически свободных, дееспособных, незакрепощенных, обычно холостых, бездворных и лишенных собственных средств производства людей, не входивших в крестьянские, посадские и служилые общины, зарабатывающих средства к существованию наймом и платящих в пользу государства годовой оброк и «рублевую пошлину».

Дворцово-вотчинный тип управления – организация власти в частных феодальных хозяйствах и в ряде государственных образований, предполагающая наличие неотраслевого аппарата управления, единолично решающего все вопросы жизни определенной территории. Наиболее ярко данный тип управления проявился в системе воеводской власти в Сибири, когда в руках воеводы сосредоточились военные, хозяйственные, фискальные, полицейские и другие функции государственной власти.

Епархия – церковно-административная территориальная единица во главе с архиереем (епископом), включающая в свой состав несколько десятиначалий и приходов.

Зависимое население – все категории трудового населения, находившиеся в разной степени зависимости от государства, мелких и крупных земельных собственников. Обычно они не имели достаточно средств для ведения хозяйства, и через кабальные займы временно и частично попадали в неполную личную зависимость. Яркими представителями категории зависимого населения в Древней Руси были закупы, в эпоху удельной раздробленности – изорники и серебряники, в Сибири конца XVI – начала XVIII вв. – бобыли и покрученники.

Зернь – название азартной игры в кости в XVI–XVII вв.

Игумен – настоятель православного монастыря.

Изделья – дополнительные натуральные повинности крестьян и служилых людей, не связанных с обработкой земли

или военной службой, например помол казенного зерна на мельницах, изготовление солода и т.д.

Иеродиакон – монашеский сан, предполагающий, что его обладатель имеет право помогать иеромонаху проводить богослужения в церкви при монастыре.

Иеромонах – монашеский сан, предполагающий, что его обладатель имеет право проводить богослужения в церкви при монастыре.

Инок – послушник, прошедший постриг, имевший право носить рясу. Он имеет право в любой момент вернуться к мирской жизни.

Ирмолог – в церковной музыке конца XVI – начала XVIII вв. собрание начальных песнопений, служащих образцом для последующих песнопений того или иного отдела хоровой композиции.

Казачья старшина – категория должностных лиц в казачьем войске XVII–XX вв., включавшая в себя атаманов, казачьих голов, войсковых судей, писарей, казначеев, есаулов, полковников, пятисотников, сотников, хорунжих. Первоначально в ее состав входили лица, завоевавшие авторитет благодаря своим воинским талантам и административным качествам. С XVIII в. должности в казачьей старшине стали наследственными. В ее руках, как правило, сосредоточивались значительные для казаков денежные суммы и лучшие надельные земли. Ее члены по своей сословно-классовой сути приближались к российскому дворянству.

Казенное крепостничество – стадия позднего феодализма, экономической основой которого является многоотраслевое государственное хозяйство, в котором принудительно использовался производительный труд пашенных крестьян, приписных крестьян и жителей посада, а также существовали разнообразные повинности оброчных крестьян и торгово-ремесленного населения.

Казенный сектор экономики – в конце XVI – начале XVIII вв. в Сибири – это пашни, ремесленные мастерские,

мануфактуры-«заводы», солеварни, промысловые угодья, находившиеся либо в непосредственной собственности государства, либо государство получало с них значительный доход в форме налогов или ренты.

Киштымы – племена, представители зависимого населения в Южной Сибири в эпоху Средневековья, объекты этнической эксплуатации.

Колонизация – заселение, хозяйственное освоение и совокупность социальных, политических, культурных процессов в ходе присоединения новых земель представителями не автохтонного (пришлого) для колонизируемой территории населения.

Корга – название лежбища моржей в русских документах конца XVI – начала XVIII вв. или речной отмели.

Коробья – денежные средства войска в Сибири, формировавшиеся путем складчины воинской добычи и части личных средств стрельцов и казаков и использовавшиеся для подготовки войска к походу, оплаты расходов по государственным повинностям, помощи вдовам и сиротам погибших или получивших сильное увечье членов общины.

Коч – деревянное, одномачтовое, однопалубное парусно-гребное промысловое мореходное судно промышленников севера Европейской России и Сибири, используемое, благодаря яйцеобразной конструкции дна и относительной легкости, для плаваний в Северном Ледовитом океане в XV–XVIII вв.

Кулема – ловушка на соболя, изготавливаемая на месте с помощью ножа и топора, в виде изгородки из сложной системы колышков, стоящих посередине двух бревен, захлопывающаяся, когда соболь начинает брать приманку.

Многоукладность – это характерная особенность социально-экономического развития России и Сибири в конце XVI – начале XVIII вв., когда одновременно существовали свободный мелкокрестьянский уклад, черносошные отношения, казенное крепостничество, частно-кабальный и патриархальный уклады и их варианты.

Монастырский детеныш – человек, в большинстве случаев с детства попавший на иждивение монастыря и обязанный выполнять по записи «всякую работу».

Монах – послушник, прошедший пострижение в «малую схиму», имеющий право носить полное облачение и специальный нательный знак.

«Мягкая рухлядь» – широко распространенное название пушнины (шкурки соболей, песцов, белок, росомах и т.д.) в русских документах конца XVI – начала XVIII вв.

Новокрещен – представитель коренного населения, находящийся на службе Российского государства, принявший христианство, получающий денежное и хлебное жалованье и освобожденный от выплаты ясака.

Облам – выдвигавшийся на несколько десятков сантиметров за пределы стен верхний этаж башни сибирских острогов, мешавший осаждавшим забраться на острожную стену.

Общественно-экономическая формация – по марксистской теории, ступень развития человечества, представляющая собой совокупность базиса и надстройки. Базис – это совокупность производственных отношений, составляющих экономическую структуру общества, а надстройка – политико-правовые отношения, которым соответствуют определенные формы общественного сознания. Было выделено пять формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая.

Одекуй – бисер, бусы, полудрагоценные камни, которые русские давали коренным жителям в обмен на пушнину в конце XVI – начале XVIII вв.

Озимые культуры – однолетние растения, которые высевают осенью и получают урожай зерна на следующий год, были наиболее распространены в Сибири.

Октоих – сборник православных песнопений для восьми голосов.

Парсуна – ранний жанр светского портрета в Российском государстве в конце XVI – начале XVIII вв., выполненный в соответствии с иконописными традициями.

Подмога – безвозвратная денежная или натуральная помощь со стороны государства или местной администрации, распространенная в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв., для устройства крестьянином собственного хозяйства.

Покрученник – охотник на соболя, обычно состоявший в промысловых партиях, снаряженный за чужой счет, обязанный в конце промысла рассчитаться за продукты и снаряжение, отдать долю прибыли (обычно 2/3) организатору промысла.

Половник – пришедший в Сибирь человек, осевший на монастырской пашне, получавший от монастыря скот, инвентарь, семена и обязанный в течение 5, 7 или 10 лет каждый год отдавать половину урожая монастырю.

Поминки – добровольные подношения и подарки коренных жителей Сибири, состоявшие из пушнины, рыбы и строганины, адресованные «государю», воеводам, дьякам, сборщикам ясака, впоследствии ставшие обязательными.

Поставленник – человек, пришедший в Сибирь без имущества, живший и питавшийся в доме зажиточного крестьянина и обрабатывающий часть его десятинной пашни. Зажиточный крестьянин давал поставленнику в пользование участок собинной пашни, обеспечивал его рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем.

Послушник без пострига – человек, живший в монастыре после принятия решения о монашестве, носивший обычную одежду, находившийся в подчинении игумена. Его прикрепляли к монаху для обучения. Он мог в любое время вернуться к мирской жизни.

Послушник в постриге – человек, живший в монастыре, прошедший таинство пострига, носивший подрясник, находившийся в подчинении игумена. Его прикрепляли к монаху для обучения. Он может в любое время вернуться к мирской жизни.

Потестарное образование – объединение этнических общностей доклассового типа с некоторым социальным и имущественным неравенством, разделением труда и наличием обменной деятельности при общем равенстве этнического сообщества, созданное для осуществления гипертрофированных военных функций и этнической эксплуатации.

Причетник – общее название всех церковнослужителей, за исключением священника и дьякона, способствующих организации богослужения и пиринимающих в нем участие.

Приход – низшая церковно-административная единица, содержащая храм и общину верующих с клиром.

Промышленные люди – социальная группа, включавшая людей, не находившихся на государственной службе и не приписанных в Сибири в качестве тяглых к определенному месту, непосредственно участвовавших в промысле в качестве его организаторов, рядовых охотников или совмещавших личный промысел с эксплуатацией покрученников, обязанных платить промысловый налог и разного рода таможенные пошлины, установленные государством.

Своеуженники – рядовые охотники-промышленники, которые за свой счет снаряжались на пушной промысел, полностью забирая в свою пользу прибыль от него.

Сибирские инородцы – обобщенное название коренных жителей Сибири в исторических документах XVI–XVII вв.

Синкретизм – смешение, неорганическое слияние разнородных элементов, например различных культовых и религиозных систем.

Сложные ремесла – ремесла, изготавливающие из одного вида сырья разнообразные изделия. Сложные ремесла являлись предтечей мануфактур.

Сложная община – крестьянская община, вследствие малонаселенности территории состоявшая из нескольких сельских поселений, либо посадская община, включавшая в себя часть крестьян, обрабатывающих пашню недалеко от города.

Социальное сотрудничество – система взаимодействия крестьянского, посадского и служилого населения с местной и центральной государственной властью, которая предполагала делегирование части властных полномочий на выборных представителей от общин для наилучшего выполнения административных функций на местах и защиты интересов рядовых членов общин (крестьянской, посадской, служилой).

Требы – церковные обряды (крещение, венчание, отпевание и др.), совершаемые по просьбе одного или нескольких прихожан за особую плату и не входящие в суточный богослужебный круг.

Трудники – люди (крестьяне, ремесленники, промышленные, служилые и «гулящие» люди), работавшие в монастырях во время, свободное от сельскохозяйственных работ и иных занятий, проверяющие свое желание стать монахами, носившие обычную одежду

Ужина – совокупность средств и снаряжение, необходимое охотнику для организации пушного промысла.

Уклад – определенный тип социально-экономических отношений, который воспроизводится во времени и пространстве.

Фронтир – территория встречи различных разноуровневых цивилизаций в условиях особого климата и ландшафта, на которой происходит хозяйственное, этническое, политическое взаимодействие пришлых народов с местными жителями, которое обязательно приводит к появлению нового сообщества, основанного на синтезе материальной и духовной культуры автохтонного и пришлого населения.

Хозяйственно-культурный тип (ХКТ) – комплекс особенностей хозяйства и культуры, который исторически складывается у различных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных естественно-географических условиях. По классификации М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова, выделяют три ХКТ: 1) охота, собирательство и рыболовство; 2) ручное земледелие (мотыж-

ное, без участия тягловой силы) и скотоводство; 3) пашенное земледелие. В конце XVII – начале XVIII вв. на территории Сибири были представлены все три ХКТ.

Целовальник – должностное лицо в Российском государстве в конце XV – начале XVIII вв., в обязанности которого входили сбор податей и исполнение ряда судебно-полицейских обязанностей. Целовальники избирались из числа посадских, чернососных и дворцовых крестьян сроком на один год. Название «целовальник» происходит от процедуры их присяги – «крестного целования», которая давалась при вступлении в должность.

Црен – большая железная сковорода в форме железного ящика площадью до 65 м² и весом до 650 кг для выварки соли из рассола.

Частновладельческий феодализм – разновидность феодализма, основанная на полном или условном владении землей, полученной за государственную службу частным лицом. При этом в вотчине или поместье владелец присваивает часть прибавочного продукта тружеников, работающих в его хозяйстве, в виде части рабочего времени (барщины), продуктов (натуральный оброк) или денег (денежный оброк). В Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. частнофеодальные отношения наиболее ярко проявлялись в хозяйстве сибирской служилой верхушки.

Челобитная – письменное прошение в XV – начале XVIII вв., при подаче которого «били челом», кланялись с прикосновением лба к земле. Представляла собой просьбу, жалобу, донос («изветы») и др. Могла подаваться отдельными лицами и коллективами дворян, посадских людей, крестьян в центральные и местные государственные учреждения, на имя великого князя, царя, церковных иерархов и др.

Чеснок – это вбитые в землю короткие, заостренные кверху столбы вокруг сибирских острогов для защиты от вражеской конницы.

Шерть – присяга коренных народов Сибири на верность договорным отношениям с Российским государством в конце XVI – начале XVIII вв., проводившаяся в соответствии с их обычаями и обрядами.

Этническая эксплуатация – форма эксплуатации, характерная для традиционных обществ, основанная на использовании либо бесплатного труда рабов-иноплеменников, либо взимания с них ясака за право существования. В основе этнической эксплуатации лежит биологический принцип борьбы видов в живой природе, поэтому ее объекты не признаются членами общества, людьми и гражданами. Этническая эксплуатация являлась исторической основой расизма, шовинизма и национализма всех мастей. В Сибири уже на первом этапе ее освоения русскими центральная власть признавала коренных жителей независимо от их языка и веры подданными, защищала их права на землю, на ведение традиционного хозяйства и права личности в целом. Поэтому ясак, как справедливо считают некоторые ученые-сибиреведы (П.Н. Павлов), быстро перерастал в централизованный налог-ренту.

Ясак – дань-налог, которую платили коренные жители Сибири в пользу русского государя как подтверждение своего подданства. Ясак принимали преимущественно собольими шкурками, очень редко его брали рыбой, скотом, оленьими шкурами.

Яровые культуры – однолетние сельскохозяйственные растения, высеваемые весной и дающие урожай в год посева.

Ясырь – пленник (пленники), захваченный во время военных столкновений как русских с коренными жителями Сибири, так и между коренными жителями. Ясырь находился в полной собственности воина, его пленившего, то есть мог быть убит, продан и т.д.

Примерные темы рефератов

1. Ермак – покоритель Сибири.
2. Первые русские города в Сибири.
3. Подвиг Семена Дежнева.
4. Деятельность Семена Ульяновича Ремезова.
5. Златокопящая Мангазея.
6. Основатель «города у Красного Яра» Андрей Дубенской.
7. Борьба вокруг решения о закрытии Северного морского пути.
8. Теория сибирского фронта в трудах современных ученых сибиреведов.
9. Ю.Я. Сулешев и П.И. Годунов – сибирские воеводы-реформаторы.
10. Загадки сибирских летописей.
11. Сведения иностранцев о Сибири конца XVI – первой половины XVII вв.
12. Сибирские монастыри – оплоты православной веры за Уралом.
13. Томское восстание 1648–1649 гг.
14. Героическая история сибирского города Албазина.
15. Иностранцы на русской службе в Сибири (XVII – начале XVIII вв.).
16. Тобольск – столица Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.
17. Памятники каменного зодчества в Сибири конца XVII – начала XVIII вв.
18. Игры и развлечения в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.
19. Знаменитые воеводские династии Сибири конца XVI – начала XVIII вв.
20. Видные деятели Русской православной церкви в Сибири: архиепископ Киприан и старец Далмат.
21. Суеверия сибиряков в конце XVI – начале XVIII вв.
22. Соотношение уровня социально-экономического развития Сибири и Европейской России.

Примерные вопросы к зачету

1. Происхождение и эволюция термина «Сибирь».
2. Основные подходы к определению термина, характеризующего процесс включения Сибири в состав Российского государства.
3. Предпосылки присоединения Сибири к России.
4. Россия, Сибирское ханство и Кучум. Поход Ермака. Его историческое значение.
5. Процесс продвижения русских в Сибирь до начала XVII в.
6. Продвижение русских в Сибирь в первой четверти XVII в.
7. Продвижение русских на территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока в XVII–XVIII вв.
8. Проблема Северного морского пути в XVI–XVII вв.
9. Особенности пушного, рыбного и ямского и других промыслов в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.
10. Добывающие промыслы в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.
11. Особенности организации сибирского земледелия в конце XVI – начале XVIII вв.
12. Торговля и ремесла в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.
13. Социальная структура сибирского общества в конце XVI – начале XVIII вв.: места выхода и профессиональные занятия.
14. Основные группы сибирского населения в конце XVI – начале XVIII вв.: промышленные люди и крестьяне.
15. Основные группы сибирского населения в конце XVI – начале XVIII вв.: служилые люди.
16. Основные группы сибирского населения в конце XVI – начале XVIII вв.: ремесленники, торговцы, представители духовенства и «гулящие люди».
17. Особенности межэтнических коммуникаций в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. Взаимодействие коренных народов Сибири с русскими.

18. Основные типы русских поселений в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.

19. Особенности управления Сибирью в конце XVI – начале XVIII вв.

20. Ясачная политика Русского государства в конце XVI – начале XVIII вв.

21. Воеводское управление в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.

22. Социальные конфликты в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.

23. Особенности становления Русской православной церкви в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.

24. Образование и зачатки научных знаний в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.

25. Литература, музыка и театр в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.

26. Живопись и архитектура Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.

27. Быт пришлого и коренного населения Сибири в конце XVI – начале XVIII вв.

**СПИСОК ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
РЕКОМЕНДУЕМОЙ
ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ**

1. Абдыкалыков А.Н. Енисейские киргизы в XVII веке. Исторический очерк. Фрунзе: Илим, 1968. 138 с.
2. Агеев А.Д. Сибирь и американский запад: движение фронтиров. М.: Аспект-пресс, 2005. 330 с.
3. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. М.: Наука, 2004. 600 с.
4. Алексеев А.И. Освоения русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX века). М.: Наука, 1982. 278 с.
5. Андриевич В.К. История Сибири: в 2 ч. Спб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1889. Ч.1: Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. 220 с.
6. Арзыматов А.А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII вв. Фрунзе: Изд-во Киргизстан, 1966. 92 с.
7. Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. Спб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. 612 с.
8. Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т.3, ч.1. 376 с.
9. Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII веков: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. 58 с.
10. Белаш Н.Ю. Образ фронта в США и России // Американский и сибирский фронт: сб. ст. Томск: ТГУ, 1997. Вып. 2. С. 37–44.
11. Белов М.И. Мангазея. Л.: Гидрометеиздат, 1969. 127 с.

12. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.М. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв: в 2 ч. М.: Наука, 1981. Ч. 2. 147 с.

13. Белов М.И. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Рукописное наследие Древней Руси. Л.: Наука, 1972. С. 86–106.

14. Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. 1725–1742. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 380 с.

15. Бояршинова З.Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск: Изд-во ТГУ, 1957. Т.136: Труды Томского университета. Сер.: Историко-филологическая. С. 67–98.

16. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения): спецкурс по истории народов Сибири для студентов-заочников исторического факультета университета. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1960. 151 с.

17. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск: Изд-во ТГУ, 1950. Т.112: Труды Томского университета. Сер.: Историко-филологическая. С. 23–210.

18. Бояршинова З.Я. Основание русского города на Томи (к 375-летию города Томска) // Томску 375-лет: сб. ст. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. С. 11–21.

19. Бояршинова З.Я. О формировании сословия государственных крестьян Сибири (XVIII – первая четверть XIX века) // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск: Изд-во ТГУ, 1964. Т. 177: Труды Томского университета. Сер.: историческая. Вып. 1. С. 44–56.

20. Бояршинова З.Я. Ранние страницы истории Кузнецкого города // Новокузнецк в прошлом и настоящем: материалы на-

учной конференции, посвященной 350-летию основания Кузнецка: сб. ст. Новокузнецк: Книжное изд-во, 1971. С.12–25.

21. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т.1. 328 с.

22. Буцинский П.Н. Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999. Т.2. 328 с.

23. Быконя Г.Ф. Андрей Дубенский – основатель Красноярска. Красноярск: Тренд, 2008. 159 с.

24. Быконя Г.Ф. К вопросу о народной монархии в России в XVI – XVII вв. // Проблемы демократии: история и современность: материалы научной конференции с международным участием: сб. ст. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2006. С.113–118.

25. Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007. 415 с.

26. Быконя Г.Ф. Проблемы поземельных отношений русского населения Сибири XVII–XVIII вв. в советской историографии // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири. Красноярск, 1976. Вып.1.

27. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 299 с.

28. Быконя Г.Ф., Журов Ю.В. Творческий путь сибирского историка (П.Н. Павлов. 1921–1974) // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX–XX вв.): сб. ст. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного педагогического ин-та, 1976. Вып.1. С.153–161.

29. Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII в. М.: Наука, 1984. 232 с.

30. Газенвинкель К.Б. Книги разрядные в официальных их списках как материал для истории Сибири XVII века. Казань: Типография императорского ун-та, 1892. 72 с.

31. Газенвинкель К.Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в сибирских городах и острогах с их основания до начала XVII века // Приложение к календарю Тобольской губернии на 1893 г. Тобольск: Тобольская губернская типография, 1892. С. 38–44.
32. Гневушев А.М. Сибирские города в Смутное время. Киев, 1914. 17 с.
33. Гончарова Т.А. История Нижнего Притомья в контексте межэтнической коммуникации (XVII – начало XXI в.). Томск: Изд-во ТГУ, 2006. 226 с.
34. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху: в 2 ч. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. Ч.1. 196 с.
35. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–88.
36. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1914. 133 с.
37. Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск: СО РАН, 2009. 444 с.
38. История казачества Азиатской России (XVI – первая половина XIX в.): в 3 т. / под ред. Н.А. Миненко, И.В. Побережникова, А.Р. Ивонина. Екатеринбург: Изд-во УРО РАН, 1995. Т.1. 318 с.
39. История Хакасии с древнейших времён до 1917 г. / отв. ред. Л.Р. Кызласов. М.: Наука, 1993. 525 с.
40. Копылов Д.И. Итоги развития мануфактурной промышленности Сибири в XVIII в. (структура, экономический строй) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1.
41. Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI – начало XVII вв.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма): сб. ст. М.: Наука, 1973. С. 37–59.

42. Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 240 с.
43. Люцидарская А.А. К вопросу о роли служилого населения в развитии города Томска во второй половине XVII в. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1972. Ч. 2. С.12–23.
44. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2000. Т.2. 796 с.
45. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2005. Т.3. 598 с.
46. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические социально-экономические отношения (XVII – XIX в.). Горно-Алтайск: Книж. изд-во, 1996. 400 с.
47. Никитин Н.И. Русские землепроходцы в Сибири. М.: Знание, 1988. 64 с.
48. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии / Д.А. Ананьев, Е.В. Комлева, Д.Я. Раев, Д.Я. Резун, И.Р. Соколовский, Е.Н. Туманик. Новосибирск: Сова, 2006. 227 с.
49. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1895. Ч. 1. 428 с.
50. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1897. Ч. 2. 162 с.
51. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1900. Ч. 3. 394 с.
52. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1767): в 4 ч. М.: Университетская типография, 1901. Ч.4. 287 с.
53. Окладников А.П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979. 223 с.
54. Островская Л.В. Прощения в консисторию и синод как источник для изучения социальной психологии крестьянства

поререформенной Сибири // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 172–181.

55. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М.: РАН. Сибирское отделение, Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.

56. Покшишевский В.В. Заселение Сибири: историко-географические очерки. Иркутск: Иркутское областное государственное изд-во, 1951. 208 с.

57. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 64 с.

58. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Наука, 1953. 442 с.

59. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. книж. изд-во, 1957. 307 с.

60. Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 303 с.

61. Преображенский А.А. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 382–397.

62. Преображенский А.А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири (конец XVI – середина XVII вв.) // Вопросы истории 1981. № 10. С. 77–89.

63. Резун Д.Я. К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII – начала XX вв.: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1981. С. 35–57.

64. Резун Д.Я. Очерки изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1982. 224 с.

65. Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронта в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в

изучении процессов освоения Северной Азии. Томск: Изд-во ТГУ, 2009. С.106–126.

66. Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 113–124.

67. Сибирские татары: монография. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 240 с.

68. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири: в 2 кн. М.: Типография А. Семина при императорской Медико-хирургической Академии, 1838. Кн.1: с 1585 – до 1742 года. 592 с.

69. Солодкин Я.Г. О становлении воеводской системы управления Сибири // Тезисы докладов и сообщений IV Региональной музейной научно-практической конференции, посвященной 30-летию города Нижневартовска. Нижневартовск: Книж. изд-во, 2001. С. 67–71.

70. Фишер И.Э. Сибирская история с самого начала открытия Сибири до завоевания Сибирской земли российским оружием. Спб.: Типография при Императорской Академии наук, 1774. 634 с.

71. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. / ответ. ред. Д.Я. Резун, В.А. Ламин, Т.С. Мамсик: сб.ст. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. Вып. 1. 114 с.

72. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. / отв. ред. Д.Я. Резун. сб. ст. Новосибирск: Изд-во РИПЭЛ плюс, 2002. Вып. 2. 94 с.

73. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. / отв. ред. Д.Я. Резун. сб. ст. Новосибирск: Изд-во РИПЭЛ плюс, 2003. Вып. 3. 128 с.

74. Хромых А.С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5 (106). Сер.: История. Вып. 23. С. 106–112.

75. Черносивитов П.Ю. Русская колонизация Севера: становление и разрушение генофондов культуры // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX веке (историко-археологические исследования). Владивосток: ДВО РАН, 1994. Т. 1. С.32–45.

76. Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1990. 189 с.

77. Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в.: учебное пособие. М.: Логос, 2002. Вып. 2. 160 с.

78. Шорохов Л.П. Возникновение монастырских вотчин в Восточной Сибири // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): сб. ст. М.: Наука, 1973. С. 148–163.

79. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 226 с.

80. Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Собрание сочинений. Спб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. Т. 2. С. 31–55.

81. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032–1882. Сургут: Северный дом, 1993. 463 с.

82. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Спб.: Типография И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АРЕАЛЫ ПОНЯТИЯ «СИБИРЬ»	6
ГЛАВА II. ДИСКУССИИ О ХАРАКТЕРЕ И СУЩНОСТИ РУССКОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ	12
ГЛАВА III. ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ	26
§ 1. Проникновение русских в Сибирь до конца XVI в. Северный морской путь	26
§ 2. Поход Ермака	30
§ 3. Присоединение Западной Сибири к Российскому государству	35
§ 4. Распространение русской власти на территорию Центральной Сибири	38
§ 5. Противостояние русских и кочевников на юге Центральной Сибири	41
§ 6. Включение юга Западной Сибири в состав Российского государства	45
§ 7. Присоединение Восточной Сибири к Российскому государству	46
§ 8. Приведение в российское подданство народов Бурятии и Забайкалья	49
§ 9. Присоединение территорий в бассейне р. Амура и Камчатки	51
ГЛАВА IV. ЗАСЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА	56
§ 1. Места выхода первых переселенцев	56
§ 2. Особенности половозрастной структуры сибирского общества ..	60

§ 3. Сибирские промыслы	63
§ 4. Земледелие в Сибири.....	72
§ 5. Сибирские ремесла	87
§ 6. Ямская гоньба.....	91
§ 7. Добывающая промышленность.....	92
§ 8. Сибирские торги	95

**ГЛАВА V. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА**

§ 1. Промышленные люди.....	107
§ 2. Служилые люди	111
§ 3. Крестьяне.....	129
§ 4. Посадские люди	142
§ 5. Торговые люди	146
§ 6. Гулящие люди.....	147
§ 7. Коренное население Сибири.....	149
§ 8. Основные типы русских поселений.....	156

**ГЛАВА VI. УПРАВЛЕНИЕ СИБИРЬЮ И СОЦИАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА**

§ 1. Центральные органы управления Сибирью.....	166
§ 2. Структура административно- территориального управления Сибири. Разряды.....	168
§ 3. Уездные воеводы в системе государственной власти за Уралом.....	172
§ 4. Мирское самоуправление в Сибири.....	177
§ 5. Коренные жители Сибири под властью Российского государства	184
§ 6. Механизмы борьбы со злоупотреблениями сибирских воевод.....	196
§ 7. Социальные конфликты	199

ГЛАВА VII. КУЛЬТУРА СИБИРИ

В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА	215
§ 1. Образование и грамотность	215
§ 2. Зачатки научных знаний	220
§ 3. Литература	232
§ 4. Музыка	235
§ 5. Театр	240
§ 6. Живопись	242
§ 7. Архитектура	246
§ 8. Быт первых сибиряков	255

ГЛАВА VIII. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

В СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА	259
§ 1. Структура Русской православной церкви в Сибири	259
§ 2. Сибирские церкви и приходы	262
§ 3. Монастыри в Сибири	265
§ 4. Сибирское духовенство	275
§ 5. Сибирские староверы	282
§ 6. Особенности восприятия православия у сибиряков	282
§ 7. Русская православная церковь и коренные жители	285
Заключение	289
Словарь основных терминов	293
Примерные темы рефератов	304
Примерные вопросы к зачету	305
Список дополнительной литературы, рекомендуемой для самостоятельного изучения	307

Учебное издание

Александр Станиславович Хромых

ИСТОРИЯ СИБИРИ
(КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVIII ВЕКА.)

Учебное пособие

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Верстка В.Ю. Васильева

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подписано в печать 05.05.14. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 20,0. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ 04-056

Отпечатано в типографии «ЛИТЕРА-принт»,
т. 295-03-40